

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

СПЕЦВЫПУСК

Японский альманах.
Вып. 1.

Кафедра японской
филологии Института
стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

Является приложением к научному журналу
«Молодой ученый» № 23 (157)

23.1
2017

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 23.1 (157.1) / 2017

СПЕЦВЫПУСК ЯПОНСКИЙ АЛЬМАНАХ. ВЫП. 1. КАФЕДРА ЯПОНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ИНСТИТУТА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ «МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Основной тираж номера 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 45 экз. Дата выхода в свет: 28.06.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Рабочая редакционная группа спецвыпуска:

Зав. кафедрой японской филологии ИСАА МГУ С.А. Быкова,

доктор филол. наук, профессор А.Р. Садокова

На обложке изображен *Энтони Гидденс* (18.01.1938), британский социолог, наиболее известный как автор теории структуризации, синтезированной из структурного функционализма и микросоциологии.

Родился и вырос в Эдмонтоне, Лондон, в семье клерка Лондонской транспортной компании, и был первым из Гидденсов, кто поступил в университет и получил высшее образование. В 1959 году Энтони окончил Университет Халла, потом получил степень магистра в Лондонской экономической школе, после чего — степень доктора философии в Королевском колледже Кембриджа. В 1961 году Гидденс начал преподавать социальную психологию в Университете Лейчестера, где познакомился с Норбертом Элиасом и начал работать над теоретической частью своего учения. В конце 60-х его пригласили в Кембридж, где он проработал довольно долго и даже стал полноправным профессором. С 1997 по 2003 годы Гидденс возглавлял Лондонскую экономическую школу.

В академической деятельности Гидденса можно выделить три наиболее значимых этапа. Первый характеризу-

ется созданием нового видения социологии, в основном в области теории и методологии, основанного на критическом осмыслении классики. На втором этапе Гидденс разработал прославившую его теорию структуризации. Третий период — время интереса Гидденса к проблемам модернити, глобализации и политики, прежде всего влиянию модернити на социальную и политическую повседневность. Он критикует постмодернизм и анализирует возможность «третьего пути» в политике.

Энтони Гидденс, автор 34 книг, изданных на 29 языках, в 2007 году занял пятое место в списке самых цитируемых ученых в области гуманитарных наук.

В 2002 году удостоен премии принцессы Астурийской.

В июне 2004 года за свои заслуги Гидденс получил пожизненный титул пэра, стал лордом и бароном Саутгейта. С 2005 года он заседает в парламенте Великобритании в качестве члена Палаты лордов, представляя партию лейбористов.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

Знакомьтесь — кафедра японской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ
им. М. В. Ломоносова.....1

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИКА

- Бессонова Е. Ю.**
Японские устойчивые выражения в контексте
культуры гостеприимства 2
- Быкова С. А.**
Территориальные диалекты японского языка —
от «диалектального комплекса» к признанию ... 5
- Васильева Л. В.**
Динамика изменений в языке и отношения к ним
носителей (на примере так называемых
«ра-нуки котоба») 8
- Крнета Н.**
Тэ-ё да-ва котоба — один из источников
женской речи в современном
японском языке 11
- Линяев Д. В.**
«Из Тиба в Осака» или «Из Чибы в Осаку»?
«Система» Поливанова — благо или источник
неразберихи, или что сказал бы по этому поводу
Розенталь...13
- Панченко Ю. Ю.**
О некоторых особенностях традиционной
языковой оппозиции кварталов Яманотэ
и Ситамати в современном Токио.....18
- Румак Н. Г.**
Ономатопея как культурологическая
особенность японского языка 21
- Стругова Е. В.**
К типологии неизбежных потерь
при переводе.....25

РАЗДЕЛ 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

- Бушнева Т. В.**
Роль погребальных плачей частного характера
в поэтической культуре Древней Японии.....29
- Корнеева И. В.**
Тема государственных экзаменов
в средневековой корейской литературе 31
- Петренко Н. Ю.**
Социальная роль цвета костюма в средневековой
японской литературе (на примере романа
Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи»)33
- Садокова А. Р.**
Мотив «убегающей лошади» в храмовом
фольклоре Японии36
- Цой М. К.**
История создания японского поэтического
собрания «Хайфу Янагидару»39

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

- Кудряшова А. В.**
Чайная утварь как художественный объект
в традиции «Тяною» («Путь Чая»)42
- Кудряшова А. В.**
К вопросу об эстетике чайной утвари
в традиции «Пути Чая».....45
- Овчинникова Л. В.**
О воспитании «японского» духа в колониальной
Корее (вторая половина 30-х —
начало 40-х гг. XXв.)48
- Садокова А. Е.**
Дорожное сообщение и способы путешествий
в древней Японии 51

РАЗДЕЛ 4. ПЕДАГОГИКА
И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ

Грунина О. Н.

Вопросы улучшения работы памяти в процессе
обучения японскому языку54

Лим Э.Х.

Коллаж в методике преподавания корейского
языка как иностранного56

Лихачева Т. Н.

Падежные показатели は «ва» и が «га»
в контексте практики аудиторного
перевода.....59

Знакомьтесь — кафедра японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

Наша кафедра является одной из старейших кафедр Института. Она была создана в 1956 г., когда еще ИСАА назывался Институтом восточных языков при МГУ. Первым заведующим кафедрой стал кандидат филологических наук, доцент Н. Г. Паюсов. На протяжении многих лет, с 1962 г. до 1991 г., кафедрой руководил заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, профессор И. В. Головнин, под редакцией которого был создан широко известный учебник японского языка. Затем кафедру возглавлял доктор культурологии, профессор Е. В. Маевский. С 2008 г. кафедрой руководит доцент, кандидат филологических наук, заслуженный преподаватель МГУ С. А. Быкова.

У истоков создания кафедры стояли выдающиеся ученые и методисты, труды и плодотворная деятельность которых были хорошо известны не только в нашей стране и странах бывшего Советского Союза, но также и за рубежом.

Ныне на кафедре работают преподаватели разных поколений, и все они являются выпускниками ИСАА, а также выпускники филологического факультета МГУ, которые обучались японскому языку у наших Учителей. В настоящее время учебный процесс обеспечивают два десятка преподавателей, среди которых два доктора наук, восемь кандидатов наук, два носителя языка. Сплав опыта с молодостью позволяет надеяться, что дело, которому мы посвятили свою жизнь, будет достойно продолжено.

За долгие десятилетия работы кафедра подготовила многие сотни японоведов, которые трудятся в самых разных областях. Среди наших выпускников — известные ученые и преподаватели, дипломаты, переводчики-синхронисты, общественные деятели и журналисты, — и все они успешно работают, применяя на практике знания, полученные в годы учебы. Кафедра считает своей главной задачей подготовку высококвалифицированных специалистов — японоведов, которые продолжают дело своих учителей.

Однако преподаватели нашей кафедры не только обучают японскому языку студентов всех существующих в Институте специализаций, но одновременно сами активно занимается научно-исследовательской работой в области лингвистики, литературоведения, культурологии, методики преподавания японского языка. Сотрудники кафедры издали большое количество учебных пособий, словарей, научных монографий и статей.

На кафедре проводятся научные исследования, связанные с лингвистической проблематикой японского языка (грамматика, стилистика, фразеология, диалектология, лексикология, письменность японского языка), фольклором, литературой и культурой Японии, методикой преподавания японского языка. Именно эти направления научной деятельности кафедры японской филологии нашли свое отражение в предлагаемом спецвыпуске, который мы назвали «Японский альманах».

Статьи этого выпуска отражают не только широкий диапазон наших научных интересов, но и разные точки зрения, творческий подход к процессу преподавания японского языка. Отрадно, что в создании этого выпуска приняли участие не только ученые нашей кафедры, но и молодые японоведы — аспиранты, соискатели и магистранты, а также коллеги-востоковеды из других ВУЗов, с которыми преподавателей нашей кафедры связывает давнее и плодотворное сотрудничество.

Зав. кафедрой японской филологии ИСАА МГУ С. А. Быкова,
доктор филол. наук, профессор А. Р. Садокова

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИКА

Японские устойчивые выражения в контексте культуры гостеприимства

Бессонова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В современном японском языке заметным стало частое использование устойчивых выражений *итиго итиэ* 一期一会 и *омотэнаси* おもてなし. Эти выражения рассматриваются в статье в качестве клише, которые в современном обществе используются не только на межличностном, но и на межкультурном уровне и определяют готовность к коммуникации на основе принципиальной открытости. Уместное употребление клише соотносится с возможностью построить добросердечные отношения.

Основы японского гостеприимства ведут свою историю из глубины веков, большое влияние на нормы гостеприимства оказали принципы чайного действия. Японское гостеприимство представляет собой отточенный веками этикет межличностного общения, в котором при возвышении гостя/клиента не принижается хозяин/работник сервиса, каждая из сторон общения имеет возможность почувствовать собственную значимость. Японское гостеприимство регламентировано, а, следовательно, удобно, знание порядка и соблюдение норм позволяют почувствовать уверенность в своих действиях и, не отвлекаясь на формальную сторону, полностью посвятить себя общению.

Итиго итиэ — клише сопричастности или ловушка простоты

Устойчивое выражение *итиго итиэ* используется с XVI в. в рамках чайного действия. Выражение приводится в написанных в 1588 г. «Записках Яманоуэ Содзи» (山上宗二記). Яманоуэ Содзи (1544–1590), ученик известного чайного мастера Сэн-но Рикю, в своем труде приводит комментарии к учению Сэн-но Рикю, а также регламент чайной церемонии. Однако в современном японском языке *итиго итиэ* стало речевым клише, которое часто воспроизводится людьми далекими от эстетики чайной церемонии и вне исторического или философского контекста. В XXI в. употребление устойчивого выражения *итиго итиэ* отмечается в контексте межличностного общения, межкультурной коммуникации, гостеприимства, даже перешло в область анимэ, став названием од-

ного из японских телевизионных анимационных сериалов («Итиго итиэ. Койбана томобана». 2007 г., «Итиго итиэ. Кими но котоба» 2011 г.). В целом клише *итиго итиэ* воспринимается как клише положительной, но не четкой коннотации, поэтому, как правило, применяется в сопровождении дополнительных разъяснений. Заметное место клише *итиго итиэ* получило в письменной и устной речи иностранцев. Очень часто в статьях и докладах иностранцев появляются фразы, содержащие данное клише, при этом аналогично японским авторам иностранцы, используя клише *итиго итиэ*, обычно сначала приводят само выражение, а затем сопровождают его разъяснениями.

Изречение *итиго итиэ* 一期一会 составлено из четырех простых и вполне понятных иероглифов: 一 (*ити*) «один», 期 (*го*) «период», 一 (*ити*) «один», 会 (*э*) «встреча», которые соответствуют начальному этапу обучения японскому языку как в программах, предназначенных для японцев, так и в программах, рассчитанных на иностранцев. По сути, иероглифы создают «ловушку простоты», благодаря которой изречение XVI века широко используется в современном японском языке. Но, несмотря на внешнюю простоту, суть изречения *итиго итиэ* не так легко понять. Бразильский художник Мокутан Анджело создал серию манга о японских дзенских изречениях, и именно выражение *итиго итиэ* открывает эту серию. Художник, проводя аналогию с процессом выпекания хлеба и процессами, проходящими в организме человека, проводит мысль о необходимости бережного и внимательного отношения к окружающему миру [5].

Японские толковые словари, словари пословиц и устойчивых выражений, как правило, содержат толкования «*итиго итиэ*». В электронной версии словаря 新明解四字熟語辞典 [10] приводится следующее толкование «一生に一度だけの機会。生涯に一度かぎりであること。生涯に一回しかないと考え、そのことに専念する意。もと茶道の心得を表した語で、どの茶会でも一生に一度のものとして心得て、主格ともに誠意を尽くすべきことをいう」。Ниже приведены примеры толкований выражения *итиго итиэ* из японских словарей.

Словарь	Толкование	Комментарий
例解新国語辞典 三省堂, — 東京. 1997, с. 57	人と人との出会い一生に一度だけだからたいせつにせよ、 ということ。〔参考〕心をこめて人をもてなせと教える 茶道(さどう)のことば。	отдельная словарная статья
日本語大辞典 講談社, — 東京. 1997, с. 126.	1. 茶道で、客との出会いは一度限りのものであると考え、 心をこめてもてなすようにと教える心得。 2. 一生に一度の機会	отдельная словарная статья
明鏡国語辞典、 大修館書店, — 東京. 2004.	生涯に一度だけ出会うこと。茶道で、一つの出会いを大 切にして悔いのないように茶を立てる心構えを言った語。	отдельная словарная статья, электронный сло- варь
国語大辞典源泉 小学館, — 東京. 1997, с. 125.	一生に一度会うこと。また、一生に一度限り会うこと。	нет отдельной словарной статьи, приводится в статье «一期»
新明解国語辞典 三省堂, — 東京. 1994, с. 64.	{茶の湯で} 全ての客を、一生に一度しか出会いのないも のとして、悔いの無いようにもてなせ、という教え。	нет отдельной словарной статьи, приводится в статье «一期»

Но, несмотря на приводимые в словарях толкования, выражение *итиго итиэ* вызывает значительные трудности при переводе на другой язык. В Большом японско-русском словаре [1] отсутствует отдельная статья для данного выражения, но в словаре можно найти словарную статью для слова *итиго* 一期 в значении «срок жизни» [1, с. 288]. В японско-русском словаре 研究者和露辞典 [2] приводится отдельная словарная статья для выражения *итиго итиэ*, в которой предложены следующие переводы: «один раз в жизни», «единственная встреча в жизни» [2, с. 54]. Приведем несколько вариантов перевода на русский язык, которые представлены на официальных веб-страницах: «этот момент больше не повторится» (web-japan.org/nipponia/nipponia39/ru/feature/feature01.html), «одна жизнь — одна встреча» (embjapan.ru/chajnaaya-seremonya.phtml), «единственная встреча в жизни» (russia.co.jp/ru/iskusstvo/NI-HONGA.htm), «каждая встреча единственна» (m.dp.ru/Article/942c933c-c53f-427f-a5f2-c6ccc22ebf1a#/book-mark), «единственная и неповторимая встреча» (www.japan.go.jp_userdata.pdf), «встреча, которая бывает раз в жизни» (www.nippon.com/ru/nipponblog/m00111/). В устных и письменных переводах автором ранее предлагались следующие варианты перевода для клише *итиго итиэ*: «встреча всей жизни», «цени каждую встречу в своей жизни», «любая встреча — как целая жизнь», данные переводы были связаны с контекстом переводимого текста, не имевшего отношения к чайному действу, и сопровождалась пояснениями, например, человек старается подготовить и провести встречу достойно, наслаждается гармонией общения, он не ожидает продолжения, а если будет новая встреча, она ни в коем случае не станет продолжением предыдущей, она будет новой и снова бесценной.

По всей видимости, правильное применение и перевод данного выражения предполагает глубинное погружение в эстетику Пути Чаю, а соответственно изречение в идеале должно применяться людьми посвященными, однако в современном мире изречение превратилось в

клише, которое часто не соотносится с первоначальной областью применения. На сайте用例.jp [6] приводится 130 примеров применения клише, а также видеоряд, где в песнях, выступлениях и т. п. использовано данное выражение. В 2016 г. во время визита в Японию премьер-министр Индии Наренда Моды произнес речь на английском языке, в которую включил японские клише *итиго итиэ* и *омотэнаси*. На видеозаписи данного выступления [9] заметно, что упоминание клише было с радостью воспринято японской стороной. Очень часто в современном японском обществе клише *итиго итиэ* используется в качестве «клише сопричастности», то есть предполагается, что знание данного выражения соотносится со знанием японской культуры, культуры гостеприимства, а также определяет готовность говорящего прилагать усилия для достижения взаимопонимания в рамках межличностного или межкультурного общения.

Возведенное в ранг искусства «омотэнаси»

Устойчивое выражение *омотэнаси* японцы воспринимают как клише определяющее гостеприимство на трех уровнях: уровне гостеприимства в отношении друзей и родственников, посещающих дом; уровне японского сервиса; уровне межкультурной коммуникации.

Уровень домашнего гостеприимства предполагает добросердечное отношение ко всем посещающим дом и соответствует следующим словосочетаниям: «дом гостеприимный», «дом открытый», «теплая домашняя обстановка». Сам термин *омотэнаси*, который сейчас в основном записывается хираганой *омоてなし* практически не представлен в словарях. Клише образовалось от глагола *мотэнасу* 持て成す «привлекать, развлекать, угощать» [1, с. 628] и представляет собой отглагольное существительное 持て成し «приём, обслуживание, угощение» [1, с. 628], к которому присоединен вежливый префикс *о* (御). Однако в некоторых электронных источниках кроме вышеизложенной представлена и другая трактовка происхождения слова, исходящая из созвучия

с «表なし»: в значение открытости, отрицающей все наносное, внешнее, глянцевое [7], [8].

Наиболее широкое распространение выражение *омотэнаси* получило в сфере японского сервиса. Например, японская авиакомпания JAL провозгласила *омотэнаси* принципом обслуживания и активно использует это клише в рекламе. На сайте компании разъясняется понятие *омотэнаси*: «Термину *омотэнаси* сложно подобрать точное определение. *Омотэнаси* часто переводят как «гостеприимство», но это слово обладает гораздо более глубоким смыслом. Это полностью бескорыстный подход к приему гостей, при котором достигается идеальный баланс между заботливым вниманием и ненавязчивостью, что позволяет создать сокровенную атмосферу доверия, умиротворения и уважения между людьми, пришедшими разделить драгоценные мгновения» [11].

Принцип *омотэнаси* неотделим от атмосферы японских гостиниц-рёканов («Переступив порог рёкана, гости целиком вверяют себя хозяевам в уверенности, что все их желания будут предвосхищены...» [3, с. 53]), проявляется в ресторанном, торговом и других видах сервиса. Один из примеров проявления *омотэнаси*: часто в аэропортах у стоек регистрации создается коридор из лент для организации очереди при большом скоплении народа. Однако, если людей немного, то в Японии практически незаметно и без всяких дополнительных просьб появляется служащий и «сокращает коридор», убрав ленту ограждения. Служащий, создавая комфортные условия пассажирам, проявляет не только заботу о клиентах, но и демонстрирует свой профессионализм. За кажущимся простым действием, отражающим принцип *омотэнаси*, скрываются сформировавшиеся еще тогда, когда ни аэропортов, ни стоек регистрации не существовало, многовековые традиции и ритуалы японского гостеприимства, а также то, что персонал был обучен приемам, соответствующим принципам *омотэнаси*. Приведу не претендующее на обобщение, но соотносящееся с контекстом наблюдение: часто в московских аэропортах даже при отсутствии очереди приходится идти не один круг по коридору из лент до регистрационной стойки. Запомнилось, как на регистрацию подошла группа пожилых иностранцев. Никого в очереди перед ними не было. Сопровождающий группы попросил находившуюся поблизости служащую открыть прямой коридор, но получил твердый отказ, прозвучавший достаточно прямолинейно: «ничего с ними (иностранцами) не случится, пройдут несколько лишних шагов». И действительно, ничего не случилось, прошли несколько дополнительных метров. Девушка-служащая победно смотрела на пожилых людей третий раз проходящий мимо нее... Здесь не было ничего личного, просто другая культура сервиса. В статье «おもてなし ~ treatment, hospitality, reception, entertainment, service» [8] упомянуто высказывание Янасэ Такаси: «Будем исходить из того, что людям приятно доставлять радость другим, поэтому если все станут «доставлять другим радость» (喜ばせっこ), в мире, наверняка, всё будет хорошо. Но как же странно, что не

все люди такие...», также в статье ставится вопрос, кого больше вокруг каждого из нас: 喜ばせっこ (людей «получающих удовольствие от того, что можно доставить другому радость») или же いじめっこ (людей «получающих удовольствие от того, что им удастся проявить превосходство над другими и доставить страдания») [8].

Многовековые и исключительно японские принципы *омотэнаси* сейчас активно выходят за рамки межличностных отношений и сервиса, становясь востребованным на уровне межкультурной коммуникации. В этой роли клише *омотэнаси* стало заметным после 2013 г., когда город Токио был выбран столицей Летних Олимпийских игр 2020 г. В предшествующей голосованию речи, произнесенной на английском и французском языке представительницей японской делегации известной телеведущей Кристель Такигава, прозвучало «*омотэнаси*», как понятие, отражающее принципы японского гостеприимства. В этом контексте в значении *омотэнаси* закладывается не только готовность продемонстрировать максимальный уровень сервиса в отношении гостей Японии, но и принципиальная готовность к открытому и искреннему общению. «*Омотэнаси*», в подчеркнуто протяжном звучании, продемонстрированном в речи К. Такигава, а именно «*о-мотэ-на-си*», даже было признано *рю: ко: го* 流行語, то есть одним из самых популярных слов 2013 г. [4]. Межкультурная коммуникация, которая приобретает особую значимость в период масштабных международных мероприятий, таких как Олимпийские игры, требует толерантности со стороны представителей различных культур, а соответственно возникает необходимость обучения приемам общения для выстраивания единого межкультурного пространства. Активное внедрение в массовое употребление слова «*омотэнаси*» входит в программу такого обучения. Обращает внимание сайт, название которого «Омотэнаси-До дайгаку/Omotenaship college», уже в названии сайта понятие «*омотэнаси*» возведено в ранг Пути («До») [7], на сайте не только разъясняется происхождение слова «*омотэнаси*», его значение, но и дается много другой информации, направленной на овладение искусством японского гостеприимства «*омотэнаси*».

Предполагается, что во время Олимпийских игр гости Японии смогут рассчитывать на высокий уровень обслуживания и искреннее общение, при этом происходить это будет не вопреки японской культурной традиции, а именно благодаря японской культурной традиции. Японская культура не только не растворится в межкультурном пространстве международного мероприятия, а японское гостеприимство — в гостеприимстве универсальном, но японское гостеприимство будет восприниматься как часть японской культуры и постоянно напоминать о себе, уже даже тем, что японское слово «*омотэнаси*», по всей видимости, станет словом межкультурной коммуникации, тем более оно уже сейчас проникает в неапонский языковой дискурс.

Итак, два основных клише японского гостеприимства *итиго итиэ* и *омотэнаси*, в современном обществе получают новое звучание. *Итиго итиэ* — становится вос-

требуемым в качестве клише сопричастности, использование которого позволяет носителям японской культуры подчеркнуть взаимосвязь с истоками отточенного веками гостеприимства, а иностранцам продемонстрировать знание японской культуры и готовность приложить усилия для того, чтобы каждая встреча с этой культурой и всеми, кто к этой культуре причастен, была проведена на самом высоком уровне. *Омотэнаси* — в современном обществе

становится все заметнее в качестве клише межкультурной коммуникации, привнося идею толерантности носителей культуры *омотэнаси* по отношению к другим традициям и культурам, ведь каким бы ни был человек или группа людей, это не меняет того, что в отношении окружающих должно быть выказано истинно японское гостеприимство, которое, возвышая посетителя, клиента, туриста и т. п., не принижает человека, олицетворяющего роль хозяина.

Литература:

1. Большой Японско-русский словарь в 2-х томах. Свыше 100000 слов. С приложением иероглифического ключа. Под ред. Н. И. Конрада. Сост. С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников. [и др.]. Т. 1. — М., «Советская Энциклопедия», 1970.
2. Кэнкю: ся варо Дзитэн. — Токио., «Кэнкю: ся», 2000.
3. Рёкан. Дом путника. — М., «Издательство Российского союза туристической индустрии», 2011.
4. Дёрфи Питер. Самые популярные японские слова 2013 года /Nippon. com. 29.11.2013. <http://www.nippon.com/ru/features/m00011/> Дата обращения 10.05.2017.
5. Дзэн но котоба (1) итиго итиэ/ Официальный сайт Nippon. com <http://www.nippon.com/ja/views/b06106/> Дата обращения 10.05.2017.
6. Ё: рэй. Поиск системы примеров использования слов и выражений японского языка <http://yourei.jp> Дата обращения 10.05.2017.
7. Омотэнаси-До дайгаку/ Omotenashi college. www.omotenashi-japan.com/omotenashi Дата обращения 10.05.2017.
8. Омотэнаси. Нихон продэкото манэдзимэнто кё: кай. www.pmaj.or.jp/online/1307/hitokoto.html Дата обращения 10.05.2017.
9. Речь премьер-министра Индии Наренда Модии. (14 ноября 2016 г.). Видео-ролик. <https://amalgas.amebaownd.com/posts/1614410> Дата обращения 10.05.2017.
10. Синмэйкай ёдзи дзюкуго дзитэн. <https://dictionary.goo.ne.jp/idiom/> Дата обращения 10.05.2017.
11. JAL представляет Омотэнаси. Japan airline. Guide to Japan. <http://www.ru.jal.com/ru/en/guidetojapan/omotenashi/> Дата обращения 10.05.2017.

Территориальные диалекты японского языка — от «диалектального комплекса» к признанию

Быкова Стелла Артемьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье рассматриваются новые тенденции в функционировании традиционных территориальных диалектов и «общего» языка в современном японском обществе.

Ключевые слова: «общий» язык, территориальные диалекты, «диалектальный комплекс».

В настоящее время языковая ситуация в Японии характеризуется повсеместным распространением и употреблением стандартного японского языка *хё: дзюngo* и «общего» языка *кё: цу: го*, трактуемого как основного средства повседневного общения [1, с. 230], одновременно с функционированием территориальных диалектов, традиционных и новых. Стандартный и «общий» языки сформировались и развиваются на основе языка современной столицы Японии Токио. В начальном периоде формирования стандартный и «общий» языки представляли

собой практически идентичные системы, но с течением времени «общий» язык всё более отдалялся от стандартного. В наши дни стандартный японский язык трактуется как некий идеал, который существует лишь в трудах по грамматике японского языка и учебниках.

Общепотребительным языком в действительности является «общий» язык, основанный на стандартном языке, но характеризующийся широким употреблением разговорных форм, нарушением норм стандартного языка и, следовательно, в значительной степени отличающийся от

стандартного. На протяжении длительного периода времени после окончания Второй мировой войны языковая политика в стране ориентировалась на полное искоренение диалектов как архаичных и не отвечающих тенденциям времени территориальных разновидностей японского языка, функционирование которых несовместимо с задачами закрепления стандартного и «общих» языков в качестве единственно допустимых к употреблению языков в системе образования, СМИ, в официальной обстановке и даже в ситуациях неформального общения.

В японском обществе формировалось и искусственно насаждалось пренебрежительное отношение к традиционным диалектам как к языкам низкого статуса, а говорящие на них люди нередко подвергались насмешкам и остракизму [2, с. 29–31]. Диалект воспринимался как язык низкого статуса, несомненно, ненормативный, на котором нельзя разговаривать и вести обучение даже в начальной школе. В результате у говорящих на диалекте возникало чувство ущербности, так называемый «диалектальный комплекс» [4, 24], выразившийся прежде всего в том, что люди стеснялись говорить на диалекте или произносить те или иные лексические единицы с диалектальной, нестандартной акцентуацией.

Единственный диалект, на который не только не распространялось негативное отношение, но и, напротив, был и остаётся языком, пользующимся уважением в современном японском обществе, является диалект, на котором говорят в Киото, древней столице страны эпохи Хэйан. Этот язык, на котором писали знаменитые женщины-писательницы той эпохи, до сих пор воспринимается как пусть и старомодный, но изящный и благозвучный язык периода расцвета японской культуры. Прошло несколько послевоенных десятилетий, прежде чем в японском обществе сформировалось понимание того, что традиционные территориальные диалекты являются национальным языковым достоянием, неисчерпаемым источником, который обогащает систему «общего» языка путём заимствования из диалектов грамматических и лексических форм. Кроме того, нельзя забывать о том, что большинство жителей страны продолжает воспринимать местный диалект как дорогой душе и понятный язык Малой родины, на котором говорили предки и который носитель языка привык употреблять с детства в домашней обстановке.

80-е годы прошлого столетия можно характеризовать как время начала изменения статуса диалектов в японском обществе. Негативное отношение к этим территориальным разновидностям японского языка постепенно уступило место признанию их «социальной ценности» [3, с. 102]. Эта тенденция продолжала закрепляться, и в настоящее время «диалектальный комплекс» исчез. На протяжении 2000-х годов в отличие от первых послевоенных десятилетий сложилось уважительное отношение к диалектам, что является новым явлением с точки зрения социолингвистики. Период постепенного повышения статуса территориальных диалектов, продолжающийся и в настоящее время, принято называть «эпохой престижа ди-

алектов». Многочисленные анкетирования, проводимые японскими СМИ в 2000-х гг. в различных префектурах страны, убедительно доказали, что отношение к диалектам претерпело значительные изменения. Так, на вопросы «Стыдитесь ли Вы говорить на диалекте?», «Стараетесь ли Вы скрывать свои знания диалекта?» зачастую давались ответы «Горжусь знанием диалекта», «Диалект — это здорово», «Диалект имеет социальную ценность». В эти же годы начинается «диалектальный бум» среди девушек-учащихся школ высшей ступени, охотно употреблявших различные диалектальные формы, который послужил толчком к повсеместному распространению моды на использование диалектов в речевой коммуникации.

Интересно в связи с этим попытаться проследить изменение статуса диалектов в японском обществе по материалам японской прессы [3, с. 101–103]. Если в 60-е гг. XX века в японских газетах можно было встретить заметки о случаях убийства из-за насмешек за употребление диалекта или разрыва помолвок по этой же причине, то уже в 70-е гг. в редакции газет стали приходить письма от читателей с призывами прекратить насмешки и оскорбления говорящих на диалекте под заголовками «Токийцы, прекратите смеяться над диалектами!», «Не смейтесь над говорящими на диалекте в производственном коллективе!», «Не смейтесь над диалектом!», «Подтрунивание над говорящим на диалекте — скрытое оскорбление людей из провинции». В 80-х гг. постепенно содержание писем меняется, обращения с призывами искоренить «диалектальный комплекс» исчезают. Дело в том, что в обществе появляются ростки иного отношения к диалектам. На страницах газет можно прочитать заметки под заголовками «Пора осознать, что диалект интересен», «Гордимся диалектом и на деревенском сходе решили говорить с использованием местного наречия», «Давайте говорить на нашем прекрасном диалекте». В 90-е годы важность диалектов в японском обществе начинает осознавать японский бизнес, что также находит отражение в прессе, в частности в рекламных публикациях. Газеты «Асахи» и «Ёмиури», ведущие газеты Японии, публикуют статьи «Диалект распространяется в рекламе, отражая многообразие жизни общества» («Асахи», 1992 г.), «Нюансы использования диалекта — диалект Осаки» («Ёмиури», 1990 г., раздел экономики).

В 2000-е гг. в период вышеописанного «диалектального бума» в прессе публикуются письма и заметки, озаглавленные «Наслаждаемся диалектом», «Принимаю говор, сокровищницу слов», «Лекарство, излечившее мою сестру, — диалект медсестры». Пожалуй, одна из наиболее любопытных публикаций обнаруживается в вечернем выпуске газеты «Ёмиури» от 08.11.2010. В заметке под заголовком «Сэбатаба яттэ мира» — это французский язык? Нет, наречие Цуруга» обращалось внимание читателей на использование диалектальных форм в рекламном ролике, посвящённом выпуску компанией «Тоёта» автомобиля «Пассо». В соответствии с сюжетом ролика молодой человек, управляющий «Пассо», проезжая по улочке Па-

рижа, обращается к своему другу-пассажиру со словами: «Ва но кадэ пан, сикэру мэ ни набэ са фондю сэба, удадэгумэ ё», где слово *ва* соответствует *ватаси* «я» стандартного языка, *кадэ* — слову *катай* «твёрдый», *мэ* — слову *маэ* «перед», формант *са*, обозначающий место действия, — форманту *дэ* стандартного языка, глагольная форма *сэба* — условной форме *сурэба* глагола *сору* «делать», *удадэгумэ* — диалектальный эквивалент слова *оисий* «вкусный». Фраза, произнесённая на наречии Цуруга, входящем в систему наречий диалекта Тохоку, распространённого на северо-востоке основного острова Хонсю, соответствует предложению «общего» языка «Ватаси но катай пан, сикэру маэ ни набэ дэ фондю сурэба оисий ё» — «Если хлеб чёрствый, я готовлю с ним фондю на сковороде, пока не испортился, и это вкусно». Собеседник отвечает также на наречии Цуруга: «Сэбатаба яттэ мира», где *сэбатаба* соответствует слову стандартного языка *сорэдэва* «тогда, итак, следовательно», а *мира* — *миру*, глаголу со значением «видеть, смотреть», выступающему здесь в качестве вспомогательного для образования конструкции выражения попытки совершить действие. Эквивалентом этой фразы в стандартном или «общем» языке является предложение «Сорэдэва яттэ миру» — «Ну тогда попробую так сделать». Реклама привлекла внимание читателей, обративших внимание на фонетическое сходство, как им показалось, диалектальных форм с французским языком. Далее реклама распространилась в Интернете и также получила высокую оценку читателей, восхитившихся сходством с французским языком, который воспринимается ими как звучный и красивый язык. Самое удивительное заключается в том, что диалект Тохоку считается не только крайне сложным благодаря своим фонетическим особенностям, сохранившимся с древних времён, но и довольно грубым языком провинциальной, сельской Японии. Ещё несколько лет назад невозможно было предположить, что формы этого «грубого» языка станут модными и будут широко употребляться. Без преувеличения можно утверждать, что этот пример, пожалуй, наиболее ярко демонстрирует изменения в отношении социума к диалектам и признанию его значимой роли в современной Японии.

Распространение диалектальных форм в японском обществе, в частности в рекламе следует рассматривать как свидетельство изменения статуса диалектов в обществе, яркую иллюстрацию перехода от пренебрежительного отношения как к самим диалектам, так и к людям, говорящим на них, к признанию их социальной значимости. Это новое для послевоенной Японии отношение к диалектам наиболее ярко проявляется в использовании диалектальных форм в рекламе, связанной с туристическим и гостиничным бизнесом. В связи с этим обращает на себя внимание повсеместное использование местных диалектальных форм для приглашения посетителей в гостиницы и рестораны в различных префектурах страны. Так, в качестве эквивалента фразы «Китэ кудасай» — «Приезжайте [к нам]!» по всей стране весьма успешно привлекают туристов фра-

зами на местных диалектах: «Ёттэ тансэ» в Аките (северо-восток Хонсю), «Окоси-ясу» в древней столице Киото, «Мэнсо: рэ» на Окинаве, крупнейшем острове архипелага Рюкю, «Корарэ» в префектуре Тоёма, «Оидэ-ясу» в городе Нара, когда-то также бывшем столицей страны, «Ё: кинсятта нэ» в Фукуоке на острове Кюсю, «Оидэ:» в префектуре Оивакэ и пр. Эти и многие другие диалектальные выражения можно увидеть не только в гостиницах и ресторанах, но также в аэропортах, на вокзалах, в автобусах и магазинах, продающих сувениры. Пожалуй, наиболее преуспела в этом смысле горная префектура Ямагути. С 60-х гг. прошлого века в префектуре Ямагути стали активно использовать фразу «Оидэ массэ Ямагути э!» — «Приезжайте в Ямагути!», приглашая гостей префектуры ознакомиться с местными достопримечательностями, обычаями, традициями, кухней. Эта фраза, притягивающая своей языковой новизной, сыграла значительную роль в процессе возрастания туристического потока, жители других районов Японии стали всё в большем количестве посещать Ямагути. В результате одна из ведущих токийских туристических компаний даже построила в этой префектуре выставочный центр, назвав его «Оидэ массэ Ямагути-кан». Появилась своеобразная языковая мода на повсеместное употребление в повседневной речи лексики диалекта Ямагути, например, *тёруру*, что означает «делает» (*ситэ иру* в стандартном языке).

Однако новое для Японии наших дней отношение к территориальным диалектам и повышение их статуса не вступает в противоречие с одновременным повсеместным употреблением «общего» языка. Носители языка чётко различают ситуации употребления «общего» языка и местного диалекта. «Общий» язык используется в ситуациях формальной коммуникации, диалект — в домашней обстановке, при общении с близкими, друзьями, представителями старшего поколения. Исследования, проведённые в последние годы японскими диалектологами, свидетельствуют, что, с одной стороны, в Японии нет районов, где бы не употреблялся «общий» язык, а, с другой стороны, отсутствуют регионы, где бы говорили только на диалекте во всех ситуациях формального и неформального общения. [2, с. 111]. Так, в результате обследования 2010 г., в котором участвовали взрослые жители страны различных возрастных категорий, выяснилось, что только в Токио с прилегающими пригородами и на Хоккайдо во всех ситуациях общения используют «общий» язык, жители этих регионов страны относятся к этому языку положительно и имеют весьма слабое представление о возможности употребления диалекта наряду с этим привычным для них языком. Напротив, в районе Кинки, где находятся Киото и Осака — главные центры функционирования диалектов западной ветви, послуживших основой стандартного японского языка эпохи Хэйан (см. выше о языке Киото), предпочитают говорить на родном диалекте во всех ситуациях общения. Более того, здесь не слишком положительно оценивают «общий» язык и поэтому не считают необходимым каким-то образом различать ситу-

ации употребления этого языка и местного диалекта. Аналогичные ответы характерны для жителей района Тюгоку, находящегося на юго-западе основного острова Хонсю, и острова Сикоку. В северной части района Канто, в районах Хокурику и Токай используют диалект не слишком активно вовсе не по причине особой расположенности к «общему» языку, а просто потому, что не слишком чётко различают ситуации правильного использования этих двух разновидностей японского языка. Наконец, самое удивительное в этом обследовании связано с языковой коммуникацией учащихся школ средней ступени, от пятого класса и выше, на Окинаве, острове Кюсю, в районах Тюгоку и Тохоку. Школьники этой возрастной группы в отличие от своих взрослых земляков прекрасно ориенти-

руются в ситуациях употребления диалекта и «общего» языка. Они относятся к родному диалекту с любовью, даже более ярко выраженной, чем другие категории респондентов, и говорят на нём в ситуациях общения с членами семьи и соседями, но за пределами своего региона употребляют только «общий» язык. По-видимому, сказывается методика преподавания родного языка в школе и соответствующие разъяснения преподавателей.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что изменение статуса диалектов в современной Японии в сторону его повышения и признания их ценности в то же время не повлияло на разграничение ситуаций с употреблением «общего» языка и территориальных разновидностей языка в японском обществе.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. Быкова, С.А. О статусе территориальных диалектов в современном японском языке// Японский язык в ВУЗе. Выпуск 8. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь 2012 г.). М.: Ключ-С, 2013.
3. Кибэ Нобуко, Такэда Ко: ко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. Хо: гэнгаку ню: мон (Введение в диалектологию). Токио: Сансэйдо:, 2013.
4. Сибата Такэси. Сибата Такэси нихонго эссэй (Эссе о японском языке Сибата Такэси), 2. Токио: Тайсю: кан сётэн, 1987.

Динамика изменений в языке и отношения к ним носителей (на примере так называемых «ра-нуки котоба»)

Васильева Людмила Владимировна, старший преподаватель
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Японские органы языковой политики на протяжении многих десятилетий планомерно и методично следят за состоянием родного языка, исследуют изменения как в самом языке, так и в отношении к нему носителей. Для этого используются различные способы и методы, начиная от регулярно и тщательно проводимых опросов о состоянии родного языка и заканчивая открытыми дискуссиями и обсуждениями самого широкого круга тем в средствах массовой информации перед принятием каких-либо решений экспертными советами. Такой подход дает возможность видеть динамику изменений, происходящих в языке с течением времени, следить за возникающими тенденциями, а также реагировать на те из них, которые оказывают существенное влияние на состояние языка в целом.

Попробуем рассмотреть, как менялось отношение носителей языка, а также реакция специалистов — представителей органов, занимающихся осуществлением языковой политики в Японии, на довольно бурно обсуждаемое в прошлом, а сейчас уже почти не вызывающее активных споров явление «ра-нуки котоба».

Проблема так называемых «слов без —ра» («ра-нуки котоба») заключается в том, что в ряде частных случаев в глаголах, относящихся ко второму типу спряжения (в русской традиции деления японских глаголов по типам спряжения), для выражения потенциального залога используется не нормативная форма соответствующего суффикса «-рарэру», а его сокращенный ненормативный вариант «-рэру». Речь идет обычно не обо всех словах этого типа спряжения, а о нескольких конкретных глаголах в форме потенциального залога, то есть «ко (ра) рэру» — «могу прийти/приехать», «ми (ра) рэру» — «могу посмотреть», «дэ (ра) рэру» — «могу выйти/выехать», «табэ (ра) рэру» — «могу есть» и «оки (ра) рэру» — «могу встать, проснуться» и некоторых других.

О проблеме «ра-нуки котоба» как об одном из проявлений «беспорядка» в японском языке говорили еще в 70-е годы, но особенно активно это явление обсуждалось и изучалось в 90-е годы. В 1993 году в заключительном докладе 19-й сессии Комиссии по обсуждению проблем родного языка при Министерстве просвещения — од-

ного из основных органов языковой политики Японии — проблема «слов без -ра» включена в список тем, подлежащих обязательному рассмотрению Комиссией для вынесения компетентного мнения и обоснованных рекомендаций по использованию или неиспользованию таких слов в печати, официальных документах и т. п. То есть в докладе, названном «О проблемах в современном японском языке», изучению явлений, о которых в средствах массовой информации (а, следовательно, и в обществе в целом) и в научных языковедческих кругах говорили уже давно, было предложено придать официальный характер. Таким образом, темой для всестороннего обсуждения и вынесения компетентного вердикта предлагалось сделать в сущности частный случай ошибочного (с точки зрения нормативной грамматики) словоупотребления. Даже если принять во внимание его распространенность, он все же оставался не более чем частным случаем, ведь речь шла даже не о повсеместной подмене правильной формы неправильной, а об употреблении ошибочной формы лишь в некоторых конкретных словах. Несмотря на «частность», этой проблеме на протяжении долгого времени уделялось очень много внимания в разнообразных дискуссиях и исследованиях.

Преподаватель Токийского университета иностранных языков, известный лингвист профессор Фумио Иноуэ, на лекции в ИСАА МГУ по вопросам лексикологии японского языка в октябре 1996 года описывал на примере проблемы т. н. «слов без -ра» явление, называемое «S-ка:бу но гэнго но хэнка» («Изменения в языке в виде кривой S»). Если представить себе ось координат, где по горизонтали отсчитывается время, а по вертикали — число сторонников того или иного нового явления в языке (то есть степень популярности этого явления), то график изменения общественного мнения по данной проблеме будет представлять собой кривую, подобную латинской букве S, вытянутой по диагонали.

Профессор Иноуэ сравнивал этот процесс с вхождением в моду мини юбок: сначала их носят лишь самые смелые, которые к тому же могут себе это позволить благодаря красивой фигуре, а таких, как известно, всегда немного (на графике это нижний кончик S-кривой, стелющийся по оси времени и почти не поднимающийся по оси популярности). Затем происходит резкий взлет популярности такой одежды, когда ее начинает носить большинство женщин самого разного возраста, комплекции и взглядов на жизнь (на графике в это время кривая резко поднимается вверх, и за довольно короткий отрезок оси времени значительно поднимается по оси популярности). И наконец, на заключительном этапе к любительницам мини понемногу начинают присоединяться самые консервативно настроенные или не признававшие этой моды по каким-то личным объективным причинам женщины, но активность процесса уже значительно замедляется и постепенно затухает (на графике это верхний кончик S-кривой, когда резкий подъем сменяется плавным бесконечным приближением к максимально возможной величине популярности).

То же самое, по мнению профессора Иноуэ, происходит и в языке. Например, в случае с «ра-нуки котоба» («словами без -ра»), на первом этапе это явление может существовать как диалектное или как модное и, соответственно, появляться в речи довольно ограниченного числа людей. Затем оно распространяется и переходит из этой узкой сферы в широкую сферу всеобщего употребления и происходит резкий рост числа его сторонников. Когда же это языковое явление получает такое широкое распространение, оно постепенно становится обычным, к нему привыкают даже самые консервативно настроенные слои общества, и шум вокруг него затихает. То есть наверняка остаются принципиальные противники такого рода нововведений, но резкого обострения дискуссий по этой теме уже не происходит. Поэтому, по мнению профессора, нужно просто спокойно подождать, чтобы дать процессу сойти на нет естественным путем. И если и оказывать воздействие на него, то лишь относительное, то есть объяснять предпочтительность тех или иных языковых форм в тех или иных ситуациях.

Рассмотрим динамику изменений отношения носителей языка к конкретным примерам употребления в речи «слов без -ра» по результатам ежегодных опросов общественного мнения по вопросам родного языка («Кокуго ни кансуру ёрон тё:са»), регулярно проводимых органами языковой политики с 1995 года.

В опросе 1995 года из предложенных участникам опроса пар правильных и неправильных форм глаголов «табэрарэру/табэрэру» (могу есть), «корарэру/корэру» (могу прийти, приехать) и «кангаэрарэру/кангаэрэру» (могу представить, могу считать) в среднем по всем трем словам 71,6% респондентов указали, что используют правильные формы потенциального залога в этих словах, а 22,6% — неправильные. Было также отмечено, что более половины респондентов в возрастной группе 16–19 лет подтвердили использование в речи неправильной формы «корэру» вместо нормативной «корарэру» (могу прийти, приехать). Комментарий экспертов к результатам опроса содержит предположение, что использование ненормативной формы потенциального залога «без -ра», видимо, связано с количеством слогов в слове — чем короче, тем вероятнее ненормативная форма.

Через 5 лет, в опросе 2000 года респондентам задали тот же самый вопрос. Результаты опроса показали, что количество респондентов, использующих в речи неправильные формы, практически не изменилось, но на несколько процентов возросло число тех, кто использует в речи обе формы — и правильную, и неправильную.

В опросе 2001 года вопрос о «словах без -ра» был сформулирован иначе: респондентов спрашивали, считают ли они использование в речи формы слова «корэру» вместо «корарэру» в значении «могу прийти, приехать» явлением, «искажающим» родной язык. 26,6% респондентов согласились с тем, что это «беспорядок» в языке; 32,9% ответили, что им безразлично, какая из форм используется, и почти столько же респондентов, а именно

32,5%, ответили, что появление в речи форм «слов без -ра» является не «искажением», а естественным «изменением» японского языка. 4,5% опрошенных сочли форму «корэру» правильной. Больше всего респондентов, считавших явление «ра-нуки котоба» не искажением или беспорядком, а естественным изменением в языке, оказалось в возрастной группе 30–39 и 20–29-летних — 46% и 39,8% соответственно.

В опросе 2008 года респонденты снова отвечали на вопрос, как они относятся к употреблению в речи ненормативной формы слова «корэру» вместо «корарэру» в значении «могу прийти, приехать»: как к искажению или как к естественному изменению, происходящему в языке. Количество респондентов, считающих это искажением нормы, сократилось на 3% по сравнению с 2001 годом, а количество тех, кто считает неправильную форму естественным изменением языка, выросло почти на 10% — до 41% всех ответивших. Таким образом, по мнению экспертов, проводивших опрос, общественное мнение по вопросу «ра-нуки котоба» постепенно меняется от негативного восприятия в сторону принятия нового явления в языке как формы его естественного развития.

В 2010 году в опросе общественного мнения о состоянии родного языка респондентам предложили пять фраз с нормативными и ошибочными формами глаголов, предложив выбрать те варианты, которые они используют в речи. Выяснилось, что в предложенных парах «табэрэрэнай/табэрэнай» («не могу съесть») и «кангаэрэрэнай/кангаэрэнай» («не могу себе представить») подавляющее большинство респондентов предпочли правильные варианты глагольных форм потенциального залога с «-ра» (60,2% против 35,2% и 88,2% против 8,1% соответственно), тогда как в парах «корарэмас ка/корэмас ка» («сможешь прийти?») и «дэрэрэру/дэрэру» («сможешь выйти?») хотя большинство респондентов (47,9% против 43,2% и 48% против 44% соответственно) и предпочли правильные формы неправильным, уже 8,1% и 7,5% отвечавших указали на то, что используют в речи обе формы. В еще одной предложенной в опросе паре «мирарэта/мирэта» («смог увидеть») число респондентов, выбравших правильную форму «мирарэта» — 47,6%, почти сравнялось с предпочитающими вариант «без -ра» — 47,2%, а 4,9% респондентов подтвердили использование в речи обеих форм.

При рассмотрении предпочтений респондентов разных возрастных категорий в паре «кангаэрэрэнай/кангаэрэнай» («не могу себе представить») ни в одной категории доля использующих в речи правильную форму потенциального залога не опустилась ниже 80%. Во всех остальных случаях более молодые респонденты гораздо чаще выбирали неправильные формы потенциального залога, и их доля в своей возрастной группе превышала (иногда значительно) пятидесятипроцентный рубеж. Так в паре «табэрэрэнай/табэрэнай» («не могу съесть») больше половины участников опроса в возрасте 16–19 лет предпочли неправильную форму правильной, а в парах

«корарэмас ка/корэмас ка» («сможешь прийти?») и «дэрэрэру/дэрэру» («сможешь выйти?») к ним присоединились и поколения 20-ти и 30-тилетних. Больше всего выбравших неправильную форму оказалось среди поколений 16–19-тилетних (83,8%), двадцатилетних (74,7%), тридцатилетних (61,5%) и сорокалетних (52,7%) респондентов, указавших на использование в речи ненормативного варианта «мирэта» вместо «мирарэта» («смог увидеть») в соответствующей паре.

Общая тенденция указывает на то, что с течением времени и взрослением первых поколений молодежи, наиболее активно начавших использовать неправильные формы нескольких глаголов в потенциальном залоге, сторонников «ра-нуки котоба» становится все больше. При этом список слов, которые подвергаются таким изменениям, практически не расширяется.

В последних из опубликованных на сегодняшний день результатах опроса 2015 года, где были в точности повторены вопросы 2010 года, впервые два самых часто употребляемых в неправильной форме слова «без -ра», а именно «мирэта» (вместо нормативного «мирарэта» — «смог увидеть») и «дэрэру» (вместо «дэрэрэру» — «сможешь выйти?») оказались предпочтительнее для более чем половины опрошенных. Постоянный рост количества тех, кто всегда или иногда использует в своей речи неправильные формы слов «без -ра», как мы уже видели, отмечался и ранее, но только последний опрос показал превышение 50%-ного барьера. Постоянно использующих только неправильные варианты оказалось, соответственно, 48,4% и 45,1% (и это больше чем тех, кто использует правильные формы, а именно 44,6% и 44,3% респондентов соответственно), а если к ним прибавить тех, кто использует в речи обе формы — 6,5% и 10,2% соответственно, то получается больше половины. В случае с глаголом «корэмас ка» (вместо «корарэмас ка» — «сможешь прийти?») неправильную форму выбрали 44,1%, правильную — 45,4%, а использующих обе формы оказалось 9,8%. Таким образом, оба варианта примерно равны по частоте использования.

Результаты опросов общественного мнения подтверждают динамику привыкания носителей к новому явлению в языке — использованию в речи неправильных с точки зрения нормы форм слов в потенциальном залоге у некоторых глаголов, относящихся ко второму типу спряжения, — по «кривой S», о которой говорилось выше. Если говорить об официальной позиции органов языковой политики, то, несмотря на частое упоминание этой темы в дискуссиях и постоянное возвращение к ней в опросах общественного мнения, позиция органов языковой политики, выраженная в одном из официальных документов еще в 1995 году, пока не менялась. В докладе, принятом на 20-й сессии Комиссии по вопросам родного языка при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий, озаглавленном «О государственной языковой политике, соответствующей новой эпохе», в разделе, посвященном проблемам лексики и грамматики, о явлении

«ра-нуки котоба» сказано, что несмотря на тенденцию к распространению «слов без -ра» в разговорной речи, признать их нормативным вариантом форм общего языка «кё: цу: го» представляется затруднительным. Экспертам органов языковой политики предлагается продолжать внимательно следить за распространением этого явления, обращая внимание на разграничение сфер его использо-

вания в устной и в письменной речи, а также на область распространения этого явления среди других глаголов такого же типа спряжения. В более поздних официальных докладах преемницы Комиссии по вопросам родного языка — Подкомиссии по вопросам родного языка Агентства по культуре — конкретной проблеме «слов без -ра» специального внимания не уделялось.

Литература:

1. Результаты опросов общественного мнения по вопросам родного языка (1995–2015 гг.) Сайт Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: http://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yoronchosa/index.html
2. Доклад 20-й сессии Комиссии по вопросам родного языка при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий «О государственной языковой политике, соответствующей новой эпохе»; URL: http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/20/tosin03/09.html

Тэ-ё да-ва котоба — один из источников женской речи в современном японском языке

Крнета Наталия, кандидат филологических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Женская речь в японском языке, определяемая как предпочтительная языковая норма для всех жительниц Японии независимо от их социального статуса и рода деятельности, возникла и получила распространение в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Если говорить более точно, это произошло на рубеже XIX–XX вв. в рамках проекта модернизации и индустриализации Японии, создания стандартного национального языка и национального государства. Проведение политики создания женского языка, на первый взгляд, противоречит необходимости создания единого национального языка, который будет являться важным инструментом объединения нации и экономического развития.

В действительности никакого противоречия не возникло, поскольку мужчинам и женщинам были отведены разные роли в жизни государства и общества. Предполагаемое место женщины и мужчины лучше всего отражено в лозунгах той эпохи: *Рё: сай кэмбо* «Хорошая жена, мудрая мать», *Фукоку кё: хэй* «Богатая страна, сильная армия», *Сёкусан ко: гё:* «Поддержка новой промышленности». Новое правительство Мэйдзи стремится создать современную, конкурентоспособную страну, которая выстоит в соревновании с западными державами, не потеряв свою независимость. Строительство капиталистических отношений, как залог индустриализации и последующего обогащения страны, и создание современной сильной армии представлялись главными средствами достижения поставленных целей.

С упразднением иерархической системы сословий основным носителем новой идеологии и тем, кто должен ее

провести в жизнь стал представитель среднего сословия, мужчина, горожанин, в возрасте 30–40 лет. Он должен стать костяком нации, трудиться на ее благо. А женщина является его поддержкой, надежным тылом в этом нелегком деле. С развитием новых отраслей промышленности повышается уровень занятости женщин в народном хозяйстве. Если до этого женщины были заняты исключительно в сельском хозяйстве, то теперь в бурно развивающейся ткацкой промышленности на фабриках работают преимущественно женщины. Даже возникает особое название для таких женщин *виба:* — *сан* «госпожа ткачиха» < англ. weaver. Тем не менее, поскольку женщины не допускались к управлению производственным процессом и обществом, то их роль состояла в «поддержке» — семьи, завода, общества, а не в «строительстве» нового общества.

Разделение сфер деятельности мужчин и женщин позволило в рамках процесса создания единого национального языка дифференцировать их речь. Идеалы женской речи эпохи Эдо частично наследуются последующими периодами. Интеллектуалы и общественные деятели, рекомендуют женщинам говорить мало, тихо, с использованием вежливых форм и особых женских слов, которые встречаются в *нё: бо: котоба* «дамской речи», сложившейся в период с XIV в. по середину XIX в. Данные рекомендации распространялись преимущественно через систему образования и СМИ. [2, с. 18–19]. Необходимо отметить, что, в отличие от предыдущих периодов, когда регламентировалась исключительно речь женщин, принадлежащих к аристократии и самурайскому сословию,

в эпоху Мэйдзи речь идет о нормировании речи всех жительниц Японии, вне зависимости от того, являются ли они домохозяйками или принадлежат к рабочему классу.

К середине XIX в. приблизительно 15 % девочек и 50 % мальчиков получали систематическое образование. Политические деятели эпохи Мэйдзи понимали, что для успешной модернизации и индустриализации страны необходимо повысить уровень образования в стране, что привело к введению системы обязательного бессловного образования по западному образцу. В соответствии с Основным кодексом о образовании (1872 г.) по всей стране было открыто 20000 начальных школ, в которых образование получали и девочки. Правительство учредило начальные школы, средние школы и университеты. К 1900 г. уже 80 % детей соответствующего возраста ходили в школу, а к 1910 г. почти все дети получали образование. Невиданное распространение школьной сети, которой были охвачены даже самые отдаленные горные деревни, привело к общему росту грамотности населения. Вместе с введением обязательного образования в школы начало поступать большое количество детей и правительство решило отменить старый обычай, по которому расходы на обучение, одежду и питание покрывались из государственной казны. Таким образом обучение было платным. Обучение в средних школах и университетах, как в частных, так и в государственных, было дорогим. Таким образом, оно было доступно только детям из зажиточных семей. С 1900 г. обязательное образование стало бесплатным, а в 1908 г. его продолжительность была увеличена до 6 лет.

Хотя изначально провозглашалось равенство полов при получении образования большое распространение школы для девушек получили лишь с конца XIX в.. По началу классы в начальной школе были смешанными, но уже с конца XIX в. снова вводится раздельное обучение. В школах опять начинают усилено поощряться идеалы женственности прошлых периодов, наряду с новыми веяниями. Хорошая жена и мудрая мать, должна с одной стороны морально и нравственно воспитать хорошего гражданина, а с другой обеспечить уютный, экономный быт своей семье. Для этого девочек обучают таким предметам как домоводство, вышивание, аранжировка цветов, семейный бюджет. Одновременно восстанавливаются конфуцианские идеалы скромности, любезности, послушности, которые находят свое отражение и в языке. В школах для девочек поощряется использование вежливого языка (как почтительных, так и скромных форм), личного местоимения первого лица *ватакуси* вместо *ватаси* или *атаси*.

В обществе преобладало мнение, что девочкам достаточно получить начальное образование, и нет необходимости учиться дальше. Из их числа среднее и особенно высшее образование получали только привилегированное меньшинство девушек из материально обеспеченных семей среднего и высшего классов. В 1900 г. в Японии существовало всего 52 школы средней ступени для девочек, в которых учились 11984 ученицы, что составляет

0,38 % от всех девочек соответствующего возраста. [6, с. 38]. Девушки осознавали, что принадлежат к элите, в то же время они не были обременены важной миссией строительства нового общества в будущем. Это им позволяло экспериментировать, играть, создавать новое, в том числе и в языке.

Хорошо образованные девушки впервые появляются в публичном пространстве, и сразу привлекают внимание общественности — журналистов, общественных деятелей, писателей. Предметом обсуждения становятся их внешний вид (одежда, прически), манеры, речь. Объектов критики было много, но особенно резко современники отзывались о речи, которую старшеклассницы и студентки использовали. Она получила название *тэ-ё да-ва котоба* «речь тэ-ё да-ва» по заключительным формам предложений, часто используемых ими в речи. Само название употреблялось с оттенком презрения и укора. Нейтральным термином для обозначения особого стиля речи, на котором говорили ученицы и студентки был *дзёгакусэй котоба* «речь учениц».

В учебниках и методологических материалах первой половины XX в. встречаются неоднократные предостережения о нежелательности и даже вредности использования ученицами форм *тэ-ё да-ва*, местоимений второго и первого лица *кими* и *боку*, которые до этого времени использовали исключительно мужчины, большого количества *рю: ко: го* «модных слов». Множество новых слов было создано самими ученицами как результат «игры», эксперимента с целью достижения большей экспрессивности, красочности, эмоциональности выражения. Такой же принцип лежит и в основе создания новых лексических единиц в молодежном языке сегодня. В обществе повсюду раздавались голоса, что подобная речь является странной и «неприятной» (*мимидзаварина*), вульгарной и подходящей для представительниц более низких слоев общества. Критике подвергались не только лексические и грамматические особенности, но и произношение (слишком быстрое, слишком много стяженных форм) и интонация (слишком часто используемая восходящая интонация), а также недостаточно высокий уровень вежливости речи. Современники ожидали от хорошо воспитанных и образованных девушек слышать фразы заканчивающиеся на адресивную форму глагола/связки (*дэсу/масу*), при чем сам глагол, желательно, должен быть в скромной/почтительной форме, либо быть синонимичным глаголом, принадлежащим к вежливой речи. Например, *Ватакуси юкимасита*. «Я ходила (туда)». Для них, насколько можно судить по отзывам того времени, было настоящим шоком слышать фразу *Атаси иттэ-ё!* [6, с. 58–61]. В первом случае использовано местоимение первого лица более высоко уровня вежливости, глагол «идти» стоит в адресивной форме прошедшего времени. Во втором случае, глагол стоит в депричастной форме, которая не является заключительной, и которая не передает значение времени совершения действия, и к нему добавлена модально-экспрессивная ча-

стица *ё*, которая усиливает, подчеркивает высказывание. Подобное использование деепричастной формы в заключительной позиции рассматривалось не столько как нарушение грамматических норм, сколько как свидетельство грубости, невнимательности и даже лени произносить полную форму. Еще одним поводом для критики было использование канго, слов состоящих из китайских корней, и заимствований из английского языка в устной речи девушек [3, с. 24].

Слой слов канго традиционно считался тем пластом лексики, который принадлежит ученым мужам, чиновникам и государственным деятелям. Женщин в Японии на протяжении веков не обучали иероглифической письменности, и от них ожидалось использовать преимущественно слова японского происхождения («*ямато котоба*», т. е. ваго). Подобная речь стала считаться «мягкой», «нежной» и «женственной». Но в современных школах девочки официально получили доступ к иероглифической письменности, а в школах, основанных западными миссионерами, к английскому языку. Девочки начинают использовать такие слова в повседневном общении, и их речь

воспринимается как «неженственная», и соответственно «грубая», хотя у мужчин обилие канго в речи свидетельствует о учености и образованности.

Многие из форм, которые в тот период подвергались критике, уже с середины XX в. стали считаться особенно красивой и правильной женской речью, неотъемлемой частью идеализированной речи, которая стала восприниматься как издревле существующий элемент японского языка и общества. Например, заключительная модально-экспрессивная частица *ва*, со временем в учебниках, грамматиках и литературе стала одной из самых ярких черт женской речи. Это же верно и по отношению к восходящей интонации. И на сегодняшний день считается, что фраза *Со: да ва!* «Да, это так» произнесенная с повышением тона в конце характеризует того, кто ее произнес как настоящую, хорошо воспитанную, нежную женщину. Тенденция к понижению уровня вежливости женской речи, которая получила начало в речи «тэ-ё да-ва» продолжается и по сей день, и уже не вызывает таких повсеместных вздохов сожаления о «порче языка», и «утрате настоящего японского».

Литература:

1. Васи, Т., Гэндай нихонго но сэйса ни цуитэ но ити ко: сацу — она котоба тоситэ но дзёдо: си ва о мэгутте (Исследование разницы в роде в современном японском языке — о заключительной частице *ва* как части женской речи) // Нихонго · нихон бунка кэнкю:, 6, Осака гайкокуго дайгаку, 1996. — с. 43–53.
2. Накамура, М., Оннакотоба-но сэйрицу то кокуминка (Становление женской речи и становление нации) // Нихонгогаку, 23/7, Мэйдзисёин, 2004. — с. 14–26.
3. Эндо Ориэ, Вакай дзёсэй-но котоба (Речь молодых женщин) // Нихонгогаку, 13/10, Мэйдзисёин, 1994. — с. 19–33.
4. Bohn, M., Matsumoto Y., Young women in the Meiji period as linguistic trend setters // Gender and Language 2 (1), 2008. — P. 51–85.
5. Endo, O., A Cultural History of Japanese Women's Language, Ann Arbor: The University of Michigan, Center for Japanese Studies, 2006—139 с.
6. Inoue, M., Vicarious Language: Gender and Linguistic Modernity in Japan, University of California Press, 2006—323 с.

«Из Тиба в Осака» или «Из Чибы в Осаку»? «Система» Поливанова — благо или источник неразберихи, или что сказал бы по этому поводу Розенталь...

Линяев Дмитрий Владимирович, старший преподаватель
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В последние годы в российском сегменте всемирной паутины приобрело некоторую популярность словечко «холивар». Своим происхождением оно обязано английскому словосочетанию *holuwar* (букв. «священная война», чаще употребляется в значении «религиозная война»). Интернет-сайт «Викисловарь» определяет его как «(неол., жарг.) бесконечные прения непримиримых оппонентов» [9], а сайт «Lurkmore» — как «общее на-

звание споров между людьми, являющимися приверженцами диаметрально противоположных мнений, которые они не желают менять» [10].

Классическим примером холивара является знакомый каждому с детских времен спор между «остроконечниками» и «тупоконечниками» из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта. Вспоминая полемику лилипутов, нельзя не признать, что их спор имеет главную отличи-

тельную черту холивара — принципиальную бессмысленность, ибо ни один из спорящих не собирается выслушивать и конструктивно обдумывать доводы оппонентов.

Каждый, кто причастен к российскому японоведению XX-XXI века невольно является участником холивара — вяло «тлеющей» полемики о том, как правильно транскрибировать (транслитерировать) японские слова в русской речевой практике. Каждый учившийся японскому языку слышал о так называемой «практической транскрипции Поливанова». Согласно данным Интернет-ресурса «Википедия», система была создана в 1917 г., а обнародована — в 1930 г. [7]. Созданная Поливановым транскрипционная система, как представляется, характеризуется определённой неоднозначностью. Задуманная, без сомнения, как инструментальный, призванный облегчить жизнь исследователя-япониста и специалиста-практика, эта система вызывала и вызывает определенные сложности. То, что создал Поливанов, нельзя однозначно признать транскрипцией, ибо его система имеет и некоторые черты транслитерации. Большинство исследователей предпочитают дипломатично именовать инструментальный, предложенный им, просто «системой», избегая однозначного классифицирования. Все российские японисты изучали принцип этой системы и правила ее применения. В классическом советском и российском японоведении существуют четкие правила использования данной системы (четкие указания касательно того, какие сочетания букв русского алфавита следует использовать для фиксации сочетаний звуков (т. е., слогов) японского языка). Есть, тем не менее, есть группа исследователей и специалистов-практиков, считающих, что данная система отличается рядом серьезных недоработок и далеко не полно удовлетворяет потребности в практическом транскрибировании японских слов в русской речи. Основным «яблоком раздора» между «ортодоксальными» японистами (поклонниками системы Поливанова) и «ревизионистами» (ее критиками) являются правила транскрибирования слога *ち* и его производных (*ちや*, *ちゆ*, *ちよ*): «ТИ (ТЯ, ТЮ, ТЁ)», как предлагает Поливанов или «ЧИ (ЧА, ЧУ, ЧЁ (ЧО))», как предлагают его оппоненты, а также слога *し* и его производных (*しや*, *しゆ*, *しよ*): «СИ (СЯ, СЮ, СЁ)» (Поливанов) или «ШИ (ША, ШУ, ЩО) / ЩИ (ЩА, ЩУ, ЩЁ)» (оппоненты).

Полемика между приверженцами и оппонентами данной системы ведется много десятилетий. Она отличается весьма значительной эмоциональностью. «Реформисты» заявляют, что система Поливанова неточна, устарела и более не удовлетворяет потребности речевой практики. «Консерваторы» апеллируют к авторитету выдающихся исследователей прошлого, которые не высказывали критических замечаний в адрес этой системы. Сама эмоциональность и временная длительность полемики вызывает желание упрекнуть автора в том, что он не создал систему, которая исключала бы возможность любых разночтений и вариативности в ее использовании.

Думается, однако, что Е.Д. Поливанов не виноват в сложившейся ситуации. Когда познакомишься с его си-

стемой, возникает ощущение, что автор, назвавший ее «системой практической транскрипции», определял область практики, как нечто весьма конкретное и специфическое — как практическую деятельность узкого круга людей, а именно, ученых-японистов, понимающих особенности японской фонетики, русской фонетики и русской письменности, а также осознающих всю условность этой системы и готовых следовать ей. В реальности же получилось, что система из сугубо научной сферы «ушла в народ» и зажила своей собственной жизнью, т. е., стала использоваться не совсем так, или, скорее, совсем не так, как замыслил автор. То, что мы наблюдаем ныне при транскрибировании (транслитерировании?) японских слов в речевой практике носителей русского языка, можно назвать «народной транскрипцией». Именно в сфере, лежащей вне пределов академического японоведения, и возникли разночтения, авторами которых были, естественно, не убежденные последователи Поливанова. Можно предположить, что носители русского языка, сталкиваясь с некоторыми японскими словами, содержащими отмеченные выше слоги и транскрибированными методом Поливанова, ощущали некий внутренний дискомфорт. В качестве примера приведем классический (поливановский) способ транскрипции предложения 伊藤忠の社員は事務所を提灯で飾った — ИТО: ТЮ: — НО СЯИН ВА ДЗИМУСЁ-О ТЁ: ТИН-ДЭ КАДЗАГТА (сотрудники компании «Итогю» украсили офис бумажными фонариками «тётин»). Очевидно, возникает некоторый дискомфорт при транскрибировании названия компании как ИТО: ТЮ: (двоеточие обозначает долготу звука), а также при транскрибировании названия красного японского бумажного фонарика как ТЁ: ТИН. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что слово ТЁ: ТИН в качестве термина, обозначающего разновидность бумажного фонаря, звучит для русского уха смешно. Да и услышав слово ИТО: ТЮ: трудно удержаться от улыбки. Здесь на помощь приходит народная (ненаучная, но более приятная для слуха носителя языка) транскрипция. Прежде всего, из транскрибированных слов исчезает диакритический знак, обозначающий долготу звука (двоеточие), а затем ИТОТЮ превращается в ИТОЧУ (официально принятое русское самоназвание японской торговой компании), а ТЁТИН — в ЧОЧИН. Интересно, что подобного дискомфорта слоги СЯ (в сл. СЯИН — сотрудник компании) и СЁ (в сл. ДЗИМУСЁ — офис), скорее, не вызывают. Да и слог ДЗИ в слове ДЗИМУСЁ (офис) тоже не вызывает большого дискомфорта, хотя в русской языковой практике встречаем и другой вариант записи данного сочетания звуков, например, ДЖИУ-ДЖИЦУ (исторически закрепившийся вариант транскрибирования названия японской борьбы, которое, согласно Поливанову, нужно транскрибировать как ДЗЮ: ДЗЮЦУ). Вопросы звукописи в переводах довольно подробно касаются в своей книге «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» К.И. Чуковский [5], мы же оставим его за рамками данного исследования.

Многолетний спор между приверженцами различных точек зрения можно было бы легко разрешить при наличии минимальных средств, несложного физического (акустического) оборудования и участия небольшой команды добровольных участников — носителей русского и японского языков. В качестве способа проведения эксперимента можно предложить чтение носителями японского языка текста с большим числом слов, содержащих слоги *ち* (ТИ? / ЧИ?) и *し* (СИ? / ШИ? / ЩИ?) и их производные *ちや, чю, чю* (ТЯ, ТЮ, ТЁ / ЧА, ЧУ, ЧЁ (ЧО) и *しや, шю, шю* (СЯ, СЮ, СЁ / ЩА, ЩУ, ЩО / ША, ШУ, ШО). Затем носители русского языка могли бы прочесть текст с большим числом слов, содержащих слоги ТИ, ЧИ, СИ, ШИ, ЩИ, ЩА, ЩО, ША, ШО и пр. В результате несложных сопоставлений характеристик звуков: длины волны, ее частоты, амплитуды и пр. можно было бы точно и, что самое главное, определенно установить, какие слоги (сочетания звуков) русского языка в использованной выборке наиболее полно соответствуют слогам (сочетаниям звуков) японского языка. Никто до сих пор не озаботился проведением подобного эксперимента, и это свидетельствует о том, что проблема соответствия системы Поливанова потребностям современной речевой практики не является столь уж насущной. Неоднозначность и неточность данной системы не создают принципиальных препятствий для научных изысканий и практической деятельности японистов, а лишь несколько осложняют их. Однако давно назрела необходимость в выявлении недоработок и недостатков системы Поливанова и внесении ряда предложений по ее совершенствованию и приведению ее к соответствию потребностям современной речевой практики. (Сразу оговоримся, что предметом рассмотрения данной работы является исключительно система Поливанова в ее нынешнем состоянии). Все прочие системы транскрипции и транслитерации японских слов в русской речевой практике мы оставляем за рамками настоящего исследования.)

Лингвистический энциклопедический словарь определяет транскрипцию как «способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [2], а транслитерацию — как «побуквенную передачу тек-

стов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы» [2].

Интернет-ресурс «Википедия» определяет транскрипцию как «передачу элементов звучащей речи (фонем, аллофонов, звуков) на письме с помощью какой-либо системы знаков» [6], а транслитерацию — как «точную передачу знаков одной письменности знаками другой письменности, при которой каждый знак (или последовательность знаков) одной системы письма передаётся одним и тем же знаком (или последовательностью знаков) другой системы письма» [8].

К основным характеристикам транскрипции сегментных единиц речи относятся

1. Однозначное соответствие используемого знака и транскрибируемого звука.

2. Использование диакритических знаков (знаков долготы, палатализации, назализации и т. д.) для точного отражения всех фонетических особенностей речи.

Условное употребление букв и применение диакритических знаков допускает и транслитерация, которую зачастую ошибочно смешивают с практической транскрипцией (записью иноязычных слов средствами национального алфавита для использования в обычных текстах с учетом особенностей их произношения и с использованием исторически сложившейся орфографической системы языка-приёмника).

Итак, в современной языковой практике имеем:

1. Систему Поливанова, названную автором транскрипцией, но не обеспечивающую однозначность соответствий знаков и звуков (например, знак Т может означать и звук *t* и аффрикату *tʃ*). С другой стороны, система имеет и выраженную черту транслитерации — точное и однозначное соответствие знаков (например, *th* — всегда ТИ).

2. Т. н. «народную» транскрипцию, использующую знаки и их сочетания, не предусмотренные Поливановым, например, ЧИ, ДЖИУ и пр.

Рассмотрим некоторые особенности системы Поливанова в сравнении с теоретической (т. е., используемой только в научно-исследовательской деятельности и в лексикографии) транскрипцией английского языка.

	Система Поливанова	Английская транскрипция
Тип	Практическая. Используется как в научно-исследовательской деятельности, так и в речевом обиходе. Имеет как черты, присущие собственно транскрипции, так и черты, присущие транслитерации	Теоретическая. В повседневной речевой деятельности не используется. Является транскрипцией в строгом значении данного термина.
Фиксация (передача звуков знаками)	Неоднозначная: Японский <i>t</i> (た、て、と) — всегда «Т», но «Т» — не всегда японский <i>t</i> , а еще и (например, при транскрибировании слога <i>ち</i>). Принцип однозначности соответствия используемого знака и транскрибируемого звука не соблюдается	Однозначная: <i>th</i> (Thistle) — всегда <i>θ</i> , а <i>θ</i> — всегда <i>th</i> <i>th</i> (they) — всегда <i>ð</i> , а <i>ð</i> — всегда <i>th</i>

Использование диакритических знаков	Используется только один диакритический знак — двоеточие для обозначения долготы. Назализация g в середине слов никак не обозначается Аффриката ʃ (ち、ちゃ、ちよ) никаким отдельным сочетанием знаков не обозначается.	Используется только один диакритический знак — двоеточие для обозначения долготы. Назализация обозначается при помощи знака ̣ Аффриката ch обозначается комбинацией знаков ʃ
Универсальность	В последние десятилетия система Поливанова утратила свою универсальность. Она не отражает (да и не может отразить!!!) нового явления в японской фонетике — звуковой комбинации ti (テイ), поскольку сочетание букв TI уже занято — оно используется для транскрибирования i. Система применима только, когда нужно транскрибировать di (ダイ) — комбинацию звуков со звонким согласным, например, デイズニーランド — ДИ (Д) ЗУНИ: РАНДО. В ЕЕ НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ СИСТЕМА НЕПРИМЕНИМА ДЛЯ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ СЛОВ テイーシャツ、テイーパーテイー (ТИ: СЯЦУ, ТИ: ПА: ТИ) И Т. Д.	Универсальна. До наших дней охватывает все фонетическое поле английского языка и полностью удовлетворяет потребность в передаче его фонетических и артикуляционных особенностей.

Упомянутое выше новое явление в японской фонетике (сочетание звуков てい (ti) вместо традиционного ち (i) наблюдается исключительно в гайрайго — словах иностранного (преимущественно английского) происхождения. Число таких слов в корпусе японской лексики невелико, как невелика и их процентная доля. Данный аргумент бесспорен. Однако их существование в качестве элементов японской лексики признается хотя бы фактом их отражения в авторитетных толковых словарях японского языка, например, в словаре «Дайдзириэн» [1]. Думается, никто не станет оспаривать постулат о том, что система транскрипции какого-либо языка должна быть универсальной для данного языка и обслуживать все фонетическое поле такого языка. Если система теряет универсальность, очевидно, возникает необходимость ее актуализации.

Позволим себе внести некоторые предложения по актуализации и обеспечению последовательности и единообразия применения системы Поливанова:

1. よ — последовательно настаивать на транскрибировании как Ё, что, собственно, полностью соответствует системе Поливанова. В некоторых исторически сложившихся вариантах транскрибирования, скажем, географических названий (Йокогама, Йокосука) используется сочетание букв ЙО. Однако нет никакой практической или теоретической необходимости записывать это сочетание звуков таким образом. В русском языке для этого сочетания звуков есть специально созданная (и незаслуженно обойденная вниманием в «народной транскрипции») буква!

2. は — последовательно транскрибировать как ХА, чтобы избежать смешения японских реалий: 横浜 (よこはま) — ЁкоХАма, и 塩釜 (しおがま) ЩиоГАма.

3. ち (ちゃ, чю, чю) — транскрибировать как ЧИ (ЧА, ЧУ, ЧО), чтобы отразить тот факт, что мы имеем дело с аффрикатой а не просто со звуком t.

4. てい — транскрибировать как ТИ, чтобы отразить новые реалии в японской фонетике — отсутствие аффрикаты.

5. じ — транскрибировать как ДЖИ, чтобы полнее и точнее отразить артикуляцию звуков. Ни в коем случае не транскрибировать как ДЗИ, а сочетание ДЗ использовать только для транскрибирования じ, ず (づ), ぜ, ぞ (ДЗА, ДЗУ, ДЗЭ, ДЗО).

6. じゃ (じゅ, じょ) — транскрибировать как ДЖЯ (ДЖЮ, ДЖЁ), чтобы полнее и точнее отразить особенности произношения и артикуляции звуков и обеспечить различие с сочетанием звуков ДЖА (как в слове Джаккарта), ДЖО (как в слове Джон). Что касается сочетания ДЖЮ, действительно, в русской традиции практического транскрибирования ю превалирует сочетание звуков ДЖУ (Джюльетта, Джуд Лоу и пр.). Однако, есть и случаи использования сочетания ЖЮ (Жюль Верн, Жюльен). Поэтому, для обеспечения последовательности подхода мы предлагаем использовать сочетание ДЖЮ.

7. でい — транскрибировать как ДИ чтобы отразить новые реалии в японской фонетике.

8. し — транскрибировать как ШИ, чтобы максимально приблизить русскую практическую транскрипцию к фонетике японских слов. Звук «С» в русском языке по физическим особенностям артикуляции, равно как и по месту своего возникновения в речевом тракте кардинально отличается от звука японского языка, для транскрипции которого он используется. СуЩИ, по нашему мнению, значительно ближе к фонетике японского слова, обозначающего популярный ныне японский деликатес,

чем СуСИ! Впрочем, окончательно ясность в данный вопрос будет внесена только по итогам упомянутых выше фонетических изысканий (если таковые состоятся).

9. Можно также рассмотреть вопрос об использовании диакритического знака для обозначения назализации г. Как известно, назализуется г, стоящий в японском слове на любой позиции, кроме начальной. Мы не призываем к использованию какого-либо диакритического знака для обозначения назализации звука г в японских словах, а лишь указываем на возможность рассмотрения данного вопроса, поскольку японские исследователи и преподаватели-носители японского языка единодушно отмечают, что назализация г в середине слов есть артикуляционная особенность японской фонетики, которая становится все менее и менее выраженной и, видимо, в будущем исчезнет совсем.

Теперь позволим себе сменить тему и кратко коснуться вопроса склонения японских фамилий и топонимов в русских текстах.

«Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию» [4] гласит:

«§151. Склонение некоторых имен и фамилий

П. 6...Колебания наблюдаются в употреблении фамилий грузинских, японских и некоторых других; ср.: ария в исполнении Зураба Соткилава, песни Окуджавы, правительство Ардзинбы, 100 лет со дня рождения Сен-Катаямы, политика генерала Танака, произведения Рюноске Акутагавы. В последние годы явно наметилась тенденция к склонению подобных фамилий.» (Сохранена орфография оригинала.)

Литература:

1. 大辞林 (Дайдзирин. Толковый словарь). 第二版、東京、株式会社三省堂 — Токио, 1995..
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Мильчин, Э. А., Чельцова Л. К.. Справочник издателя и автора, М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
4. Розенталь, Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию, М.: ЧеРо, 1999.
5. Слух переводчика. Ритмика. Звукопись // Высокое искусство. Принципы художественного перевода. Санкт Петербург: Азбука, 2014.
6. Лингвистическая транскрипция (Википедия), URL: [\(дата последнего обращения 10.05.2017\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_(%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0))
7. Система Поливанова (Википедия), URL: [\(дата последнего обращения 10.05.2017\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0)
8. Транслитерация (Википедия), URL: [\(дата последнего обращения 10.05.2017\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F)
9. Холивар (Викисловарь), URL: [\(дата последнего обращения 10.05.2017\)](https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%80)
10. Холивар (Луркмор), URL: [\(дата последнего обращения 10.05.2017\)](http://lurkmore.to/%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%80)

«Справочник издателя и автора» [3] гласит: «...склоняются японские географические названия, оканчивающиеся на -а безударное: Осака — в Осаке, Фукусима — из Фукусимы».

В русском языке большинство иностранных топонимов, оканчивающихся на -а, за исключением, пожалуй, финских и эстонских (Ювяскюля, Сааремаа) склоняются. Мы считаем, что нет причин, по которым не могли бы склоняться и японские топонимы.

Подытоживая все вышеизложенное, позволим себе привести фразу-пример, отражающую позиции автора:

Мы с Танакой (1) выехали рано утром из Щиогамы (2). Заехав к нашему приятелю Щиоде (2) в Чибу (3), мы поели суши, (4) выпили чая в Ёкохаме (5) и к вечеру добрались до Осаки (6).

1) Склоняется японская фамилия, оканчивающаяся на -а (Танака).

2) Слог し в названии японского города 塩釜 и в японской фамилии 塩田 транскрибируется как «ЩИ», название города — как ШИОГАМА, а фамилия — как ШИОДА. Оба слова заканчиваются на — а и, следовательно, склоняются.

3) Слог ち в названии города 千葉 транскрибируется как «ЧИ», а название города — как ЧИБА. Оно заканчивается на -а и, следовательно, склоняется.

4) Слог よ в названии города 横浜 транскрибируется как Ё, а слог は — как ХА (ср. с названием города ШИОГАМА, упомянутым выше). Название города ЁкоХАма склоняется.

5) Название города Осака склоняется.

О некоторых особенностях традиционной языковой оппозиции кварталов Яманотэ и Ситамати в современном Токио

Панченко Юрий Юрьевич, аспирант, ассистент

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

В настоящей статье рассматриваются особенности функционирования традиционной оппозиции кварталов Яманотэ и Ситамати в современном Токио с социальной и языковой точек зрения. Делается вывод о том, что несмотря на послевоенное угасание характерных традиционных особенностей диалекта Ситамати, противопоставление двух кварталов по-прежнему играет важную роль в языковой жизни Токио, влияя на пути и способы распространения новых диалектальных явлений в японской столице.

Ключевые слова: токийский диалект, диалект Ситамати, диалект Яманотэ, новые диалекты.

Одной из основных особенностей языковой ситуации в Токио на протяжении всей истории его существования: с момента основания в Эдо (старое название города) ставки сёгуната в 1603 г. до наших дней — является характерная территориальная дифференциация употребляющихся жителями языковых единиц, выражающаяся в противопоставлении друг другу диалектов двух частей города: кварталов Яманотэ и Ситамати [2, с. 120]. Именно это противопоставление приводило к фактической диалектальности токийской речи и функционированию внутри города собственного местного диалекта (отличного от сложившихся впоследствии на его основе как стандартного японского языка *hyo: jungo*, так и общего языка *kyo: tsu: go*).

Это противопоставление носило как территориальный, так и социальный характер, причём в разное время наблюдаются тенденции усиления то территориальной составляющей оппозиции, то социально-профессиональной. Территориальная дифференциация была во многом обусловлена географическими особенностями Эдо: кварталы Яманотэ располагались в северо-западной части города, на холмах восточной части плато Мусасино, в то время как кварталы Ситамати занимали восточную часть города, расположившись вдоль Токийского залива и реки Сумида. Отсюда и названия кварталов: Яманотэ буквально означает «сторона гор», а Ситамати — «нижний город» [4, с. 124–126]. Социально-профессиональная дифференциация была обусловлена социальным составом населения обоих кварталов: так, в Яманотэ находились поместья знати, аристократии, воинского сословия, тогда как в Ситамати жили ремесленники, купцы, обычные горожане [1, с. 8].

С языковой точки зрения между диалектами Яманотэ и Ситамати также существовали значительные различия. Диалект Яманотэ сложился во многом под влиянием диалекта региона Киото-Осака (Киото был в эпоху Эдо столицей Японии) на базе языка эдоских самураев и изысканных женских языковых форм, распространённых в самурайских поместьях и поместьях аристократов (*o-yashiki kotoba*). Диалект Ситамати же был

тесно связан с диалектами близлежащих восточнояпонских (кантоских) префектур, что придавало ему в глазах жителей Яманотэ статус грубого, низкосортного, языка необразованного населения (что, во многом, не справедливо, поскольку и в нём существовала функционально-стилистическая дифференциация). Впоследствии диалект Яманотэ станет базой для образования стандартного японского языка *hyo: jungo*, а потом и общего языка *kyo: tsu: go*. Формы же Ситамати станут характерными элементами традиционного токийского диалекта, отличного от стандартного и общего языков.

Начавшееся обозначаться уже в начале XVII в. как, в целом, территориальное, с течением времени противопоставление Яманотэ-Ситамати всё более усиливало свой социально-профессиональный характер и, достигнув апогея к середине XIX в, устойчиво просуществовало вплоть до поражения Японии во Второй мировой войне. Сложившийся к этому времени ярко выраженный социальный характер оппозиции Яманотэ и Ситамати подтверждается, например, словами Накамура Митио в «*Tokyo-go no keisei*» («Становление токийского языка») 1941 г.: «к настоящему времени противопоставление Яманотэ-Ситамати носит не территориальный, а скорее социальный характер» [3, с. 7].

В XX в. в результате масштабных миграций токийского населения, вызванных Великим землетрясением Канто 1 сентября 1923 г. и бомбардировкой Токио американскими войсками 10 марта 1945 г., число носителей традиционного токийского диалекта в Токио резко сокращается. Ситамати превращается в деловой квартал Токио, и традиционный диалект Ситамати начинает стремительно исчезать [7, с. 204].

Однако несмотря на это, язык Токио по-прежнему обладает диалектной окраской. Географическое расширение Токио, участвовавшие миграции в столицу жителей близлежащих (и не только) префектур, привели к взаимодействию в рамках Токио различных вариантов общего языка, каждый из которых обладает своими диалектальными чертами. Причём жителями расширенного Токио (Большого Токио) собственная фактически диалектальная речь да-

леко не всегда осознаётся как таковая. Исследование 1986 г., проведённое Токийским комитетом по образованию *To: kyo: kyo: iku iinkai* показало, что район проживания людей, относящихся к языку своей местности как к истинному токийскому языку, вышел далеко за пределы традиционного Токио [3, с. 32]. Так же Яманотэ и Ситамати достаточно сильно отклонились от своих исконных границ. В расширении Яманотэ немалую роль сыграла железная дорога: направление его развития совпадает с линией *Тю: о: сэн*. Ситамати же ограничилось северо-восточной частью Токио (районы Кацусика, Эдогава и т. п.).

Можно отметить, что, несмотря на изменившиеся социально-исторические условия, современное Токио всё же сохраняет до некоторой степени противопоставление Яманотэ и Ситамати, однако теперь уже под ними подразумеваются жилые кварталы *Син-Яманотэ* «Новое Яманотэ» (районы Сугинами, Сэтагая, О: та, Мэгуро, Накано, Нэрима и т. п.) и *Син-Ситамати* «Новое Ситамати» (районы Кацусика, Эдогава, Адати, Аракава, Кита и т. п.). Районы, входящие в состав Син-Ситамати и расположенные вдоль рек Сумидагава и Эдогава, также часто называются *Kawa no te* «сторона реки». По аналогии с этим районы, входящие в состав Син-Яманотэ и расположенные на берегу Токийского залива, называют *Umi no te* «сторона моря». Налицо аналогия с традиционными названиями Ситамати, который также изначально назывался *Umi no te* («сторона моря») в противоположность *Yama no te* («сторона гор»).

Современные представления о Яманотэ и Ситамати значительно отличаются от традиционных, поскольку в их восприятии произошёл сдвиг с исключительно территориального рассмотрения к социопрофессиональному. При таком подходе тот или иной район может быть отнесён к Ситамати в случае наличия в нём большого количества торговых предприятий, а в случае проживания в нём большого процента высокообразованных людей, чиновников, военных — к Яманотэ. Исходя из современных названий районов Токио, бывает затруднительно определить принадлежность той или иной местности к нагорной части города или нижней, вследствие изрезанного рельефа Яманотэ, где существуют также многочисленные долины, склоны, впадины. Здесь ситуация усугубляется тем, что сейчас в таких низменностях построено большое количество высотных зданий и комплексов, названия которых зачастую противоречат реальной географической ситуации: в качестве примера можно привести, название квартала Роппонги Хирудзу «холмы Роппонги», расположенного в квартале Танимати «долинный квартал» (район Адзабу) [3, с. 5].

Если основные диалектные группы традиционного токийского диалекта (Яманотэ и Ситамати) были географически ограничены особенностями рельефа, что приводило к их устойчивому существованию, то в настоящее время крайне важное значение для распределения диалектных черт в пределах Токио приобретает сеть железнодорожных линий. Дело в том, что поскольку большинство людей, живущих в соседних префектурах, едут на работу в Токио на

электричках, различные языковые особенности имеют тенденцию группироваться вокруг железнодорожных (и шире — транспортных) магистралей. Таким образом, языковые особенности в одном транспортном направлении могут отличаться от особенностей, представленных в другом. Это свойство можно назвать *анизотропией* современного языка Токио. А так как железнодорожные магистрали географически разделены (например, линия *Тю: о: о: — сэн* фактически проходит через традиционное Яманотэ далее на запад, а линия *Дзё: бан-сэн*, не пересекающая *Тю: о: о: — сэн*, идёт через традиционное Ситамати далее на северо-восток в Канто), это создаёт предпосылки для вторичного возникновения оппозиции Яманотэ-Ситамати.

Показательны в этом отношении работы Такэда Акико, которая провела серию полевых исследований в районах, окружающих станции основных линий токийской железной дороги, проходящих через Токио: *Яманотэ-сэн*, *Тю: о: о: — Со: бу-сэн*, *О: мэ-сэн* и *Дзё: бан-сэн*. Как оказалось, в распространении основных явлений, характерных для современного Токио, вдоль каждой линии есть свои особенности [6, с. 84–86]. Общая тенденция здесь такова, что, в целом, язык районов, прилегающих к прибрежной части линии Яманотэ, а также линиям *Дзё: бан* и *Со: бу*, содержит больше новых явлений (не соответствующих общему языку), чем районов, прилегающих к нагорной части линии Яманотэ и линиям *Тю: о: о: — мэ*. Это даёт повод Яримидзу Канэтака и Мицуи Харуми даже говорить о сохранении оппозиции кварталов Яманотэ и Ситамати в современном Токио. И хотя традиционные диалекты Яманотэ и Ситамати уже практически исчезли, определённое противопоставление языков обоих районов (понимаемых в расширенном смысле как Новое Яманотэ и Новое Ситамати) сохраняется [8, с. 82]. Хотя в настоящее время, говоря о диалектах Яманотэ и Ситамати, по всей видимости, следует иметь в виду в первую очередь социальные диалекты [5, с. 73], указанное географическое распределение диалектизмов не позволяет не учитывать также и территориальную сторону противопоставления Яманотэ-Ситамати. Т. е. в настоящее время помимо социально-профессионального характера этой оппозиции, снова значительную роль начинает играть её территориальный характер (тенденция, обратная описанной выше традиционной тенденции).

Наиболее важным фактором в этом противопоставлении является территориальная локализация новых диалектальных элементов, распространяющихся в языке Большого Токио (*Shutoken-go*). Здесь можно выделить два основных пути возникновения или распространения изменений: с запада к востоку (через префектуру Канагава и район Тама) и с востока на запад (через префектуры Сайтама и Тиба). Эти два потока подпитывают противопоставление языков Яманотэ и Ситамати на западе и востоке старого Токио соответственно. Так, получающие некоторое распространение на востоке (и в Ситамати) формы типа *da be?* (<*desho?* «не так ли?»), *iku*

be (<*ikou* «наверное, пойдёт») с традиционным восточнокантоским формантом предположительного наклонения *be* (<*bei*) совершенно не фиксируются на западе (и в Яманотэ) (Yarimizu & Mitsui, 2013, стр. 82).

Таким образом, можно сделать вывод, что язык современного Токио находится в постоянном процессе изменений. Причём язык восточной части города сохраняет большую историческую близость к диалектам соседних кантоских префектур. И хотя через западную часть Токио (районы Яманотэ) новые формы также проникают в мегаполис (вследствие близости на западе традиционно кантоского региона Тама), язык восточных районов характеризуется большими отличиями от общего языка и большей скоростью распространения изменений.

Возможно, в будущем взаимодействие обоих языков приведёт к большей стабилизации токийской речи. В качестве примера можно рассмотреть традиционное токийское *katasu* (<*katazakeru*) «убирать», которое широко распространено на востоке Токио, юге преф. Сайтама, западе преф. Тиба, с одной стороны, и северо-востоке преф. Канагава, с другой. Между этими двумя «очагами» (в области, соответствующей западу Токио) форма *katasu* не распространена, однако есть вполне серьёзные основания думать, что спустя некоторое время форма распространится и там — и таким образом, будет употребляться на всей территории Токио [8, с. 81].

Однако следует заметить, что даже в современном Токио общение между жителями западных и восточных

районов достаточно ограничено. Несмотря на широко развитую систему транспортного сообщения, среди контактов людей, проживающих соответственно на западе или востоке города, большую часть составляют контакты с людьми из своего или близлежащих районов. Такое положение вещей способствует некоторому закреплению диалектального разнообразия внутри Токио, фиксируются и новые диалектные явления, характерные для обеих частей города.

Подводя итог, можно сделать вывод, что несмотря на изменившиеся социальные, географические и исторические условия, оппозиция Яманотэ-Ситамати по-прежнему продолжает играть в языковой жизни современного Токио важную роль (так же, как и в предшествующие эпохи). Новое Яманотэ и Новое Ситамати, как два полюса магнита, притягивают к себе новые диалектные элементы разной природы, причём здесь также заметно сохранение традиционных путей взаимодействия: в Яманотэ имеют тенденцию распространяться диалектизмы западнояпонской природы, в Ситамати же — восточнояпонской. Учитывая городское планирование Токио, специфику развития транспортной системы мегаполиса, а также некоторую фактическую ограниченность повседневной коммуникации между жителями западной и восточной частей города, можно предположить дальнейшее сохранение противопоставления языковых особенностей Яманотэ и Ситамати, хотя и нельзя отрицать наличие между ними определённого взаимодействия.

Литература:

1. Алпатов, В. М. Япония: язык и общество. — М.: Культура народов Востока, 2003.
2. Быкова, С. А. Общий язык в Японии и его территориальные особенности. // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Выпуск 2, 2013. с. 122–125.
3. Akinaga, K. Nihon no kotoba shiri: zu 13. To: kyo: to no kotoba. — Tokyo: Meiji shoin, 2007.
4. Jinnai, H. The Spatial Structure of Edo. // Tokugawa Japan. — Tokyo: Univ. of Tokyo Press, 1990. P. 124–146
5. Ogino, T. Yamanote to Shitamachi ni okeru keigo shiyō: no chigai. // Journal of the Linguistic Society of Japan, 1983. P. 45–76.
6. Takeda, A. Hida Yoshifumi «To: kyo: — go cho: sa» no gaiyō:. // Kokuritsu kokugo kenkyū: jo kyo: do: kenkyū: ho: koku, 2, 2013. с. 84–110.
7. Tanaka, A., Simizu Y., Akinaga K., Ayusawa T., Kaiser S., Isomura H., Kuno M. To: kyo: go no yukue. (Подред. Tanaka A.) — Tokyo: To: kyo: do: syuppan, 1996.
8. Yarimizu, K., Mitsui, H. Shutoken jakunen-so: ni okeru hi-hyo: junkei shiyō: ishiki no chiriteki bunpu. // Kokuritsu kokugo kenkyū: jo kyo: do: kenkyū: ho: koku, 2, 2013. с. 73–83.

Ономатопея как культурологическая особенность японского языка

Румак Наталия Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Культурологические особенности японского общества издавна привлекают к себе внимание. Пришедшие из литературоведения понятия *ваби*, *саби*, *ёгэн*, *моно-но аварэ* (см., например, [5], [8] и др.) многие считают яркой характеристикой японской ментальности, а понятия *он*, *ва*, *энрё*, *гири*, *амаэ* часто рассматриваются как примеры «концептов» — ключевых понятий, характерных для японской культуры (см., например, [1, с. 38] о работах А. Вежбицкой).

По замечанию А. Вежбицкой, «вряд ли нужно специально оговаривать тот факт, что *любая* культура уникальна и имеет свои собственные культуроспецифичные способы коммуникации. Японская культура не более уникальна, чем любая другая, но это не означает, что она не имеет своих характерных особенностей, что эти особенности не должны быть описаны...» [4, с. 56].

Одной из особенностей японского языка называют большое количество ономатопоэтических слов. Это слова японского языка, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов, а также различные ощущения [13]. Не являясь уникальным явлением (например, Э. Сепир утверждал, что явление ономатопеи в том или ином виде наблюдается в большинстве языков [17], а в корейском языке, по некоторым данным, ономатопоэтических единиц даже больше, чем в японском [11]), японская ономатопея, тем не менее, включает в себя не только звукоподражания, но и большое количество звукоизобразительных слов, чем и отличается от привычного нам явления ономатопеи как преимущественно звукоподражания в западных языках. Более того, если в русском и в большинстве европейских языков звукоподражания (а тем более звукоизобразительные слова), по утверждению, например, Ф. де Соссюра [18], находятся на периферии языковой системы, то в японском языке ономатопоэтические выражения, по словам Х. Какэхи, «не являются периферийными, но составляют значительную долю языка» [10, с. 13].

Л. Шойруп [23], К. Кадоока [6], Э. Чен [21], Х. Сайто [16] и др. лингвисты утверждают, что японский язык беден лексически, то есть количество лексем (в первую очередь, глагольных) в нём меньше по сравнению, например, с западными языками. Отсюда этими исследователями делается вывод, что японский язык «нуждается» в большом количестве ономатопоэтических слов, позволяющих компенсировать недостаток отдельных лексем добавлением оттенков значения, которых лишены единицы с более широким смыслом. И действительно, кроме внесения дополнительных компонентов «интенсивность», «повторяемость», «однократность» в значение тех гла-

голов, основное значение которых ономатопоэтическая единица дублирует (например, *гуругуру мавару* «**постоянно интенсивно** вращаться **в течение долгого времени**»), ономатопоэтические единицы могут сужать сравнительно широкое значение некоторых глаголов, привнося дополнительный элемент значения, например, для глагола *аруку* «передвигаться пешком»: *тэкатэка аруку* «тащиться», *ётиёти аруку* «ковылять», *бурабура аруку* «гулять», *уроуро аруку* «бродить, шататься» и так далее (см., например, [14], [15]).

Не маркируя исключительно детскую речь, ономатопоэтическая лексика в японском языке широко употребляется в повседневной разговорной речи, обогащая её благодаря своей образности и одновременно ёмкости и лаконичности (см. [23], [7], [6], [20] и др.). Ономатопоэтические слова встречаются как в произведениях классической литературы эпохи Хэйан (см., например, исследование [24], посвящённое роману «Гэндзи-моноготари»), так и в современной рекламе, в газетных текстах и в художественной литературе. Как утверждает, например, Н. Осака, ономатопоэтические слова встречаются в повседневной речи, в художественной литературе и комиксах манга, в газетных статьях, в рекламе, даже в инструкциях по употреблению товаров, привлекая внимание и способствуя запоминанию названий [12].

И. Тамори указывает, что звукоимитивизм в широком смысле слова широко используется в [художественной] литературе (особенно в поэзии) во всех языках, а в японском языке для этого очень подходят ономатопоэтические слова [19]. Действительно, ономатопоэтические единицы довольно часто можно встретить, например, в поэзии хайкай. Очевидно, поэтические произведения допускают употребление ономатопоэтических слов для лаконичной передачи, в первую очередь, настроения и эмоций автора, а также как средство ритмической организации произведения.

Вот одно из хайку Кобаяси Иссы в переводе Т.Л. Соколовой-Делюсиной [27]:

Yuki tokete kurikuri shitaru tsuki yo kana

Растаял снег.

Смотрится в лужи, тараща глаза,

Шалуныя — луна.

Лаконичность и ёмкость ономатопоэтического слова становится понятна при попытке разложить его значение на семантические компоненты (особенно отчётливо это заметно при сравнении оригинала с переводом на русский язык). Наречие *kurikuri* (*shitaru*) с основным семантическим компонентом «круглый» имеет также следующие элементы значения, реализующиеся в разных сочетаниях: «широко раскрытый» (о глазах), «подвижный (= хорошо

крутящийся)» (о глазах); «круглый и гладкий» (о голове). Таким образом, мы получаем следующие возможные (имплицитно содержащиеся в строфе хайку) значения: луна круглая и блестящая; смотрит (широко открытыми) круглыми глазами (в лужи от растаявшего снега); тарашит глаза (в шутку?).

В русском языке нет возможности выразить эти значения имплицитно, одним словом или выражением, поэтому переводчику приходится прибегать к другим, эксплицитным способам и, несмотря на заданность формы в переводе, удается очень эффективно, на наш взгляд, использовать описание.

Слова «лужи» в оригинале нет, но именно блеск отражения луны в первую очередь приходит в голову читающему хайку. Кроме того, намек на круглые глаза (вытарашенные не от удивления, а в шутку) тоже передан в русском переводе путем дополнительно вводимой информации (луна «тарашит глаза»; и луна-«шалунья»). Возможно, это избыточная информация, но она передаёт атмосферу радости и свежести, содержащуюся в оригинале и выраженную, по сути, именно ономапоэтическим словом.

Л. Шойруп также утверждает, что ономапоэтические слова употребляются повсеместно, обладая особой экспрессивностью, которой нет у других слов. Он указывает на то, что в детской литературе ономапоэтические слова встречаются часто и употребляются не столько для оживления текста, сколько для создания ритма, структуризации [23, с. 80–82]. Действительно, в сборнике «Народные сказки Окинавы. Японские народные сказки» находим следующие примеры:

«*Кья, кья, кья*», — *saru-no fu:fu wa... himei-o agenagara, okuyama-ni nigete ittakiri...* [26, с. 99] — «Закричали обезьяны: «**кя, кя, кя!**» — и в горы убежали» [33, с. 81].

Tsubo-o furu to, gobo, gobo, gobo-to oto-ga shimashita. [26, с. 164] — «Раздался тут в кувшинчике странный звук: **гобо, гобо, гобо**» [33, с. 233].

Обращает на себя внимание приём, использованный при переводе вышеприведённых примеров на русский язык: можно предположить, что заимствование звукоподражаний в русском тексте выполняет ту же функцию ритмического структурирования, что и в японском.

В литературе для среднего и старшего школьного возраста, по утверждению Л. Шойрупа, ономапоэтических слов гораздо меньше (причём в диалогах меньше, чем в основном тексте) [23, с. 83], а в художественной литературе для взрослых — ещё меньше. В диалогах «взрослых» художественных книг ономапоэтических единиц также встречается меньше, чем в основном тексте, однако разница меньше, чем в текстах подростковой литературы. Тем не менее, примеры использования ономапоэтических слов в художественных текстах встречаются:

...*soshite itsumo-no bosoboso-to shita hanashigoe-ga kikoeta.* [29, с. 61] «...и вслед за ними — обычное «бу-бу-бу»». [31, с. 177]

Hidarite-ni ko:ka-o motsu, patan-to migite-ni sore-o kasaneru, hidarite-o dokeru, migite-ni ko:ka-ga nokoru, sore dake-no koto da. [29, с. 33] «Держишь монетку в левой руке, потом хлоп! — правую сверху, а левую убрал. Монетка в правой». [31, с. 152]

«*Ato ni ju:gomannen-de taiyo: wa bakuhatsu suru yo. Pachin... OFF...*» [30, с. 122] — «— Через двести пятьдесят тысяч лет солнце погаснет! — прошептал ему ветер. — Щёлк! — и выключилось...» [32, с. 100].

В вышеприведённых примерах ономапоэтические единицы передаются на русский язык при помощи замены соответствующими русскими звукоподражаниями — «формальными эквивалентами» [13]: можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что эти единицы являются звукоподражаниями, изображающими конкретные звуки, свойственные предметам окружающего мира или голосам живых существ, поэтому и в переводе используются способы, которые позволяют сохранить эту конкретность, донести описываемые звуки до читателя.

Л. Шойруп [23] утверждает, что в научных текстах ономапоэтических слов нет, т. к. они не подходят для этого стиля, а вот в газетах они употребляются очень часто, особенно в заголовках (а для привлечения внимания также и в рекламе) и статьях о спорте. Вот несколько примеров употребления ономапоэтических слов в одной и той же газетной статье, посвящённой бейсбольному матчу [25] (правда, нужно отметить, что два из трёх примеров употреблены в цитируемой автором прямой речи):

...*Ho:mube:su fukin girigiri-de kamaete iru.* «[он] стоит наготове возле **самого** финиша»...*Minna bikkuri shite iru.* «Все **удивлены**». *Shikkari-to sekkyokuteki-ni iko:-to iu kimochi...* «Настрой — **взять себя в руки** и активно играть».

Согласно Л. Шойрупу, больше всего ономапоэтических слов употребляется в манга: как в прямой речи, так и в основном тексте, а также в качестве неких «комментариев» [23, с. 90]. В диалогах комиксов манга ономапоэтических слов намного больше по сравнению с диалогами в текстах детской литературы и тем более — с диалогами в текстах «взрослой» художественной литературы, но меньше, чем в основном тексте детской литературы, хотя и больше, чем в основном тексте литературных произведений для взрослых [там же, с. 92].

Например, в манга Тэдзука Осаму по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [36] на одной странице встречается несколько окказиональных звукоподражаний, употреблённых для описания сцены массовых беспорядков: *хья* (громкий визг), *уээн* (гневный вопль), *бабан* (звук удара, «бабах!»). Также ономапоэтические слова обнаруживаются в прямой речи персонажей: *Sore-ga seken-he hiromaru to, riko:-na hannin-wa kitto uzuuzu-shite sono wake-wo kikitaku naru daro:-to ne* «И когда слухи об этом распространятся, умному преступнику непременно **станет невтерпёж** — он захочет выяснить, в чём там дело». *Sonna-ni ujauja eiyu:-*

ga ite tamaru mono ka «Да кто потерпит такого героя, который **копошится** где-то там внизу?!»

Конечно, онома topoэтические слова, выделяясь, в первую очередь, структурно, а также по своей синтаксической роли, не могут считаться концептами, т. к. не связаны с единым лексическим значением. Однако если вспомнить, что Е. В. Маевский в своей книге «Графическая стилистика японского языка» выделяет «чувственное» (в противовес «умственному») как один из существенных признаков японской культуры [9, с. 92], видимо, не будет преувеличением сказать, что онома topoэтические слова («слова, выражающие звуки и явления внешнего мира, голоса людей и животных, состояния вещей и душевные состояния непосредственно через ощущения» [2, с. 5]; см. тж. [21, с. 5], [3, с. 1] и др.), не называя явления и не описывая их, а «прямо и непосредственно передавая их образ», могут рассматриваться как одна из культурных и культурологических особенностей японского общества, тонко и глубоко воспринимающего природу.

Насколько неотъемлемой частью японского языка являются онома topoэтические слова, видно из статьи А. Такэда «Как-то раз в кабинете пациент сказал врачу» [34], где описываются сложности врача с пониманием пациента, который описывает своё состояние, используя диалектную речь. Не последнюю роль в этом непонимании играют онома topoэтические слова, описывающие различные неприятные ощущения: (*хара-га*) *ниания-суру* «острая боль (в животе)» (ср. *ниания-суру* «ухмыляться» в стандартном японском языке *кё: цу: го*) или (*хара-га*) *нисиниси-суру* «(живот) болит», (*хада-га*) *хикахика-сиру* «(кожа) горит (от солнечного ожога)» (ср. *хирихири-суру* с тем же значением в *кё: цу: го*), (*ха-га*) *сакусаку-суру* «(зуб) болит» и т. д. Впрочем, и в *кё: цу: го* использование онома topoэтических слов в повседневной речи — в том числе, на приёме у врача, когда не только образность, но и самый смысл передаётся онома topoэтической единицей —

по-видимому, является обычным для носителей языка, но при этом крайне усложняет жизнь, например, иностранцу, проживающему в Японии, ведь очень сложно объяснить характер боли, не зная соответствующих онома topoэтических «терминов» (*дзукидзук* «дёргающая, пульсирующая», *тикутику* «колющая», *кирикири* «режущая, острая» и так далее).

Сходные затруднения ожидают иностранцев (даже говорящих по-японски), которые пытаются заказать, например, печать фотографий. Конечно, есть слова *ко: таку* «глянцевый» и *кинумэ* «матовый», но с равной долей вероятности можно также услышать предложение отпечатать фотографии *цуяцуя* («блестящие») или *цуру-цуру* («шершавые»). Не стоит также удивляться, если в ресторане на вопрос о текстуре или вкусе блюда вам предложат объяснение *гунягуня* («желеобразное») или *пирипири* («остренькое»).

Один из прекрасных примеров употребления онома topoэтических единиц встретился нам в обсуждении на одном из переводческих форумов в сети Интернет: необходимо было перевести инструкцию к краске японского производства, в которой пользователям предлагалось «трясти банку до тех пор, пока звук *каракара* не сменится звуком *косякося*» [35]. Понятно затруднение переводчика: при абсолютно прозрачном смысле инструкции (краска производится в шариках, которые разрушаются при потряхивании; в закрытой банке состояние гранул можно определить только по звуку) её крайне трудно изложить на русском языке, соблюдая стилистические требования к языку официальных документов.

Конечно, приведённые выше примеры, скорее, относятся к лингвокультурологическим казусам, однако, на наш взгляд, они являются подтверждением высокой частотности употребления и привычности онома topoэтических единиц в речи японцев, что, безусловно, делает эти единицы одной из ярких особенностей японского языка.

Литература:

1. Алпатов, В. М. Япония: Язык и культура — М., 2008.
2. Асада, Х., Хида Ё. Гэндай гионго-гитайго ё: хо: дзитэн (Словарь современного употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов) — Токио, 2002.
3. Асано, Ц. Гионго-гитайго дзитэн (Словарь звукоподражательных и звукоизобразительных слов) — Токио, 1978.
4. Вежбицкая, А. Японские культурные сценарии: психология и грамматика культуры // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков — М., 1999. — с. 653 — 681 (URL: <http://infopedia.su/12xb341.html>, дата последнего использования 04.05.2017).
5. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция — М., 1979.
6. Кадоока, К. Нихонго-но «гидзи-онома топэ» — нихонго-то тю: гокуго-но сэттэн («Квазионома топэя» в японском языке: точки соприкосновения японского и китайского языков) // Онома топия: гион-гитайго-но ракуэн (Онома топэя: райские сады звукоподражательных и звукоизобразительных слов). Под ред. Какэхи Х., Тамори И. — Токио, 1993. с. 145—218.
7. Какэхи, Х. Бунгакухин-ни мирарэру онома топэ хё: гэн-но нитизэй тайсё: (Сравнительный анализ онома topoэтических единиц в произведениях английской и японской литературы) // Онома топия: гион-гитайго-но ракуэн (Онома топэя: райские сады звукоподражательных и звукоизобразительных слов). Под ред. Какэхи Х., Тамори И. — Токио, 1993. с. 127—144.
8. Конрад, Н. И. Очерки японской литературы — М., 1973.

9. Маевский, Е. В. Графическая стилистика японского языка — М., 2000.
10. Мито, Ё., Какэхи Х. Нитиэй тайсё: гисэйго (ономатопэ) дзитэн (Словарь сопоставлений японских и английских звукоподражательных слов (ономатопеи)) — Токио, 1984.
11. Нома, Х. Атарасий ими то ё: хо: — га сугу вакару (Как сразу понять новое значение и употребление) — Токио, 2001.
12. Осака, Н., под ред. Кансэй-но котоба-о кэнкю: — суру: гионго-гитайго-ни ёму кокоро-но ариката (Изучение сенсорно-образительных слов: эмоциональный подтекст в звукоподражательных и звукообразительных словах) — Токио, 1999.
13. Румак, Н. Г. Теоретические и практические проблемы поиска межъязыковых соответствий (на примере японской ономатопозитической лексики) дисс. к. ф. н. — М., 2007.
14. Румак, Н. Г. Ономатопозитические слова как семантический компонент значения глаголов вращения // Ломоносовские чтения. Востоковедение (тезисы докладов) — М., 2012. с. 71–73.
15. Румак, Н. Г. Изучение ономатопозитической лексики с помощью системы синонимических и антонимических отношений // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 16 (Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе») — М., 2016. с. 153–160.
16. Сайто, Х. Ономатопэ-о эйяку-суру (Как перевести ономатопозитические слова на английский язык) // Гэнго (Язык) № 6, vol. 22, № 6 — Токио, 1993. с. 46–47.
17. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Переводы с английского под редакцией и с предисловием доктора филологических наук проф. А. Е. Кибрика — М., 1993.
18. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. со 2-го французского издания — М., 1998.
19. Тамори, И. Бунгаку сакухин-ни мирарэру ономатопэ хё: гэн-но нитиэй тайсё: (Сопоставление японских и английских ономатопозитических выражений, встречающихся в художественной литературе) // Ономатопиа: гион-гитайго-но ракуэн (Ономатопея: райские сады звукоподражательных и звукообразительных слов). Под ред. Какэхи Х., Тамори И. — Токио, 1993. с. 127–144.
20. Тамори, И. Миядзава Кэндзи-но ономатопэ (Ономатопея Миядзава Кэнцзи) // Нихонго-но бунсэки-то гэнгоруикэй: Сибатани Масаёси-кё: дзю канрэки кинэн ромбунсю: (Анализ и лингвистическая классификация японского языка: сборник статей, посвящённых шестидесятилетию профессора Масаёси Сибатани). Под ред. Кагэяма Т., Кисимото Х. — Токио, 2004. с. 199–214.
21. Чен, А. С. Вэй гитайго-гионго бунруй ё: хо: дзитэн (Японско-английский словарь употребления звукообразительных и звукоподражательных слов по категориям) — Токио, 1990.
22. Чиронов, С. В. Ономатопозитические слова в современном японском языке (проблемы функционирования). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук (Рукопись). — М., 2004.
23. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность — М., 1974.
24. Шойруп, Л. Нихонго-но какикотоба, ханасикотоба-ни окэру ономатопэ-но бумпу-ни цуйтэ (О распределении ономатопозитических единиц в японской письменной и устной речи) // Ономатопиа: гион-гитайго-но ракуэн (Ономатопея: райские сады звукоподражательных и звукообразительных слов). Под ред. Какэхи Х., Тамори И. — Токио, 1993. с. 77–100.
25. Ямагути, Н. Хэйан бунгаку-но бунтай-но кэнкю: (Исследование стиля литературы эпохи Хэйан) — Токио, 1984.
26. Каи, Х. Икусэй сюссин софуту каи-га оосигото: пуро хацумоторуйда-га манруйдан (Каи — воспитанник «Софтбанка» хорошо потрудились: он впервые в своей профессиональной карьере делает хоум-ран после удара гранд-слэм) // Асахи симбун 2.05.2017, URL: http://www.asahi.com/articles/ASK523W0HK52TIPE00S.html?iref=sp_bbltop_banner2_list_n (дата последнего обращения 03.05.2017).
27. Окинава-но минва. Нихон-но минва 11 (Сказки Окинавы. Японские сказки, том 11). Под ред. Иба И — Токио, 1974.
28. Кобаяси Исса. Стихи и проза. Пер. с яп., предисл. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной — СПб, 1996.
29. Мураками, Х. 1973-нэн-но пинбо: ру (Пинбол-1973) — Токио, 1992.
30. Мураками, Х. Кадзэ-но ута-о кикэ (Слушай песню ветра) — Токио, 1992.
31. Мураками, Х. Пинбол-1973. Пер. с яп. В. Смоленского — М., 2004.
32. Мураками, Х. Слушай песню ветра. Пер. с яп. В. Смоленского — М., 2004.
33. Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки. Пер. с яп. Садокова А. Р., Фельдман Н. И., обраб. Ходза Н. А. — М., 1994.
34. Такэда, А. Ару хи синсацусицу-дэ кандзя-га ися-ни иимасита (Как-то раз в кабинете пациент сказал врачу) URL: http://onomatopelabo.jp/medical/column/column2_1/column_01.html (дата последнего обращения 25.04.2017).
35. Тотальный перевод (Живой Журнал), URL: <http://ru-translate.livejournal.com/4924862.html> (дата последнего обращения 04.05.2017).
36. Тэдзука, О. Цуми то бацу (Преступление и наказание) — Токио, 1995.

К типологии неизбежных потерь при переводе

Стругова Елена Викторовна, кандидат филологических наук
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Практика перевода постоянно подтверждает положение о том, что различие языков связано с неизбежными потерями при переходе от текста на языке оригинала к тексту на переводном языке. Это универсальное по своей природе явление рассмотрим на материале переводов в основном с японского языка на русский язык. Типы неизбежных потерь можно анализировать как принадлежащие отдельным языковым уровням или характеристикам языкового знака.

На фонетическом уровне они возникают, например, при переводе ономапоэтической лексики. Значение этого лексического класса слов основывается на подражании реальным звукам или на образах, вызванных звуковой природой объекта реальности. Практика изучения иностранного языка и обучения ему говорит о том, что восприятие и передача звуков окружающего мира определяется не только возможностями артикуляторного аппарата, но и звуковым рядом конкретного языка, другими словами, каждый народ слышит и воспроизводит соответствующие звуки так, как позволяет ему родной язык. В частности, трели соловья, которые в устном японском источнике были представлены последовательностью [hohokek'o] (в учебнике родного языка для начальной школы как [kek'okek'okek'o]), носители русского языка, изучающие японский язык, восприняли как [utiyu utiyu], [chuchu], [h'oh'o].

Как показывают исследования в области изучения ономапоэтической лексики, при выборе переводного эквивалента возможны следующие ситуации (примеры, не имеющие указания на источник, взяты из словаря [1]).

1) Формальное тождество единиц, что является чрезвычайно редким явлением, даже в области звукоподражаний:

Pii, pii, to tori no ko: dakai pakigoe... [2, с. 6] «Пронзительные крики птиц: «*пи-и, пи-и*».

2) Относительное звуковое подобие с сохранением компонентной структуры — редуцированной основы, что характерно для структуры слов данной семантики в японском языке:

Mezurashiku, chichi ga haha to aisowarai o shita. Удивительно, но отец издал смешок «*ха-ха*».

Sori ga suzu o rinrin to nagashite to: gu... «Сани летели под звон колокольчика «*динь-динь*».

3) Относительное звуковое подобие без сохранения компонентной структуры: *Enrai ga gorogoro to naru...* «Вдали *грохочет* гром...»

Dosha-nadare de ganseki ga gorogoro to korogariochite kita... «Обвал — и с *грохотом* покатались огромные камни».

4) Отсутствие в языке перевода единицы, обладающей звуковыми или структурными характеристиками, свой-

ственными оригиналу. При этом среди переводных эквивалентов обнаруживаются как слова с выраженными ономапоэтическими признаками, так и без таковых:

Doa o dondon tataite «akenasai» to yonde... «В дверь *стучали*: «Открывай!»

Taiko no oto ga dondon to cho: nai ni hibikiwatatte iru. «В городе *грохотал* барабан».

Yabu o wakete susumu node, ashimoto de koeda ga pachipachi oeru. «Он продирался сквозь чашу: под ногами, с треском ломались ветки.»

Ср. с...*mabuta o pachipachi yatte iru.* «Нервно *моргал*».

Hone ga monosugoku rippa. Kodomo o umu no ga shigoto desu kara, sonnani nayonayo shita hito wa inai [3, с. 188]. «Кости просто великолепны. Рожать детей — это работа, поэтому [среди женских скелетов, принадлежащих клану Токугава — Е. С.] нет женских с *искривленными* костями».

Hotondo, pyon to tobikoete ikeru kyori desu ne [3, с. 183]. «Расстояние, которое «*раз!*» и перепрыгнул».

О чемпионе Олимпиады 2014 в Сочи Ханю Юдзурю: *Hanaji dashiyasuku, shiaikajo: de tishshu o hana ni tsumete furafura to aruite iru sugata...* [3, с. 174]

«У него часто шла носом кровь, и его вид во время соревнований, когда с салфеткой в носу, *покачиваясь*, он брел по стадиону...»

К фонетическому типу можно отнести и те потери, которые вызваны сокращением длины слова в источнике. Стилистические синонимы появляются в японском языке, в том числе и тогда, когда в процессе функционирования возникают укороченные варианты заимствованных слов, заимствованных из европейских языков. Таковы практически литературные варианты *スト* [ライキ] «забавка», *ヘリ* [コプター] «вертолет», *キャラ* [クター] «персонаж, герой», *バイオ* [エタノール] «биотопливо»,

[アル] *バイト* «подработка». Сюда же можно отнести окказиональные образования, например, у Ира ИСИДА в молодежном слэнге [キッ] *サテン* «кафе», [トモ] *ダチ* «приятели» или один из последних неологизмов мас-медиа 『レミゼ』 из 『レ・ミゼラブル』 — название французского фильма «Отверженные» [3, с. 145]. Продуктивным способом словообразования является и сокращение производящих основ, в том числе относящихся к разным по происхождению единицам лексики: *テレカ* (из *テレホンカード*) «телефонная карта», *ネッ得* (из *インターネット* с *特に便利*) «особенно удобно в Интернете». При переводе соответствующие стилистические оттенки, как правило, невозможно выразить способом сокращения исходной основы в русском языке.

На фонетическом сходстве и подобии основывается игра слов, например, в выражении *必要なのはカネとコネ*. Hitsuyo: na no wa *kane to kone*. [3, с. 24] «Необходимыми являются *деньги* и *связи*». (Статья о коррупции при приеме экзамена на должность учителя). В источнике здесь значима и графика: азбука катакана в первом слове служит выделению, сообщению оттенка значения «взятка», во втором — маркирует гайрайго.

Распространенным приемом в японской классической поэзии является употребление слов, имеющих омофоны, благодаря чему стихотворение приобретает многозначность, реализующую авторский замысел. Таким путем передается основанное на ассоциациях другое содержание стиха. Например, выполненный Л. М. Ермаковой перевод стиха 52 из «Ямато-моногатари»:

Ватаццуми-но Хотя на морской равнине
Хотя, словно *глубины*
Фукаки кокоро ва Самое глубокое место —
морские, глубины мои
Окинагара Это открытое море,
沖⇔置き чувства
Урамирарэнуру Все же есть люди, 浦見⇔恨み
Есть люди,
Моно-ни дзо арикэру Что *видят бухту*
Что *ревнуют* меня друг к другу
[4, с. 117, комментарий с. 199; курсив мой — Е. С.]

Естественно, что соответствующий комментарий необходим даже при публикации текста источника, так как многие ассоциативные связи, опирающиеся на параллелизм омофонов, с развитием и изменением лексической системы теряются и не осознаются подчас носителями языка, а при переводе окончательно теряются семантические отношения, связывающие лексические единицы языка-источника.

Фоноидеографический тип японского письма дает авторам возможность в полном объеме использовать свойства графических знаков. Для японского текста релевантным является соотношение в нем знаков фонетических азбук и иероглифов, например, широкое использование приема фуригана свидетельствует о принадлежности текста к массовой или учебной литературе.

Иероглифы могут интерпретироваться как пиктографические знаки, которые мотивируют семантику соответствующих морфем или основ.

См. в Большом японско-русском словаре 八文字を切る «походка носками внутрь букв. *знаком*, которая типична для гейш (в гэта — Е. С.) 外八文字 そとはちもんじを切る — «носки в сторону»; или 八字の眉 «брови, приподнятые к переносице», ср. в русском языке «брови домиком» Однако в контексте реализуются также дополнительные семантические оттенки

悲しげな八字の眉の妻の顔 [5, с. 44] «лицо жены с печально опущенными к вискам бровями».

Идеографические составляющие иероглифов, больше или меньше, но связанные со значением закрепленных за иероглифами морфем, широко используются при соз-

дании значимых имен или фамилий. Особенно наглядно это предстает тогда, когда данный процесс описан в деталях. Так, из текста, приводимого в учебнике 国語 для 6-го класса начальной школы, узнаем, что член первого японского парламента (1891 г.) 田中正造 Танака Сёдзо, первым поднявший проблемы экологии, сменил данное ему при рождении имя 兼三郎 *Канэсабуро* на *Сёдзо*. Перевод его нового имени на уровне морфем «правильно делать». Тем самым он декларировал свое намерение прожить последующий период жизни: 正しく生きる、正義をつらぬいて生きたい «жить правильно, по справедливости».

Японский художник начала XX-го века Такэути Сэйхо (竹内栖鳳) испытывал глубочайший интерес к европейскому искусству и после Всемирной Парижской выставки 1900 года в течение семи месяцев объездил всю Европу. В своем прежнем псевдониме Сэйхо (棲鳳) он заменил иероглиф 棲 на иероглиф 栖. Обозначаемые ими китайские корни — омофоны с близким значением «обитать, водиться», но выбранный новый иероглиф содержит графический элемент, связанный с морфемой «запад», что у японцев ассоциируется с Европой. [6, с. 39].

К графическим характеристикам иероглифа обращается, например, героиня повести Томака СИБАСАКИ «Весенний сад» [2], когда говорит, что ее имя 西Ниси легко запомнить, потому что иероглиф очень похож на иероглиф десятого знака Зодиака 酉 togi «курица». Последний служит номером одной из квартир в доме, где она живет. Графика может служить основой как сходства, так и различия. В том же произведении герой по имени 太郎 Таро упоминает о своем тёзке 太郎 — Таро. Омофоны, представленные оппозицией «иероглифическая запись — запись азбукой катакана», в письменном языке указывают на разные имена, и у нас был случай в этом убедиться.

Или пример, когда графика имени, по всей вероятности, несет информацию о возрасте героини, может быть, даже о социально-культурной принадлежности ее семьи: В новостях NHK от 24 февраля 2015 года сообщается о женщине Сумиэ Кагэяма 市内に住む影山スミ恵さん (85). Её имя Сумиэ букв. *картина тушью* записано по правилам старой орфографии: употреблены знаки азбуки катакана и использован отмененный реформой знака ㇿ «э». Такой способ вполне соотносим с указанным возрастом объекта статьи — 85 лет. Все названные характеристики отражают пиктографические или идеографические особенности знаков, которые при переводе, если и можно передать, то сложным описательным образом, утяжеляя текст и лишая его изобразительной силы.

Со зрительным восприятием японского текста связано также использование фуригана, основанное не на фонетическом, а на семантическом признаке. В рассматриваемых далее примерах фуригана (последовательность, заключенная в угловые скобки) — это лексемы, по природе гайрайго, которые можно рассматривать как синонимы

сопровожаемых ими канго. Такое наблюдается в самых разных контекстах. Например, 作業 <ルーティン> [7, с. 7] «рутинное занятие» (об уборке квартиры). Это достаточно распространенный литературный прием у Нацумэ Сосэки:

奥さんは私の頭脳に訴える代わりに、私の心臓<ハート>動かし始めた。 [8, с. 41]. «Его жена вместо того, чтобы взывать к моему разуму, принялась беречь мне душу.

彼は段々感傷的<センチメンタル>になって来たのです。 [8, с. 162]. «Он всё больше впадал в *сентиментальность*».

Или в текстах информационного характера встречаем:

さらに「二階席」<バルコニー>「指定席」「自由席」といった席の問題 [3, с. 55] «...проблема мест: *второй ярус или балкон*, нумерованные места, свободные места».

Переводные эквиваленты демонстрируют, невозможность не только отразить графическую организацию японского текста, но и единообразно передать само наличие синонимических отношений между единицами источника.

К неизбежным потерям следует отнести и расширение по сравнению с источником содержания в тексте перевода. Уточнения или добавления возникают как следствие разного статуса понятийных и/или грамматических категорий у языков, занятых в процессе перевода. Это можно показать на примере понятийной категории пола и грамматической категории рода, которые присущи в русском языке именам.

Так, во фразе 知人の雑貨店が閉店した [2, с. 55] существительное *chijin* «знакомый/знакомая», требует при переводе уточнения признака пола не только содержательно, но и формально — прошедшему времени сказуемого-глагола свойственна грамматическая категория рода «**Знакомая** закрыла магазин аксессуаров». Та же ситуация возникает при переводе предложения *その写真集くれた人が、あんたと同い年やって。こないだ引越さはったんやけど* [2, с. 121], где лексему со значением женского пола/рода помогает выбрать широкий контекст: «Этот фотоальбом мне подарила твоя **сверстница** (букв. *человек, подаривший этот фотоальбом*). [она] недавно переехала».

Интересно с точки зрения содержания и формы развитие сюжета у Томака СИБАСАКИ в повести «Весенний сад». С самого начала события излагаются от третьего лица — автора. Это занимает почти две трети объема книги, а затем происходит замена повествователя — им оказывается первое лицо. *私が太郎の部屋を訪れたのは、二月に入ってからだった。* [2, с. 118]. Здесь необходимо привлечь самый широкий контекст, так как о существовании старшей сестры у героя упоминалось единожды и вскользь. Кроме того, здесь и дальше события относятся к прошлому, что диктует выбор формы женского рода глаголов, обозначающих действия этого персонажа: «Таро я навестила в начале февраля».

Не вызывает сомнения существование потерь, обусловленных различием культурных контекстов двух языков. Остановимся здесь на поиске соответствий для единиц, относимых к фразеологии в узком смысле слова, так как этот материал представляется более наглядным. Фразеология в узком смысле слова — это несвободные словосочетания, общему значению которых присуща неделимость, отсутствие мотивированности значениями составляющих. В языке они формируются на основе образов и ассоциаций, возникающих благодаря культурной среде носителей. Считается, что переводчику обычно приходится выбирать что именно следует максимально отразить в окончательном варианте — форму или содержание — исходной единицы. Этот выбор усложняется наличием разных типов образности, заключенной во фразеологизмах. Так существуют единицы, имеющие общий, например, античный источник *Me ni me, ha ni ha* «Око за око, зуб за зуб», когда потери минимальны (в данном примере это введение предлога). Минимальными также можно считать изменения в форме лексических единиц при передаче фразеологизма *Chi wa mizu yori mo koshi* (букв. *Кровь куда гуще воды*). «Кровь **людская не** водица». Расширение общего образа находим в *Kabe ni mimi ga ari, sho: ji ni me ga aru* «У стен есть уши, **[а] у внешних стен — [ещё и] глаза**». Пример разных образов дают источник и его эквивалент в выражении *Netimi ni mizu* (букв. *В спящие уши вода*) «Как ушат холодной воды», «Как обухом по голове». Или в *Senkan no do wa keiso no tame ni ki o hassezu* [3, с. 436] (букв. *Тяжеленный лук не повод стрелять по мышам*) Ср. «Палить из пушки по воробьям». Эквиваленты обладают тем же общим значением, которое выражено посредством других образов — образов культуры носителей языка перевода. Крайний случай представлен, например, в *Keishicho: wa Kuramatengu ni page* [9, с. 158] «Полиция, стань [нашим] защитником». Перевод ни в коей мере не отражает внутреннюю форму фразеологизма *Kuramatengu*, который связан с двумя источниками. Толковый словарь японского языка Кодзиэн и словарь японской литературы Синнихонбунгаку указывают на сведения следующего рода. Во-первых, на предание о сказочном персонаже Тэнгу, обитавшем в горах Курамаяма и наделившем воинскими достоинствами мальчика Усиварамару — будущего легендарного героя Миnamито Ёсицунэ, которому он также обещал защиту и покровительство. Во-вторых, на героя публиковавшихся в 1924–1959 историй писателя Дзиро ОСОРАГИ. Супермен, убежденный монархист, патриот, искусный фехтовальщик Кураматэнгу выступает в них как защитник правды и справедливости.

Рассмотренные типы неизбежных потерь при переводе имеют как бы «разный вес» и не исчерпывают сложные ситуации, требующие нетривиальных решений. Они скорее указывают на универсальность возможных путей поиска таких решений.

Литература:

1. Атода Тосико, Хосино Кадзуко. Гионго, гитайго цукаиката дзитэн (Словарь употреблений звукоподражательных и образоподражательных слов). — Токио, 1993.
2. Сибасаки Томока. Хару но нива (Весенний сад). — Токио, Бунгэй-сюндзю, 2014.
3. Журнал Бунгэй-сюндзю, 2013, № 4. — Токио.
4. Ямато-моногатари. Перевод с японского, исследование и комментарий Л. М. Ермаковой. — М., Наука, 1982.
5. Мисима Юкио. Хару но юки (Весенний снег). — Токио, Синтёся, 2000.
6. Нихон-кайга но таносимиката (Как наслаждаться японской живописью). Под ред. Хосоно Масанобу. — Токио, Икэда-сётэн, 2007.
7. Журнал ап ап, 1996, № 1017.
8. Нацумэ Сосэки. Кокоро (Сердце). — Нацумэ Сосэки дзэнсю. т. 12, Токио, Иванами-сётэн, 1956.
9. Журнал Бунгэй-сюндзю, 2014, № 4. — Токио.

РАЗДЕЛ 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Роль погребальных плачей частного характера в поэтической культуре Древней Японии

Бушнева Татьяна Владиславовна, соискатель

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Плачи как поэтический жанр сложились в Японии в VIII в. ко времени создания первой японской поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»). Плачи, вошедшие в эту антологию, получили название *банка* (букв. «погребальная песня», 挽歌). В «Манъёсю» насчитывается более 260 песен-банка, которые помещены в разные разделы и датируются периодом с начала VII в. до первой половины VIII в.

Песни-банка антологии «Манъёсю» делятся на «публичные» плачи (*котэки рэйги банка* 公的礼儀挽歌), в которых звучит тема скорби по умершим императорам и членам императорского дома; «плачи частного характера» (*ситэки банка* 私的挽歌), в которых оплакиваются умершие возлюбленные, друзья, другие поэты, незнакомые странники, погибшие в пути, а также предсмертные плачи (*дзисэй* 辞世), написанные в ожидании или предчувствии собственной смерти.

Каждая из этих групп интересна по-своему. Так, первая группа «публичных» плачей представлена песнями придворных женщин, оплакивающих смерть императора, а также песнями, которые исполняли придворные поэты и подданные императора. Поэзия «публичных» плачей имела обрядово-ритуальный характер, была подчинена законам сложения фольклорных текстов, основанных на традициях, и, как правило, не предполагала свободной импровизации.

Плачи третьей группы — предсмертные песни *дзисэй* — это особый жанр древней японской поэзии. Тексты этих песен отличаются большей лиричностью и позволяют лучше понять и ощутить переживания людей, стоящих перед лицом смерти.

Но особый интерес представляют плачи второй группы, а именно — «плачи частного характера» *ситэки банка*, так как являют собой переходную форму от древних японских народных причитаний к лирической поэзии. Главной темой этих плачей является воспевание чувств скорбящего — ведь это были песни, сложенные на смерть жены, мужа и других близких людей. Сюда также относятся песни, написанные в связи с безвременной кончиной чу-

жого человека, смерть которого, будь то кончина в пути или самоубийство, глубоко затронула поэта.

Согласно классификации японского ученого Кикичи Ёсио, «плачи частного характера» по своей тематике делятся главным образом на плачи, сложенные на смерть жены или возлюбленной, а также песни, написанные в связи с безвременной кончиной человека и др. [2, с. 9].

Первая подгруппа «плачи на смерть жены или возлюбленной» (*босай банка* 亡妻挽歌) включает в себя мужские авторские плачи. Эти песни пронизаны лейтмотивом одиночества и душевного опустошения. В некоторых из них автор, преисполненный горем невосполнимой утраты близкого человека, задается вопросом о своей дальнейшей судьбе: ...誰が手本をか我が枕かむ — «...Чей мне будет рукав // Изголовьем душистым?»; ...いかにかひとり長き夜を寝む — «...Как смогу я // Ночами долгими один уснуть?»; 家に行きていかにか我がせむ ... — «Домой возвратившись, // Как быть, что мне делать?..» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 439; № 462; № 795] и др.

В плачах такого рода часто упоминаются памятные места и объекты природы, которые навивали автору воспоминания о его возлюбленной. Так, в песне № 448 муж обращается с вопросом к любимому покойной дереву *муро* о том, где искать жену: 磯の上に根延ふむろの木見し人をいづらと問はば語り告げむか — «Ах, если б спросил, где она, что когда-то // Любовалась тобою, // О дерево муро! // Ты, пустившее корни на берегу каменистом, // Мне смогло бы ответить, где любимая ныне?..» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 448].

Наряду с этим в песнях данной подгруппы также присутствуют лейтмотив утраченной надежды на встречу с покойной и лейтмотив сиротской доли детей, потерявших мать. Что отчетливо просматривается в плачах придворного поэта Какиномото Хитомаро (кон. VII — нач. VIII вв.), которые он сложил на смерть своей жены. Так, в отрывке из песни № 207 автор повествует о том, как, отчаявшись вновь увидеть любимую, он лишь звал ее, махая рукавом: ...すべをなみ妹が名呼びて袖ぞ振りつる — «...И в отчаянье, // Любя, // Только имя призывал // До-

рогой моей жены, // Лишь махал ей рукавом, — // Звал напрасно я!..» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 207].

А в плаче № 210 поэт Хитомаро, скорбя о смерти жены, сетует на то, что теперь его ребенок остался без матери, а значит без ее ласки и молока: ...我妹子が形見に置けるみどり子の乞ひ泣くごとに取り与ふ物しなければ... — «...И поэтому теперь, // Каждый раз, как молока, // Плача, просит у меня // Малое дитя, // Что оставила ты нам // В память о себе, — // Нечего ему мне дать...» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 210].

Далее среди «плачей частного характера» Кикиути Ёсио выделяет песни второй подгруппы, написанные в связи с безвременной кончиной человека, такой как смерть в пути («песни о погибших странниках», *коро сининка* 行路死人歌) или самоубийство («печальные песни о тех, кто покончил жизнь самоубийством», *дзисацуся айсэкика* 自殺者哀惜歌). Плачи такого рода наполнены чувством жалости и сострадания к несчастным, душа которых осталась не упокоенной.

Как считает японский ученый, в те времена верили, что если после смерти человека над его телом не были проведены соответствующие похоронные ритуалы, душа покойного (*тама*) продолжала неприкаянно блуждать в воздухе [2, с. 171]. Постепенно такая душа начинала испытывать негативные эмоции, и, тогда была «особо велика вероятность превращения *тама* в злобный мстительный дух (*горё: онрё:*), когда человек уходит в мир иной не по естественным причинам (по старости), а вследствие насильственной смерти или несчастного случая» [1, электронный ресурс].

По мнению А. Е. Глускиной, песни о погибших странниках могли повествовать о тяжелой участи «крестьян, возвращавшихся домой после трудовой и воинской повинности и умерших в пути от истощения и голода» [4, коммент. к песне № 220]. Печальное настроение в этих песнях усиливалось за счет упоминания в них о женах путников, которые, не зная о несчастье, продолжали ждать своих возлюбленных и тосковали о них. В качестве примера приведем отрывок из плача по погибшему страннику, останки которого увидел поэт Хитомаро на каменистом побережье острова Саминэ в провинции Сануки: ...見れば波の音の繁き浜辺を敷栲の枕になして荒床にころ臥す君が家知らば行きても告げむ妻知らば来も問はましを玉梓の道だに知らずおほほしく待ちか恋ふらむ はしき妻

らは — «...Оглянулся я вокруг // И увидел: // Ты лежишь, // Распластавшись на земле, // Сделав ложем камни скал, // Вместо мягких рукавов, // Изголовьем для себя // Выбрав эти берега, // Где так грозен шум волны... // Если б знал я, // Где твой дом, // Я пошел бы и сказал, // Если знала бы жена, // Верно бы, пришла она // И утешила тебя! // Но, не зная, где тот путь, // Что отмечен был давно // Яшмовым копьем, // Вся в печали и слезах, // Верно, ждет еще тебя // И тоскует о тебе // Милая твоя жена!» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 220].

Песни, сложенные о тех, кто покончил жизнь самоубийством, хранили воспоминания об этих людях и горькие переживания их близких. В описаниях их смерти подчеркивается преждевременный уход из жизни, что указывает на лейтмотив скорби о печальной судьбе покойного.

Так, оплакивая придворную красавицу из местности Цу уезда Киби провинции Витю, бросившуюся в реку, Какимото Хитомаро сначала описывает неотразимую внешность молодой женщины, рассказывает, что весть о ее смерти была неожиданной. Далее поэт обращает свое повествование к мужу умершей и к его чувствам. В своем плаче Хитомаро, акцентируя внимание на ранней смерти придворной красавицы, использует выражение *時ならず過ぎにし子らが* — букв. «Та, что преждевременно ушла (из жизни)» [4, № 217].

Песни такого характера писались не только на смерть женщин, но и на смерть мужчин. В своем плаче принцесса Курахасибэ (годы жизни неизвестны) обращается к принцу Нагая (684–729), который по приказу императора покончил с собой, и говорит, о том, что его смерть была несвоевременной: 大君の命畏み大殯の時にはあらねど雲隠ります — «Чтя волю государя своего, // Приказу ты повиновался. // И потому, хоть срок не вышел для тебя // Быть в усыпальнице священной, // В далеких облаках ты скрылся навсегда!» (пер. А. Е. Глускиной) [4, № 441].

Как видно, «плачи частного характера» (*ситэки банка* 私的挽歌) имели ярко выраженный внеобрядовый характер. Они слагались индивидуально на смерть конкретного человека, и поэтому передавали сильное чувство скорби по усопшему и боль от разлуки с ним. В отличие от других групп погребально поэзии («публичных» плачей *котэки рэйги банка* и предсмертных песен *дзисэй*) они обладали большим психологизмом и имели лирический характер.

Литература:

1. Бакшеев, Е. С. У японца есть три души. Теория структуры духовной сущности человека, правителя и божества в традиционной японской культуре (Часть 2). / «Кокоро — духовная культура Японии». Выпуск № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-jp.org/baksheev05.htm>
2. Кикиути Ёсио. Манъё-но банка (соно сэй-то си-но дорама) («Песни-банка антологии «Манъёсю» (трагедия жизни и смерти)»). Токио, 2007.
3. Манъёсю (на японском языке). [Электронный ресурс]. URL: <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/man'yoshu/AnoMany.html>
4. Манъёсю («Собрание мириад листьев»): В 3 т. / Перевод с яп., вступл., ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М.: «Наука», 1971.

Тема государственных экзаменов в средневековой корейской литературе

Корнеева Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой
Институт филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета

Одной из отличительных черт средневековой корейской литературы можно считать то, что важное место в ней отводится теме образования, образованности и ученоности. Можно даже сказать, что эта тема являлась магистральной и сюжетообразующей для большинства прозаических произведений средневековой корейской литературы. Более того, именно литература пыталась утвердить превосходство ученого и образованного человека над безграмотным неучем, показывая, что даже в самых простых житейских ситуациях только образованный человек может получить желаемое.

Во многих литературных произведениях проводится очень важная мысль о том, что главную роль в жизни любого человека играет Учитель, который накладывает на чистую, как лист бумаги, духовную основу человека тот узор совершенства, который отличал бы его от других. Более того, авторы пытались обратить внимание и на прямое противопоставление грамотного человека неграмотному, и даже поставить вопрос о возможности неуча называться человеком вообще: «А неграмотный разве может называться человеком? Я ведь тоже неграмотный, однако, все признают меня за человека, — возразил я. — Неужели вы, в самом деле, считаете, что человеком можно стать лишь после того, как овладеешь грамотой?!» [2, с. 49]. Конфуцианская идея о том, что каждый человек должен понять: он создан не для того, чтобы только есть и спать, а, прежде всего, для того, чтобы всеми силами стремиться стать мудрым, стала жизнеопределяющей для многих корейцев средневековой эпохи.

Также в средневековой Корее считалось, что образованным людям, даже если они не очень богаты, окружающие будут оказывать разные услуги, сочтя за честь помочь ученому человеку. Печать образованности, по мнению средневековых корейских литераторов, являлась своего рода социальным пропуском, в том числе и при знакомстве с молодыми особами и при устройстве своей семейной жизни. В связи с этим интересны рассуждения старого министра из романа «Облачный сон девяти» (XVII в.) о том, какого жениха выбрать для своей дочери. В конечном итоге после долгих раздумий министр решил выбрать жениха из числа образованных людей. Отца невесты не смущает ни возраст молодого человека, ни его простое происхождение, т. к. определяющим фактором стала образованность будущего зятя: «Пока что он всего лишь сдал экзамен, но все считают его первым талантом нашего времени» [4, с. 290]. Как видно, тема образования была не только актуальной для корейского общества, но и нередко определяющей.

При этом особое значение придавалось такому важному событию в жизни корейцев как сдача государ-

ственных экзаменов, которые воспринимались как «врата» в благополучную, обеспеченную жизнь. Роль этих экзаменов в реальной жизни была столь велика, что подготовка к ним и сдача самих экзаменов стали практически постоянным лейтмотивом произведений корейской литературы, и даже в тех произведениях, в которых сюжет основывался совершенно на иных конфликтах и коллизиях, тема образования могла проходить фоном, но незримо все равно присутствовать. Это в свою очередь привнесло в корейскую литературу достаточно сильный дидактический аспект, а также стилистику рассуждений, размышлений и пространных бесед на тему пользы образования.

Тема государственных экзаменов освещалась в средневековой корейской литературе очень подробно, что позволяет условно выделить пять основных тематических аспектов: 1. место и роль экзаменов в жизни государства и народа; 2. виды экзаменов; 3. возраст и социальное положение претендентов; 4. система проведения экзаменов; 5. дальнейший карьерный рост участников.

Система экзаменов зародилась в Корее в эпоху Силла (VII—X вв.), а именно в 788 г. [9, с. 176]. В то время это был лишь экзамен на знание литературы и истории страны. Но сама система набора чиновников именно через этот экзамен стала основным путем комплектования кадрами государственных учреждений. В эпоху Корё (X—XIV вв.) система государственных экзаменов была уже заимствована из Китая, где конфуцианская традиция придавала ей огромное значение. Согласно исторической летописи государства Корё (고려사, 1454) система государственных экзаменов официально была утверждена в Корее в 958 г., уже через 40 лет после восшествия на престол новой династии, на 9 году правления короля Кванджона (광종) (949-975) [11, с. 145]. В период Чосон (1392—1910) экзамены *квато* приобрели наибольшую популярность и значимость, они были призваны сыграть огромную роль в жизни средневековой Кореи, в деятельности ее государственного аппарата и в жизни обычных граждан, для которых экзамены *квато* стали смыслом жизни и заветной целью к успешной карьере чиновника.

Сдача экзаменов *квато* была одним из самых важных этапов в жизни корейца, который гарантировал получение должности и давал возможность построить карьеру. А удачно сложившаяся карьера могла принести славу и богатство не только семье, но и всему клану, обеспеченную старость родителям, достойное поминовение предков, что являлось гражданской обязанностью каждого корейца. Соответственно, согласно конфуцианским нормам почтения родителей, главной обязанностью сыновей было усердное обучение и успешная сдача экзаменов. Что же касается родителей, то их важнейшая обязанность — дать

детям образование, которое и позволило бы им сдать экзамены и получить чин и должность.

Перспективы карьеры всегда представлялись в литературе «радужными», и в этом просматривался некий элемент идеализации, создание литературой своего рода «идеального мира», путь к которому лежал через сдачу зачетного экзамена. Говоря о том, как менялась жизнь человека, получившего пост чиновника, уместно вспомнить рассуждения двух молодых людей — героев новеллы Пак Тусе «Ночная беседа в Ёровоне». Молодой человек был простолюдином, его жена сажала овощи, а сыновья ходили за скотом. Но: «Если раньше он ел похлебку из рисовых отрубей, то теперь ему подают изысканные блюда. Если раньше он всюду таскался пешком, то теперь разъезжает на упитанной лошади. А спит он окруженный *кисэн* (танцовщица, певичка. — *И. К.*), и слуги охраняют ворота его дома. Хорошее у него настроение — ссужает весной рис людям, плохое — колотит их палкой. Когда к нему приходят гости, он угощает их вином, а если у них пересыхает во рту — им подносят чай. Простолюдины, с которыми он прежде знался и на которых теперь смотрит свысока, становятся перед ним на колени» [2, с. 46]. Показательно, что полноценные сведения о том, какой успех сопровождал человека после успешной сдачи экзамена и получения поста чиновника, сохранились в основном благодаря произведениям корейской художественной литературы.

Важно отметить, что экзамены на получение высокой должности были доступны для всех, кроме выходцев из определенных, считавшихся низшими, сословий, к которым принадлежали мясники, актеры, музыканты, врачи, шаманы, несвободные крестьяне и буддийские монахи. Уже в 1537 г. был принят новый закон, запрещающий сдавать экзамены ремесленникам и торговцам. Кроме того, права сдавать экзамены были лишены и дети дворян от свободных наложниц, потомки политических преступников, а также дети и внуки вдов, вышедших повторно замуж. Эти запреты были предусмотрены законодательством. Но интересно отметить, что дети вдов, которые сохранили верность покойному супругу, как того требовали конфуцианские правила, имели шанс сдавать экзамены, как, например, героиня произведения «Жизнь и смерть Пак Ичхана» известного писателя в жанре *пхэсол* Сон Хёна (1439–1504) [3, с. 169].

Вся система экзаменов в период Чосон делилась на три вида: экзамены на гражданский чин, экзамены на военный чин и специальные экзамены на должности лекарей, переводчиков, философов и юристов. Экзамены для буддийских монахов были упразднены. В этой связи интересны рассуждения главного героя известного романа XVII в. «Облачный сон девяти» о том, что человек с рождения мечтает стать военачальником, министром или получить титул князя. И родители его всегда стремятся к тому, чтобы их сын прославился и обрел богатство и знатность, так как больше нечего желать мужчине в этой жизни [5, с. 124]. А Ним Кёноп, будучи прославленным генералом, говорил, что жизнь прожита зря, если ты не

служил королю: «Раз уж вы появились на свет — честно служите государю. Непременно добейтесь положения и славы, и имя ваше запишут историки. Зачем же увядать бесполезно, как цветы и деревья?» [7, с. 23].

Важным источником становятся произведения художественной литературы, когда речь идет о возрасте претендентов на сдачу экзаменов. К сожалению, упоминание о конкретном возрасте встречается в немногих произведениях художественной литературы, и скорее речь в них идет об экзамене первой ступени. Эта информация представляет собой оригинальный литературный материал. В романе «Облачный сон девяти», например, главный герой, размышляя о своей жизни, вспоминает, как до шестнадцати лет жил с родителями, а потом сдал экзамены и все время служил в столице. Именно в шестнадцать лет отправился сдавать экзамен главный герой другого известного романа «Сон в нефритовом павильоне». Молодой человек отправился в столицу попытаться счастья на экзамене именно в тот год, когда ему исполнилось всего-навсего «дважды по восемь» [10, с. 36]. На юный возраст сдавшего экзамен будущего полководца Ним Кёнопа указывается в «Повести о полководце Ниме»: там повествуется о том, что главный герой сдал экзамен на военный чин, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Учитывая то огромное количество различных видов экзаменов, которое существовало в эпоху Чосон, можно предположить, что каждый сдавал экзамены в соответствии со своими личными качествами и по мере готовности к тому или иному экзамену. Корейцы всю жизнь учились и сдавали экзамены, снова учились и снова сдавали экзамены.

Вся система экзаменов была очень сложная и многоуровневая. Показательно, что произведения средневековой корейской прозы скрупулезно, почти с документальной точностью фиксировали названия каждой из ступеней сдачи экзаменов, отмечали особенности каждой из них. Такое внимательное отношение к деталям проведения экзаменов со стороны художественной литературы лишней раз подтверждает, что эта проблема стояла для многих мужчин в корейском обществе на первом плане.

Во многих произведениях также фиксируется факт приезда молодых людей в столицу или в провинцию, чтобы сдать тот или иной экзамен, однако, в дальнейшем эта сюжетная линия не получала развития. Это свидетельствует о том, что в средневековой литературе уже само упоминание приезда (поездки) на сдачу экзаменов являлось важной характеристикой героя. «Срабатывал» прием некоего сюжетного посыла, своего рода сигнал при оценке героя.

Из произведений средневековой корейской литературы можно узнать информацию о церемонии награждения победителей. По окончании государственного экзамена те, кому посчастливилось сдать их успешно, выходили через главные ворота дворца, где их уже ожидали музыканты и танцоры. Автор «Повести о Чхунхяне» рассказывает о том, что победителя посадили на белого коня и с музыкой, чествуя, провезли через весь город. Праздник по случаю победы на экзаменах продолжался три дня. Потом будущий

чиновник получал отпуск и возвращался на родину. За это время он мог навестить родственников и посетить могилы предков. После этого молодой человек был готов к государственной службе. Он возвращался в столицу и получал все необходимые инструкции.

Совершенно очевидно, что средневековая корейская художественная литература является важным источником для изучения системы государственных экзаменов *квэго*. Именно литература призвала читателей участвовать в процессе подготовки и сдачи экзамена, который мог обеспечить как личное самосовершенствование, так и успешное продвижение по службе в должности чиновника.

Таким образом, дидактическая направленность расворена во всей средневековой корейской литературе как

пафос конфуцианских канонов, как идея самосовершенствования личности, как гарант гармонии личных и общественных интересов, как залог крепости и устойчивости семьи и государства. Стоит обратить внимание не только на огромную, можно даже сказать, поразительную роль образования в средневековой Корее, поддерживаемого и насаждаемого государством, но и на огромную роль литературы, которая мгновенно подхватывала и отражала любые перемены в социуме и разносила просветительские идеи по всем городам и весям страны. Авторы произведений демонстрируют, как литература наталкивалась на противоречия между конфуцианскими канонами и живой жизнью и как на языке художественных образов пыталась эти противоречия преодолеть: при этом с переменным успехом побеждали то канон, то жизнь.

Литература:

1. Верная Чхунхян: Корейские классические повести XVII–XIX вв. М.: Худож. лит., 1990. — 383 с.
2. Восточная новелла. М.: Издательство восточной литературы, 1963. — 318 с.
3. История цветов: корейская классическая проза. Л.: Худож. лит., 1990. — 656 с.
4. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Средневековая корейская проза. Л., 1985. — 464 с.
5. Ким Манджун. Куунмон (Облачный сон девяти). Пхеньян, 1957. — 163 с.
6. Ким Сисып. Кымосинхва (Новые рассказы с горы золотой черепахи). Сеул, 2006. — 254 с.
7. Ним Чангун Джон (Повесть о полководце Ниме). Пер. с кор. Д. Д. Елисеева. М., 1975. — 56 с.
8. Пэкквасаджон (Энциклопедический словарь). Сеул, 1999. — 2785 с.
9. Сон Инсу. Хангук Кёюкса Ёнгу (Исследования истории образования в Корее). Сеул, 1998. — 934 с.
10. Сон в нефритовом павильоне. Пер. с кор. Г. Рачкова. М., 1982. — 768 с.
11. Чосон кёюкса (История образования в Корее). Сеул, 1996. — 190 с.

Социальная роль цвета костюма в средневековой японской литературе (на примере романа Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи»)

Петренко Наталия Юрьевна, соискатель

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В культуре и литературе Японии эпоха Хэйан (794–1185) занимает особое место — с нее начинается новый этап развития японской прозы. Возникали новые жанры, такие, как *никки* (дневник) или *дзуйхицу* (эссе), продолжали свое развитие и жанры повествовательной прозы, которые, несмотря на свою неоднородность, объединялись под общим названием *моногатари*. Под «моногатари» в то время понимались практически все произведения поэтико-повествовательного плана, и даже так называемый «длинный роман» «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», прим. 1008 г.). Он принадлежит перу придворной поэтессы, известной в мировой литературе как Мурасаки Сикибу (прим. 987 – 1014). Настоящее ее имя так и осталось неизвестным, хотя считается, что она была дочерью знатного вельможи по имени Фудзивара Тамэтоки.

Роман «Гэндзи моногатари» повествует о жизни, политической карьере и любовных похождениях принца Гэндзи, а также о его семье, близких и возлюбленных. Этот роман состоит из 54 глав, в которых действуют около 300 персонажей. Он имеет сложную для того времени композицию и является одним из самых объемных произведений японской литературы.

«Гэндзи моногатари» — это своего рода «энциклопедия жизни хэйанского общества». В нем нашли свое отражение множество тем — буддийская идея кармы и воздаяния, политические и дворцовые интриги, праздники и обряды; роман является ценным источником для понимания системы эстетических воззрений того времени. Однако все эти темы, так или иначе, оказываются связанными с основной линией романа, а именно — с чередой любовных походов главного героя — принца Гэндзи.

Не случайно поэтому многие проблемы показаны в романе через призму женских образов.

Можно сказать, что в романе представлена целая галерея женских образов — более ста персонажей, двадцать два из которых играют важную роль в развитии сюжета. Такое большое число женских персонажей не кажется удивительным — основной тенденцией литературы того времени была так называемая «литература женского потока», а именно литература, созданная женщинами-писательницами, которые нередко затрагивали «женскую тему» в своих произведениях, повествуя о жизни и чувствах хэйанских аристократок.

Для характеристики женских персонажей в романе используется достаточно много приемов. Конечно, для раскрытия характера важны взаимоотношения с другими героями, но Мурасаки Сикибу пытается раскрыть характер своих героинь и с помощью, на первый взгляд, незначительных деталей. Именно поэтому описание внешности героини, особенности ее почерка, стиль речи также могут рассматриваться как важный фактор в развитии образа. При этом нельзя утверждать, что такой прием был выбран сознательно — вероятно, мы имеем дело с художественно осмысленной констатацией исторического факта. Но сегодня, спустя века, именно эти описания, какими бы незначительными они не казались, дают возможность полностью осмыслить образы женских героинь романа.

Например, интересным оказывается указание на социальное положение, которое в литературе этого периода, помимо прямого называния статуса или должности при дворе, дается опосредованно. В частности, для этого используется описание одежды. В хэйанском костюме все имело значение, как фасон и ткань, так и цвет одежды, на котором мы остановимся подробнее.

Цвету женского костюма придавалось большое значение в раннесредневековой Японии. А.С. Шиманская указывает на то, что еще в 603 году принц Сётоку Тайси в рамках обновления административной системы Японии принял указ о 12 рангах, которые имели связь с китайской конфуцианской системой шести добродетелей. В связи с этим каждому человеку вменялось в обязанность носить шапку определенного цвета. Самой высшей добродетели соответствовал фиолетовый цвет (*мурасаки*), в связи с чем можно говорить о том, что он был показателем высокого социального положения. Далее шли оттенки синего, красного, желтого, белого и черного цветов. Впоследствии на основе этого указа был сделан реестр запрещенных и разрешенных цветов [2, с. 126].

В японской средневековой литературе встречаются примеры указания цвета одежды как элемента характеристики социального статуса героев. Так, в произведении «Ямато моногатари» («Повесть о Ямато», сер. X в.) в одном из отрывков, посвященном дочери правителя Мусаси, то есть об аристократке среднего происхождения, читаем: «Это она была в ярко-алом одеянии, ею и были поглощены все его мысли» [3, с. 139]. Ярко-алый цвет указывает на ее высокое происхождение, однако этот цвет

имел более низкий ранг в реестре цветов, чем фиолетовый. Уже по одному лишь цвету одеяния читатель должен был безошибочно определить статус дамы, а, значит, мысленно «дорисовать» себе всю картину происходящего.

Именно на приеме «домыслить, дорисовать» построено многое в японской средневековой литературе. Не случайно далее в том же произведении, но уже о других персонажах, можно прочесть: «Людей как будто нет, но через щель в занавеске заметил он какую-то даму высокого роста, в одежде светло-фиолетовой и ярко-алой поперек и с длинным волосами» [3, с. 188]. Как видно, в тексте не прямого указания на статус женщины, но все эти детали указывают нам на ее высокое происхождение.

Можно сказать, что к моменту создания романа «Гэндзи моногатари» упоминания цвета одежды как важной социальной составляющей приобрело форму своеобразного художественного приема. В «Гэндзи моногатари» символика цвета достигла своего совершенства и стала неотъемлемой частью портретной характеристики героев.

В качестве примера можно привести описание одежды одной из возлюбленных принца Гэндзи — дамы по имени Югао (букв. «Вечерний лик»): «Женщина обладала вполне обыкновенной наружностью, но что-то чрезвычайно милое и трогательное было в ее хрупкой фигурке, облаченной в светло-лиловое платье, из-под которого выглядывало нижнее, белое» [1, т. 1, с. 71]. Следует отметить, что в романе практически отсутствует точное указание на социальное положение Югао, и такая деталь, как цвет ее светло-лилового платья, указывает на ее высокое положение в обществе. Однако не менее интересной деталью оказывается указание на белый цвет, который присутствует не только в одежде героини, но и в ее имени (цветок «вечерний лик» — одна из разновидностей белого вьюнка). Напомним, что в мировой культуре белый цвет — неоднозначен, оценки его варьируются от сугубо позитивного до сугубо негативного. Как отмечает шведский ученый Стинна Йелбринг, в японской культуре, помимо всего прочего, белый цвет связывается с понятием *аяши* (странный, таинственный), что при чтении романа сразу указывает нам на судьбу этой героини, которая погибает при странных обстоятельствах [4, с. 179].

Другой пример указания на социальное положение через цвет одежды связан с другой героиней романа — госпожой Мурасаки, возлюбленной Гэндзи. Здесь надо пояснить, что поэтесса Мурасаки Сикибу получила имя этой героини в качестве своего собственного псевдонима, вероятно, потому, что первые слушатели и читатели романа — придворные аристократы — заметили некое сходство героини и автора. В романе читаем: «На госпоже Мурасаки, судя по всему, темно-лиловое платье...» [1, т. 2, с. 94]. Здесь снова присутствует указание на высокий социальный статус, однако по ходу сюжета романа мы узнаем, что происхождение Мурасаки было не настолько высоко, чтобы обеспечить ей место официальной жены Гэндзи. Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае фиолетовый цвет отражает ее высшие добродетели, при-

ближая ее к понятию *ёки бито* «хороший человек», которое, по-видимому, изначально применялось в отношении реестра цветов еще при принце Сётоку Тайси.

Умение сочетать цвета между собой в рамках *юрүсииро* («разрешенных цветов»), подobaющих социальному слою героини, вести себя соответственно возрасту, положению и конкретной ситуации являлось свидетельством хорошего вкуса, полученного в результате воспитания и «правильного» женского образования, которое должно было сформировать у женщины утонченность и чувства прекрасного. Однако здесь автор романа Мурасаки Сикибу оказывается новатором и делает смелое предположение о том, что врожденные качества женщины могут не определяться ее родом, семьей и даже воспитанием.

В этой связи обращает на себя внимание характеристика одной из возлюбленных Гэндзи — «дамы по прозвищу Шафран» — Суэцумухана, так или иначе связанная с цветом. Суэцумухана происходила из древнего рода, ее семья была связана родственными узами с императорским домом, ее отец не жалел сил и времени на ее воспитание, однако все эти усилия не принесли желаемых плодов. Суэцумухана была неловка, не умела себя вести и не умела себя подать: «Так вот, облачена она в нижнее платье дозволенного оттенка, но совершенно выцветшее и в почерневшее от времени *утики* с наброшенной поверх него роскошной благоухающей накидкой из куньего меха. Эта накидка — вещь сама по себе старинная и благородная — слишком тяжела для столь молодой особы, и это несоответствие сразу бросается в глаза» [1, т. 1, с. 130].

В этом отрывке сразу несколько важных для нас моментов. Первое — это указание на «дозволенные оттенки», что делает честь Суэцумухана: при всем своем неумении следовать моде и общаться с людьми она все же чувствует свое место в социальной иерархии и встроена в нее. Второе — накидка из куньего меха (роскошная,

благоухающая) — одежда дам старшего возраста и выцветшая, почерневшая от времени одежда — показатель неумения следовать моде и отсутствия вкуса. Все это говорит о несоответствии ее психологического возраста реальному возрасту.

Полной противоположностью Суэцумухана является придворная дама по имени Гэн-найси-но сукэ, которая, напротив, чувствует себя гораздо моложе своего возраста, что и выражается в ее манере одеваться: «Дама, прикрыв лицо ярко раскрашенным веером, оборотилась к Гэндзи» [1, т. 1, с. 149]. Яркие цвета — это то, что присуще было молодым женщинам, поэтому у стареющей фрейлины, каковой и была на тот момент героиня, он выглядит более чем неуместно.

Наконец, еще один маркер социальной принадлежности — это постоянно повторяющееся указание на платье цвета керрия (один из оттенков желтого) у Тамакадзура, приемной дочери Гэндзи, которая выросла в провинции и поэтому, в соответствии с представлениями того времени, не могла иметь достойного воспитания, следовательно, ее социальное положение также не могло быть высоким. Желтый цвет в реестре принца Сётоку Тайси находился на четвертой позиции, что означало не столь высокий ранг. Таким образом, положение Тамакадзура в обществе становится понятным и без прямого указания на него.

Приведенные примеры показывают, насколько прочно роман «Гэндзи моногатари» был не только вписан в контекст эпохи, но и в художественном плане явился «собирателем» ее основных художественных приемов. В дальнейшем литература *моногатари*, которая была уже по преимуществу эпигонской, превратила описание одежды в общее место, и вскоре этот прием вышел из употребления. Однако его значение для развития хэйанской литературы трудно переоценить.

Литература:

1. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи: В 3 т. / Мурасаки Сикибу; пер. с яп., вступ. ст., приложение и коммент. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. — Изд. 2-е перераб. и доп. — Т. 3: Приложение. — СПб.: Гиперион, 2010. — 1500 с.
2. Шиманская, А. С. Семиотика цвета в японской культуре (рукопись). Дисс... канд. филос. наук. (Рукопись). М.: МГЛУ, 2014.
3. Ямато моногатари. / Пер. с яп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. — М.: Наука, 1982. — 230 с.
4. Jelbring Stina. A Decontextual Stylistics Study of the Genji Monogatari — with a Focus on the «Yugao» Story. Stockholm.: Stockholm University, 2010. — 291 с.

Мотив «убегающей лошади» в храмовом фольклоре Японии

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Каждый, кто приходит в Японии в синтоистский храм, непременно обращает внимание на большое количество правил, которым требуется следовать, и атрибутов, которыми надо правильно пользоваться. Для понимания большинства из этих правил и назначения атрибутов необходимы хотя бы общие знания по истории синтоизма, мифологии и культуре Японии. Однако для того, чтобы не попасть впросак, иногда бывает достаточно посмотреть, как японцы «очищаются» перед входом в храм, как правильно омывают руки, как «призывают» богов. Но ведь за каждым таким правилом или предметом — давняя и долгая история, истоки которой уже не видны столь очевидно. И оказывается, что так часто покупаемый амулет-оберег «*о-мамори*» — это видоизмененная божественная яшмовая бусина в форме запятой — *магатама* — один из символов синтоистского культа, а известное гадание *о-микудзи*, при котором вытаскивают наугад бумажку, на которой написана судьба, пришло в синтоизм сравнительно недавно, только после революции Мэйдзи, то есть в конце XIX века. А до этого заимствованное из Китая это гадание называлось «Каннон микудзи» и в буддийских храмах служило формой общения богини милосердия Каннон (санскр. Авалокитешвара) с прихожанами.

У каждого атрибута синтоистского культа своя удивительная судьба, с которой нередко связана не только мифологическая, но и фольклорная история. Зачастую именно в фольклоре сохранились древние и сакральные представления об этих атрибутах. Есть фольклорно-ритуальная история и у неброских деревянных дощечек *эма*, которые принято покупать в синтоистском храме, записывать на них свои желания и вывешивать на специальных стойках.

Слово «эма» буквально означает «лошадь на картинке» и записывается соответственно иероглифами «картина» и «лошадь». Здесь следует вспомнить, что культ лошади в японской культуре не раз был предметом специального исследования в связи с гипотезой о сильных культурно-исторических связях древних японцев с северными кочевыми народами [3, с. 61–62].

Вероятно, именно в результате этого влияния лошадь стала восприниматься японцами и как символ власти, и как выражение процветания и богатства. Об этом, в частности, свидетельствуют источники, согласно которым, в VIII в. конные состязания как бы «предрешали судьбу» будущего урожая: полагали, что тот, кто победит в конных забегах, получит богатый урожай. Здесь следует напомнить, что конные соревнования стрелков из лука и сегодня проводятся в ряде синтоистских храмов Японии в канун Нового года и выполняют ту же функцию ритуально-магического гадания. Позднее уже в буддийской традиции

сформировалось представление о Бато Каннон — о богине милосердия Каннон с лошадиной головой, которая «в рамках» синто-буддийского синкретизма практически продублировала часть функций синтоистского Бога рисового поля. Культ лошади проник и в народную культуру. Его следы можно обнаружить и в календарно-обрядовой народной поэзии, и в устном повествовательном фольклоре.

Что же касается связи лошади и синтоистского культа, то, хотя в Японии лошадь выполняла и свои обычные функции, то есть использовалась как тягловая сила, у нее было и особое предназначение. Считалось, что лошадь — это «транспорт синтоистского божества». Именно на лошади божество выезжает во время больших праздников и осматривает «свои владения». Лошадей, на которых восседало божество, называли *дзиммэ*. Для них выделяли отдельные стойла или даже строили специальные конюшни, чтобы держать их отдельно от других лошадей. Особенно почитались лошади белой масти. Они использовались только в ритуале и людей почти никогда не возили.

Широко был распространен обычай подносить в дар богам и храмам живую лошадь. Интересно, что этот обычай, известный с древности, до сих пор сохраняется в самых древних и значимых синтоистских храмах Японии, например, в главном храме богини Солнца Аматаэрасу в Исэ — Исэ-дзингу и в храме Касуга-дзиндзя в г. Нара [1, с. 135].

Однако содержать живую лошадь в храме было дорого, и некоторые храмы постепенно стали отказываться от этого. Так в синтоистских храмах появились макеты лошадей в полный рост. Для макетов строили настоящие стойла, и казалось, что там находится живая лошадь. Такие *комагата* (букв. «макет лошади») можно и сегодня увидеть даже в знаменитых храмах Японии. Макет белой лошади, помещенной в конюшню со стеклянной витриной, чтобы ее могли видеть прихожане, находится в Киото в храме бога риса Инари — Фусими-Инари-дзиндзя. Под навесом вместе с другим священным животным — быком стоит гнедая лошадь и в Великом храме в Издзумо — Издзумо-тайся.

При этом преподнести в дар храму живую лошадь или даже ее макет в полный рост могли позволить себе немногие. Именно поэтому уже в период Нара (VIII в.) и в период Хэйан (IX–XII вв.) в разных районах Японии стали появляться небольшие глиняные фигурки лошадей (*цутшума*), а также фигурки, вырезанные из дерева (*киума*). В скором времени они стали широко распространенной «заменой» настоящей лошади. Но на этом процесс упрощения поднесения дара богам не закончился. Следующим этапом стали картинки с изображением лошади. Они-то и

получили название *эма* и могут считаться прародителями современных вотивных табличек.

Эти рисунки приносили те, кто не имел возможности купить живую лошадь или ее макет, а также смастерить глиняную или деревянную «замену». При этом рисунок, выполненный на дереве, больше напоминал картину и воспринимался как достойная замена живой лошади. Недаром на наиболее древних из сохранившихся *эма*, которые датируются серединой XVI века и находятся в храмах Нарусима-хатимангу (преф. Ямагата) и Тамура-дзиндзя (преф. Фукусима), написано: «*Дзиммэ иппики*», то есть «Одна священная лошадь» [1, с. 136].

Таких больших *эма* с изображением лошади, видимо, было много по всей Японии. Их вывешивали в синтоистских храмах и почитали как сокровище. Тем более что некоторые картины писали известные художники. Лошади на *эма* выписывались тщательно и максимально походили на живой оригинал. Не исключено, что эта тщательность и достоверность изображения и стали одной из причин создания большого числа народных храмовых легенд об «ожившей лошади».

Сюжет всех этих легенд во многом схож, хотя и имеет каждый раз свои особенности. Вкратце он таков: местные жители замечают, что кто-то совершает ночные набеги на их поля и топчет урожай. В результате они обнаруживают, что лошадь с картины-*эма* ночью покидает привычное место, бежит по полям, а под утро возвращается. Удивленные и напуганные, они придумывают способ больше не разрешать лошади сходить с картины.

Одна из таких легенд до сих пор рассказывается в синтоистском храме Касуга-дзиндзя в г. Сасаяма (преф. Хёго). Там и сегодня можно увидеть храмовое помещение, больше напоминающее открытую веранду, в котором на самом видном месте висит огромная картина-*эма*; она считается культурной ценностью городского значения. Размер этой картины более полутора метров и на ней изображена лошадь гнедой масти. Лошадь как бы застыла на бегу, она устремлена вперед и, кажется, вот-вот вырвется за пределы картины. Нетрудно заметить, что сдерживает ее тяжелая привязь-уздечка, которая, по замыслу художника, крепится где-то вне картины.

Легенда храма Касуга-дзиндзя повествует о том, что один крестьянин, живший в окрестностях храма, обнаружил, что кто-то по ночам лакомится его урожаем бобов. Крестьянин несколько ночей следил за вором, но так никого и не увидел. Только как-то ночью он заметил на грядках следы копыт. Тогда-то он и понял, что это прибегает лошадь с картины-*эма*. Крестьянин рассказал об этом настоятелю, и тот решил подрисовать привязь. С тех пор больше никто не портил у крестьянина урожай бобов.

«Достоверность» этой истории подтверждается тем, что любой желающий может сам увидеть и старинную картину-*эма*, и подрисованную на ней привязь. Именно так в фольклоре любого народа и «работает» устная не- сказочная проза, основным критерием которой является установка на достоверность. «Правдивость» повество-

вания при этом должна иметь четкую ссылку на «авторитет», в качестве которого зачастую выступают материальные предметы. В случае с легендами, которые наряду с преданиями, быличками и бывальщинами как раз и относятся к жанрам народной не- сказочной прозы, наличие в храме материального подтверждения фольклорного чудесного рассказа, становится неоспоримым «авторитетом», призванным утвердить прихожанина в правильности его религиозного выбора.

Другую большую картину-*эма*, о которой сохранилась подобная легенда, можно увидеть в буддийском храме Хасэдэра. в г. Кураёси (преф. Тоттори). Этот храм посвящен богине милосердия Каннон, и *эма* с изображенной на ней белой лошадей была когда-то преподнесена в дар богине. Среди характерных особенностей истории этой картины можно назвать то, что следил за вором маленький служка, он же и подрисовал к уздечке лошади длинную толстую привязь.

Однако материальное подтверждение легенде не обязательно должно предъявляться во всех без исключения случаях. Привязанность легенды к реально существующему храму тоже может рассматриваться как ссылка на «авторитет». И потому другие фольклорные истории, в данном случае об убегающей лошади, для прихожан оказывались не менее ценными и также укрепляли их веру в высшую связь данного храма и чуда.

Здесь можно вспомнить историю о лошади с картины-*эма* г. Сандзё (преф. Эхимэ). В ней рассказывается о лошади, которая выбегала пастись на поля, и, в конце концов, ей тоже подрисовали уздечку. Однако в этой истории нет прямого указания на храм, что при этом не делает легенду «выдумкой».

Вместе с тем может показаться, что герои всех этих легенд совершенно не были обеспокоены столь странным поведением нарисованной лошади, а лишь волновались за урожай. Бытование целого ряда легенд свидетельствует о том, что это не всегда было так. И, вероятно, во всех приведенных выше случаях мы имеем дело с «опрощением» сюжета, выдвиганием на первый план бытовой тематики. Другие же тексты являются доказательством того, что такое поведение лошади воспринималось как проявление демонического начала, от которого хотели немедленно избавиться. Именно поэтому, чтобы усмирить лошадь, прибегали к менее гуманным способам.

Так, например, случилось с лошадей с картины-*эма*, авторство которой приписывают великому японскому художнику Косэ-но Канаока (IX в.). Согласно народной легенде, эта картина принадлежала известному в Киото буддийскому храму — храму Ниннандзи. Однако сегодня среди его многочисленных сокровищ она не числится. Лошадь с картины Канаока тоже по ночам бегала по полям и щипала траву. Все видели, что ночью она забегает в ворота храма Ниннандзи, но все-таки не верили, что это лошадь с картины великого Канаока. Так длилось до тех пор, пока однажды напуганные настоятель и монахи не обнаружили, что у лошади на картине ноги испачканы свежей грязью. Тогда один

из монахов, как и все, испугавшись, схватил кисть и быстро зарисовал глаза лошади черной тушью [2, с. 17–18].

Связь нарисованной лошади с потусторонним миром прослеживается и в легенде храма Хатиман-дзиндзя в г. Нанао (преф. Исекава). В ней рассказывается о гнедой лошади, которая долго жила в храме. Все ее очень любили, и когда лошадь умерла от старости, местные жители, желая сохранить о ней память, принесли в храм большую картину-эма с изображением гнедой лошади. Очень скоро события начали разворачиваться по уже знакомому сценарию. И тогда местные жители решили, что душа лошади никак не может обрести покой и все время возвращается в этот мир. Они устроили большой праздник, преподнесли духу лошади морковь и другие ее любимые лакомства, а потом полностью закрасили картину-эма черной тушью, чтобы лошадь больше не могла попасть в мир живых.

Здесь следует обратить внимание на два момента. В легендах об «ожившей» лошади, даже если они связаны с синтоистскими храмами, в ряде случаев прослеживается идея потустороннего мира и загробной жизни. А сами эма предстают как «проход», «портал» для перехода из одного мира в другой. Оба этих факта свидетельствуют о том, что культ лошади и традиция создания эма ощутили значительное влияние буддийской традиции и могут рассматриваться как элемент синто-буддийского синкретизма.

Хотя, конечно, картины-эма — это явление, прежде всего, синтоистской культуры, причем культуры народного синтоизма. Показательная легенда преф. Кумамото, в которой не только запечатлелась тесная связь синтоистских божеств и людей, но и упоминается лошадь, как «транспортное средство» божества. В легенде также речь идет о лошади на картине-эма, но это не история об «ожившей» лошади.

Рассказывают, что Бог горы и Бог колосьев помогали при родах, и их всегда приглашали в дом, где была роженица. И вот у жены одного крестьянина начались роды, муж побежал за бабкой, которая помогла бы принять роды, но попал под дождь, поскользнулся и повредил ногу. Еле добрался он до синтоистского храма и решил там переждать ливень. Но тут услышал разговор богов. Бог колосьев жаловался, что не может нынче поехать вместе с Богом горы и помочь женщине разродиться, потому что его лошадь подвернула ногу и не может отвезти его к роженице. Жалко ему бедную женщину, которая теперь непременно умрет. Муж услышал такие речи и сначала испугался. А потом подошел к большой картине-эма, на которой была нарисована лошадь, видит — а у лошади и вправду нога подвернута. Протянул тогда крестьянин руку к картине и аккуратно выправил лошадиную ногу. И в тот же момент увидел он, как садится верхом на лошадь старец и скачет прочь. Нога у крестьянина сразу прошла,

побежал он домой, а там жена уже родила младенца, все здоровы и счастливы.

Однако несмотря на то, что больших картин-эма с нарисованной на них лошадей было немало, эти подношения из-за своей дороговизны не носили массового характера, и процесс развития эма продолжался. Сохранились сведения о том, что уже в начале XVII в. на улицах г. Эдо можно было встретить мастеров-торговцев, которые ходили по городу с мешком на плече и торговали небольшими дощечками, напоминающими эма в миниатюре. Первоначально на маленьких эма также была нарисована лошадь. И это давало возможность любому отнести традиционное подношение в храм. Количество дарованных эма стало столь значительным, что со временем для эма начали устанавливать специальные стойки, на которые дощечки можно было повесить. Вероятно, тогда же появился обычай писать на обратной стороне эма просьбу, обращенную к божествам. Считается также, что этому в немалой степени способствовало слово «какэру», имеющее в японском языке значение «вешать», но используемое в огромном количестве идиоматических выражений. Так, выражение «эма-о какэру» (букв. «вывешивать эма») стало ассоциироваться с выражением «нэгаи-о какэру» в значении «возносить молитву», «обращаться с просьбой» [1, с. 137].

Утвердились и две основные формы миниатюрных эма. Раньше они имели почти квадратную форму и нередко напоминали картину в раме. Теперь же в районе Эдо стали мастерить эма в форме трапеции с окантованной крышей — так дощечка напоминала конюшню. А вот в районе Киото утвердилась прямоугольная форма без крыши и окантовки.

Со временем изображать на эма стали не только лошадь, но и другие благожелательные символы. Эта традиция сохранилась и сегодня. Картинки на деревянных дощечках-эма поражают своим разнообразием и, на первый взгляд, кажется, что там нарисовано все, что угодно. Но это, конечно, не так. По современным эма можно изучать традиционную культуру Японии, познакомиться с исконным представлением японцев о счастье и выявить эталон благополучия. А еще можно узнать об основных синтоистских божествах, которым поклоняются в каждом конкретном храме, и об их чудесных деяниях. Конечно, изменились и просьбы, обращенные к богам. Хотя, наверное, просьбы о личном счастье, которых и сегодня большинство, не так уж подвластны времени. И потому богов по-прежнему молят об удачной сдаче экзаменов, о счастливом замужестве, о рождении детей, о материальном благополучии и здоровье. Как видно, неизменным осталось одно — вера японцев в то, что, поднося богам деревянные дощечки-эма, как древний и надежный дар, они заручаются поддержкой богов во всех своих начинаниях.

Литература:

1. Кандзаки Норитакэ. Кайун. Энциклопедия (Поворот судьбы к лучшему. Книга о благожелательных символах-энги). Токио, 2000. — 223 с.

2. Кёто-но тэрадэра-но мукасибанаси (Сказки буддийских храмов Киото). Нара, 1996, Т. 2. — 48 с.
3. Садокова, А. Р. Култ лошади в календарной поэзии японцев (к проблеме древних связей японцев с кочевыми народами) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. — 118 с.

История создания японского поэтического собрания «Хайфу Янагидару»

Цой Мария Константиновна, аспирант

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Большое место в японской поэтической традиции занимают не только пятистишия, но и трёхстишия. Однако, несмотря на то, что центральное место среди них занимают *хайку*, японские поэтические трёхстишия разнообразны по форме и содержанию, и одним из самых популярных жанров трёхстиший является *сэнрю*. Впервые *сэнрю* появились в середине XVIII века, и стали чрезвычайно популярным жанром ближе к концу эпохи Токугава (1603 — 1868). *Сэнрю* стали комическим и доступным широкой публике антиподом серьёзной и требующей специальной подготовки поэзии *хайкай*, прообразу *хайку*.

Главными особенностями этого жанра могут считаться юмор, бытовая тематика и минимальное соблюдение поэтической формы 5-7-5 слогов. В эпоху Токугава *сэнрю* сочинялись преимущественно для участия в поэтических конкурсах *манку-авасэ* («турниров тысяч стихотворений»), которые проводились профессиональными поэтами и издателями. В качестве заданий чаще всего предлагались незамысловатые двустишия, обычно с повторяющейся строкой. Например, вот строфа-задание конкурса, объявленного в сентябре 1757 года [Цит. по: 1, с. 33–34]:

Нигиякана кото / нигиякана кото
Что за шум, / что за шум!

Среди множества присланных в ответ текстов особо отмечено было следующее трёхстишие-*сэнрю*:

Гобаммэ ха / онадзи цукуттэ мо / Эдо умарэ
Из одного дерева вырезаны,
только пятый — всё равно эдосец.

Здесь следует сделать некоторые пояснения. Эдосец — житель города Эдо (современный Токио); в сознании японцев — щёголь, привлекающий внимание. В стихотворении идёт речь о шести знаменитых статуях будды Амиды на известном паломническом маршруте. По легенде все шесть были вырезаны из одного дерева, но хотя почти все они хранились в отдалённых и тихих храмах, пятая по счёту — единственная — хранилась в Эдо, в храме, расположенном на шумном перекрёстке.

Это стихотворение позже, в 1765 году, было отобрано в первый выпуск «Хайфу Янагидару» (排風柳多留), который считается самым первым в истории сборником *сэнрю*. Название поэтического собрания «Хайфу Янагидару» буквально можно перевести как «Ивовые бочки в стиле *хайкай*», и за период с 1765 по 1839 годы было из-

дано 167 его частей, в каждой — шесть-семь сотен тщательно отобранных стихотворений.

Своим появлением на свет собрание «Хайфу Янагидару» обязано двум выдающимся людям — Караи Сэнрю (1718 — 1790) и Горёкэну Арубэси (?? — 1788; в «Янагидару» он упоминается как Горёкэн Каю).

Караи Сэнрю, урождённый Караи Хатиэмон, унаследовал от отца место управляющего и, по-видимому, поэзией начал заниматься уже в немолодом возрасте [5, с. 1]. Он принадлежал, скорее всего, к поэтической школе Данрин, новаторской и наиболее экспериментальной в отношении поэтических канонов, что предопределило его интерес к поискам нового и неклассического в поэзии. Псевдоним Сэнрю, который Караи Хатиэмон взял, достигнув ранга мастера, переводится как «речная ива». Любопытно, правда, что кроме нескольких редких строф, ему приписываемых, собственные стихотворения Сэнрю до современного читателя не дошли. Тем не менее, несмотря на неуспех на поэтическом поприще, он очевидно отличался талантом литературного критика.

С 1757 года Караи начал проводить состязания *манку-авасэ*. Сначала дела его были не столь блестящи: на первый турнир, проведённый 27 сентября 1757 года, было прислано всего 207 стихотворений. Однако уже через пять лет их количество возросло многократно — считается, что в *манку-авасэ*, проводимом Сэнрю в 1762 году, участвовало более десяти тысяч текстов (в то время как рекорд Сэнрю — 25024 стихотворений в 1779 году) [4, с. 9].

Примерно в это же время, когда турниры, проводимые Сэнрю, были на пике популярности, издатель Горёкэн Арубэси начал собирать сборник из лучших, по мнению Сэнрю, стихотворений с этих турниров, и в 1765 году был издан первый выпуск «Хайфу Янагидару». Горёкэн Арубэси, который, судя по всему, планировал издание только одного выпуска, в своем традиционном для поэтической антологии предисловии пишет: «В сезон дождей, когда меня обуревала скука, иногда с полки в углу я доставал прошлогодние *маэкудзукэ* [стихотворения с турниров], иногда я сочинял стихи за письменным столом или захаживал в какую-нибудь книжную лавку, и так собрал стихи, которые сами по себе, без заданий, были бы легко понимаемы, в отдельный сборник; и пусть даже этот труд окажется в итоге бессмысленным, я считаю его заслуживающим внимания. И прежде всего потому как есть здесь

стихи превосходные, стиль которых можно сравнить с недосказанностью *хайкай* нашего времени, название дал я этому сборнику «Имосэ Янагидару» («Ивовые бочки на реке Имосэ»)» [2, с. 229].

Второе название сборника — «Ивовые бочки на реке Имосэ» должно было вызывать у читателя определенные ассоциации свадебно-обрядового, инициального характера. С одной стороны, в названии составитель использует образ гор-супругов Имосэ из классической японской поэзии. С другой — обыгрывает распространенный в то время обычай дарить на свадьбу ивовые бочки (*янагидару*) в качестве благопожелательного символа. То есть можно истолковать название сборника и сам сборник как первый (инициальный) поэтический дар, преподнесенный классической традиции в надежде на признание ею неклассической комической поэзии сборника как равной. Иными словами, Горёкэн Арубэси рассматривал «Хайфу Янагидару» как связующее звено, которое подразумевает включение бытовых, дилетантских, написанных на турнирах текстов в разряд довольно высокой поэзии. И хотя он не приравнивает их окончательно к поэзии *хайкай*, по его мнению, они тоже заслуживают своего места в традиции.

Преемники Сэнрю, превратившие его псевдоним в династийный титул, заботились о развитии и сохранении традиции «Хайфу Янагидару», а позже, в двадцатом веке, об исследовании «Хайфу Янагидару». В настоящее время пятнадцатый носитель имени Сэнрю (первые три поколения титул передавался внутри семьи, позднее — среди учеников) возглавляет Токийское общество исследователей *сэнрю*.

Нельзя сказать также, что история собрания «Хайфу Янагидару» закончилась в 1839 г. С 1842 по 1846 год «Хайфу Янагидару» было переиздано в новой редакции в виде 40 томов под названием «Симпэн Янагидару» («Новая редакция Янагидару»). Одновременно с этим на волне популярности многочисленных поэтических *манга* — комических стихотворений, сопровождаемых иллюстрациями, — художник Ясима Гакутэй (Гакутэй Харунобу) в период с 1840 по 1846 гг. создал десять сборников проиллюстрированных стихотворений из «Хайфу Янагидару». Гакутэй утверждал, что уже первый выпуск

Нельзя, однако, забывать, что примерно в эти же годы другие деятели проводили подобные поэтические турниры, и по итогам этих турниров были собраны, например, такие антологии, как «Сакура но ми» («Плод сакуры», 1767), «Кавадзои Янаги» («Прибрежные ивы», 1780 — 1783) и многие другие. Да и сама идея сборника комической игровой поэзии не была нова — уже в 1750 году появился первый выпуск эдосской антологии «Мутамагава» («Драгоценная река воинов»). Однако именно «Хайфу Янагидару» приобрёл столь широкую известность и стал ориентиром для многих поэтов и критиков. Мечта Горёкэна Арубэси сбылась: собрание «Хайфу Янагидару» положило начало новому жанру и стало неотъемлемой частью японской поэтической традиции.

Благодаря энтузиазму преемников Карай Сэнрю издание сборников «Хайфу Янагидару» продолжилось вплоть до 1839 года, и после небольшого перерыва 1801 — 1804 годов, вероятно, из-за цензурной политики [5, с. 14.], возобновилось с ещё большей интенсивностью. Как нам представляется, перечень изданий по годам, представленный в работе Хамада Гиитиро [4, с. 25], можно также продемонстрировать в виде графика, который будет выглядеть следующим образом:

разошёлся небывалым тиражом в десять тысяч экземпляров. В то время обычным считался тираж в пятьсот экземпляров, а издание сборника тиражом в две тысячи было большим успехом и поводом для гордости [3, 325 с.]. Многие поэты и художники обращались к «Янагидару» и в эпоху Мэйдзи (1868 — 1912): например, в 1878 году знаменитый автор гравюр Утагава Ёситаки (под псевдонимом Сасаки Ёсидзо) составил пять сборников «Кайка но эгао: Син Янагидару» («Улыбка просвещения: Новый Янагидару»).

Благодаря постоянному, хотя к концу XIX в. и несколько отошедшему на второй план, интересу к «Хайфу Янагидару» исследователям *сэнрю* Сакаи Кураки и Иноуэ Кэнкабо в 1904—1905 годах удалось возродить этот жанр и окончательно закрепить за ним статус — уже с позиции Нового времени — японской традиционной комической поэзии. Восприятие *сэнрю* как неотъемлемой части японской комической традиции в XX в. только укрепилось, и известный современный исследователь *сэнрю*

Имагава Рангё считает, что именно *сэнрю* в наибольшей степени представляют комическую поэзию в японской литературе [1, 35 с.]. В этом контексте «Хайфу Янагидару» предстаёт не только важным феноменом городской культурной жизни Эдо, но и важной вехой в развитии японской поэтической традиции.

Литература:

1. Имагава Рангё. Имагава Рангё юмоа сэнрю рон (Исследование юмора в сэнрю: Имагава Рангё). — Тиба: Такэсима сьуппан, 2012. — 172 с.
2. Иноуэ Кэнкабо. Эдодзидай но сэнрю: итимэй сэнрюси (Сэнрю эпохи Эдо: другая история сэнрю). — Токио: Кинсэй нихон бункаси кэнкюкай. Бункёсёин, 1928. — 402 с.
3. Маэда Хадзимэ. Сэнрю Эхон Янагидару (Сэнрю: Янагидару в картинках). — Токио: Хага сётэн, 1969. — 349 с.
4. Хамада Гиитиро. Кёка. Сэнрю. — Токио: Иванами сётэн, 1959. — 56 с.
5. Ueda, M. Light Verse from the Floating World: An Anthology of Premodern Japanese Senryu. — New York: Columbia University Press, 2013. — 228 с.

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

Чайная утварь как художественный объект в традиции «Тяною» («Путь Чайя»)

Кудряшова Анастасия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Искусство «Пути Чайя» (яп. «Тядо», «Тяною») прошло долгий путь развития, вобрав в себя за прошедшие более, чем четыреста пятьдесят лет, многие аспекты японской и китайской культур, особенности религиозного мировоззрения, социального уклада, жизни и быта людей. Изучение всего этого огромного культурного наследия в теории и на практике и составляет процесс постижения «Пути Чайя». Эстетико-художественная составляющая является одним из основных элементов при изучении искусства «Тядо».

В Японии издавна понятие «художественный объект» означало «ценный объект несравнимой красоты, созданный гениальным мастером с целью восхищения». Таким образом, не менее важной была идея восприятия художественного объекта не только самим мастером, но и «воспринимающей стороной» — зрителем, гостем чайной встречи. Не каждому человеку удастся до конца разгадать и постичь истинную красоту, воплощенную в произведении искусства. Так в чайном действе было важно не только уметь правильно подобрать и использовать ту чайную утварь, внешняя и внутренняя красота которой гармонирует с общим настроением и темой чайного собрания. Не менее важно было участникам чайного действия развить в себе умение увидеть и воспринять истинную красоту предмета — внешнюю и сокрытую, внутреннюю (яп. «о-тя но би то кокоро»). Японские патриархи «Пути Чайя» подчеркивали, что вещь не только сама по себе может являться уникальным произведением искусства; не менее важно то, насколько глубокое чувство восхищения и внутренний душевный отклик вызывает она у любующегося ею. Именно такой человек по-настоящему и создаёт произведение искусства, через акт «восприятия», а не только тот, кто дал миру его материальную оболочку.

При взгляде на чайную чашу, шкатулку для благовоний, подставку для крышки котла и бамбуковую ложечку для чая гость чайной церемонии должен был обладать высочайшим эстетическим вкусом и тончайшим чутьем, чтобы отличить истинный высокохудожественный объект от посредственного. Но такие способности развивались

только благодаря многолетней духовной и телесной практике. Красоту предметов чайной церемонии можно оценить, любясь как отдельными предметами чайного набора — чашей, чайницей, сосудом для воды, подставкой для крышки котла, так и гармонией сочетания всех предметов в целом. Умение правильно подобрать утварь в соответствии с её художественными особенностями и созвучно теме чайного собрания многое говорит о мастере чая, а сам набор чайной утвари называется «сочетание подобранного» (яп. 取り合わせ «ториавасэ»).

Цветочная печать — «као»

Следует отметить интересное явление в художественном мире эстетики чайного искусства. Речь идет о наличии или отсутствии у предметов утвари так называемой «цветочной подписи-печати» — «као» (яп. 花押). Данную печать можно встретить на свитках и в письмах, на бамбуковых, деревянных или лакированных изделиях, имеющих высокую художественную ценность. Изредка «као» можно увидеть на шелке, керамике и даже на чугунных котлах для кипячения воды. «Као» или «цветочная печать» представляет собой стилизованную подпись мастера наподобие печати или виньетки, состоящей из одного или нескольких иероглифических знаков или картинок. Чаще всего «као» состояла из одного иероглифа, сильно видоизмененного, в котором лишь угадывались очертания исходного знака; изредка в «као» были искусно вписаны несколько иероглифов. Большой интерес представляли «као» в виде картинок-виньеток, напоминающих по форме животных или птиц. Подпись выполнялась черной тушью или черным лаком, однако нередко можно видеть подпись, выполненную лаком или тушью красного цвета.

Наиболее типичные примеры элементов утвари, на которых можно увидеть «као» — бамбуковые подставки «футаоки» для крышки котла, ширмы «фуросаки-бёбу», огораживающие место очага, веера и свитки, помещаемые в нишу токонома. Изредка «као» можно встретить на внутренней стороне деревянного ларца для чайницы, чаши

Рис. 1. Оттиски печатей «као» Тоётоми Хидэёси, Датэ Масамунэ, Ода Нобунага, Токугава Иэясу, Миёси Масаясу (слева направо по строке, сверху вниз).

или чайной ложечки, а также внутренней поверхности лакированной крышки шкатулки для лёгкого чая «нацумэ», на крышке сосуда для холодной воды «мидзусаси» и даже на шелковых платках «фукуса», которые используются для протирания чайной утвари.

Наличие такой печати на самой вещи или на деревянном ларце, в котором она хранится, служит подтверждением высокого художественного уровня предмета и является чем-то наподобие «гарантийного удостоверения» или «сертификата качества». На утварь, не соответствующую высоким критериям эстетической оценки, подпись-печать не ставилась. Мастер, создавший какой-либо предмет чайной утвари, мог сам поставить печать «као» на свое произведение, удостоверяя тем самым его высокий художественный уровень, но при этом он должен был осознавать всю степень своей личной ответственность

как художника. Практически все чайные патриархи XVI–XXI веков имели свою личную подпись-печать, а многие не ограничивались одной, используя на протяжении своей жизни и творчества различные печати «као». Печати-подписи «као» интересны тем, что их можно было написать от руки или же поставить оттиск, если у мастера был штамп подписи «као».

В Японии существует большое число словарей и справочной литературы, где собраны наиболее известные «као» крупных исторических фигур и деятелей культуры, политики и искусства. Можно найти здесь «цветочные печати» чайных патриархов разных школ и дзэнских наставников начиная с XI века по наши дни. Благодаря подписям-печатям «као» удается достаточно точно датировать тот или иной предмет искусства, зная к какому промежутку творческого пути мастера вещь принадлежит.

Рис. 2. Сосуд для холодной воды «мидзусаси» с деревянной дощечкой, где указана «као» — подпись мастера, создавшего его

Художественный патент — «кономимоно»

В XVII веке в культуре городских ремесленников, связанных с миром чайной церемонии, рождается совершенно новое понятие авторского дизайна. Творчество самых известных дизайнеров раннего периода Эдо (XVII — первая половина XVIII веков) — братьев Огата Корин и Огата Кэндзан, Фурута Орибэ, Номура Нинсэй — становится широко известно. Их работы оцениваются как высочайшие достижения в области живописи, гончарного искусства, художественного дизайна и эстетики в целом.

Культура эпохи Эдо дала рождение и такому явлению в эстетике чайного действия, как «художественный патент» (яп. 好み物 — «кономимоно»). Дословно этот термин оз-

начает «любимая вещь, предпочтение». Главы чайных школ Урасэнкэ, Омотэсэнкэ, Мусьякодзи-сэнкэ заказывали ремесленникам вещи, дизайн которых они разрабатывали сами. Впоследствии эти дизайнерские находки закрепили за собой статус «кономимоно» того или иного чайного патриарха. В список «кономимоно» входили наборы керамической утвари для еды «кайсэки», полки «тана» и столики «дайсу» для подачи чая, вазы для цветов, шкатулки для благовоний «кого» и многое другое. Помимо этого, термин «кономимоно» принято присваивать различным сортам чая, особо полюбившиеся чайным патриархам разных школ. В настоящее время у каждого чайного патриарха есть свой официально признанный список подобного рода «любимых вещей». [6, с. 110] «Кономи-

Рис. 3. Штампы подписей «као», вырезанные из дерева

моно» различных предметов искусства из числа чайной утвари, взятые за образец, дали жизнь многим копиям «уцуси», которые несут на себе печать художественного вкуса, эстетического видения и стиля того или иного чайного мастера. В чайной культуре, ставшей воплощением

эстетики традиционализма, копия с известного оригинала могла цениться даже выше, чем дизайнерская находка. Эти важные принципы, столь необычные для непосвященного наблюдателя, не знакомого с миром чайного ритуала, сохраняются в Японии и по сей день.

Литература:

1. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный. М., 1993. — 464 с.
2. Игнатович, А.Н. Чайное действо. М.: Стилсервис, 2011 — 493 с.
3. Керамика Раку. Вселенная в чайной чаше. Каталог выставки ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: ABCdesign, 2015. — 415 с.
4. Кудряшова, А.В. Династии традиционных японских мастеров «околочайного» социума («Сэнкэ-дзюссёку»). Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения-2006. Востоковедение». М.: Гуманитарий, 2006. с. 32–36.
5. Кудряшова, А.В. Ценность и цена в традиции «Пути Чая» — историческая перспектива. Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения-2013. Востоковедение». М.: ИД «Ключ-С», 2013. с. 228–231.
6. Кудряшова, А.В. Керамика в традиции японской чайной церемонии». Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Образование, Наука, Культура» секция «Декоративное искусство и дизайн», Гжель, 2012. с. 102–110.
7. 茶道美術鑑賞辞典、池田巖監修、京都、淡交社、1991/ Chado bijutsu kansho jiten», Ikeda Gan, Kyoto, Tankosha Publishing, 1991 (Толковый словарь экспертной оценки предметов чайного искусства», ответственный редактор Икэда Ган, Киото, Изд-во Танкося, 1991. — 800 с.

К вопросу об эстетике чайной утвари в традиции «Пути Чая»

Кудряшова Анастасия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В традиционном искусстве «Путь Чая» (яп. 茶道 «Тядо») несомненно, отражается все своеобразие японской культуры как целостной системы, для которой характерна высокая степень синкретизма. Особенности национальной эстетической традиции в полной мере проявляются в художественных мотивах при оформлении чайной утвари. Сама по себе чайная утварь — постоянный источник познания и творческого вдохновения, из которого можно почерпнуть сведения о художественном видении, идеале красоты и гармонии, ассоциативном мышлении японцев.

Чайная утварь «мэйбуцу»

Если заглянуть в далекое прошлое, можно увидеть, что в традиции японской чайной церемонии существовало интересное явление — титулованная чайная утварь. Уже в XIV–XV веках появилось понятие «мэйбуцу» (яп. «именные вещи»). Этим термином называли особо ценную, редкостную чайную утварь, по большей части, привезенную из Китая или Кореи («карамоно» — яп. 唐物 «танские изделия»). Термин «карамоно» возник в эпоху Муромати (XIV–XV века) и до сих пор используется для обозначения старинных китайских произведений

искусства. При этом не все вещи «карамоно» считались достойными звания «мэйбуцу», но некоторые раритеты, обладающие этим титулом, стоили целые состояния и приравнивались к символу обладания властью. [6, с. 229]

Таковыми могли считаться чайные чаши (керамика «тэммоку», «сэйдзи», «идо»), чайные кувшины «тяцубо» для хранения чайного листа, керамические чайницы «тяирэ», кувшины для чистой воды «мидзусаси», курильницы для благовоний — «коро», шкатулки для хранения благовоний «кого», вазы для цветов, свитки и картины китайских мастеров-каллиграфов и художников и многое другое. Для вещей со статусом «мэйбуцу» специально заказывались особые деревянные ларцы для хранения, шились мешочки-оплетки, создавались каталоги и справочники, где приводились подробные описания с зарисовкой всех художественных особенностей внешнего вида каждой вещи. Японские мастера Чая очень высоко ценили вещи «мэйбуцу», пришедшие из Китая. Их копии, созданные в Японии, обладали статусом «официальных копий мэйбуцу» (яп. «мэйбуцу-уцуси») и также считались весьма ценными, однако уступали в цене знаменитым оригиналам.

В XV–XVII веках военные правители Японии проводили специальные кампании по сбору уникальной чайной утвари, часть вещей захватывалась в ходе военных на-

бегов на города и усадьбы местных феодалов, часть доставлялась специально назначенными чиновниками-экспертами из г. Сакай. [2, с. 122] Зачастую военные правители и удельные князья Японии старались перещеголять друг друга количеством вещей со статусом «мэйбуцу». Их выставляли на всеобщее обозрение во время званных приемов, использовали при проведении парадных чайных церемоний. Обладание китайскими раритетами в то время приравнивалось к обладанию властью. Однако в отличие от военных правителей, чайные патриархи видели в этих предметах нечто совсем иное. В мире чайного искусства вещи «мэйбуцу» использовались в чайных церемониях формального стиля «сёин-тя» (так называемые «чаепития в гостиной»). В чаепитиях в стиле «смирненного чая» («ваби-тя») именная утварь «мэйбуцу» использовалась крайне редко. Постепенно к концу XVI века под «знанием» утвари стало пониматься умение мастера выбрать тот или иной предмет с точки зрения пригодности его использования в чайной церемонии в собственном смысле, а не только для использования в формальных «чаепитиях в гостиной». Так автор «Записок Яманоуэ Содзи» [3, с. 12] пишет: «Вещью «мэйбуцу» называют утварь, которую, независимо от того, китайская это вещь или современная, дорогая или низкая (по цене), ставят в нишу-токонома». Таким образом, можно видеть, что постепенно в оценке утвари начинает превалировать функциональный, а не эстетический момент. [2, с. 162]

Уже в эпоху Эдо (1603–1868) сокровища «мэйбуцу» стали разделять на три типа по времени их создания или обнаружения:

- 1) «оо-мэйбуцу» (яп. 大名物 — «великие «мэйбуцу»»),
- 2) «мэйбуцу» (яп. 名物 — «сокровища-мэйбуцу»)
- 3) «тюко-мэйбуцу» (中興名物 — «возрожденные сокровища-мэйбуцу»). [6, с. 230]

«Оо-мэйбуцу» — это те вещи, которые уже в XVI веке, во времена чайного патриарха Сэн-но Рикю (1522–1591) считались достаточно древними и носили титул «раритетных сокровищ». Их создание можно отнести к XII–XV векам. Чайную утварь второго типа («мэйбуцу») датируют временем жизни самого Сэн-но Рикю, то есть XVI веком. В середине XVIII века известный чайный эксперт князь Мацудайра Фумаи (1751–1818) ввел понятие «тюко-мэйбуцу» — дословно «возрожденные именные (редкостные) вещи». Этим термином обозначалась утварь, которую оценивал и использовал в своей чайной деятельности Кобори Энсю (1579–1647), знаменитый японский архитектор, художник-керамист, чайный эксперт и специалист в области чайного этикета, систематизировавший знания об эстетике «Пути Чая» в эпоху Токугава. В разряд «тюко-мэйбуцу» включалась уже не китайская, а японская утварь, изготовленная на гончарных производствах Сэто, Такатори, Бидзэн и в других провинциях страны. Среди произведений «тюко-мэйбуцу» можно было видеть даже столь нехарактерные для именных раритетов «оо-мэйбуцу» чайницы и вазы в стиле Орибэ-яки, Ига-яки и Мимуро-яки.

В настоящее время практически все чайные вещи «мэйбуцу» находятся в частных и государственных коллекциях и музеях, а также в собраниях чайных патриархов разных школ. [6, с. 231] Их эстетическая ценность непреходяща и с течением времени только возрастает. И поныне они считаются бесценными образцами японской эстетики и тонкого художественного вкуса.

Сезонные мотивы

В традиции «Пути Чая» существует целый ряд художественных образов, маркирующих только определенные временные рамки — Новый год, сезон цветения сливы, Праздник девочек, сезон любования сакурой, Праздник мальчиков, сезон летних дождей «цую», сезон любования осенними кленовыми листьями. В традиции чайного этикета чрезвычайно значимы специальные «сезонные слова», которые характерны только для определенного сезона или времени года. Они служат своего рода «ключом» к раскрытию образа природы в тот или иной промежуток времени. Эти мотивы используются при художественном оформлении чайных чаш, лаковых или керамических шкатулок для благовоний «кого», подставок для крышки котла «футаоки». Особенно часто сезонные образы можно видеть на лакированных чайницах «нацумэ», керамических сосудах для холодной воды «мидзусаси», чайных чашах. В зависимости от художника картина природы могла быть выписана тонко и подробно, или, наоборот, дана двумя-тремя легкими штрихами, дающими простор фантазии. Это мог быть цветок — символ сезона; животное или птица. Это мог быть орнамент, типичный для какого-либо храма или местности, как, например, орнамент из цветов хризантемы и павлонии, именуемый «Кодайдзи-макиэ» по названию храма Кодайдзи в Киото. Это мог быть атрибут или символ праздника, как, например, шлем воина на День мальчиков «танго-носэку».

Какие же образы природы и сезонов наиболее характерны в качестве художественных мотивов для этих предметов? Перечислим некоторые из них.

Январь — атрибуты Нового Года: священная гора счастья Хорай, восход солнца, журавль и черепаха, дракон, три «дерева счастья»: сосна, слива, бамбук; гора Фудзи.

Февраль — атрибуты Праздника Сэцубун: день встречи весны и изгнания злых духов, бобы, маска злого духа, цветы сурепки, первые цветы сливы, соловей, маска Отафуку — круглолицей смеющейся женщины, по преданию символ плодородия и счастья.

Март — атрибуты Праздника девочек: куклы, сладости, фонарики, ракушки и игра в ракушки «кай-авасэ», цветы персика.

Апрель — цветение сакуры, облака, потоки воды, молодая зелёная листва, изумрудный мох, ростки папоротника.

Май — атрибуты Праздника мальчиков: карп, водопад, шлем воина, колодец, лук и стрелы, ирисы, пионы,

желтые цветы «ямабуки», зелёные листья клёнов, молодые побеги бамбука.

Июнь — цветы гортензии, струи дождя, ручьи, форель, светлячки, кукушка.

Июль — атрибуты Праздника звёзд Танабата: листья бамбука, звёзды, Млечный Путь, цветы гвоздики, цикады, веера, ручные барабаны и флейты, колесницы праздника Гион в Киото.

Август — атрибуты Праздника О-Бон — дней поминовения душ усопших: цветы лилии, орхидей, баклажаны, тыквы, веера, фонарики, костры «даймондзи» на склонах гор вокруг Киото.

Сентябрь — атрибуты Праздника любования луной: метёлки мисканта, полная луна, белые рисовые лепёшки «моти», зайцы, стрекозы, хризантемы, лотосы, ветви кустарника хаги.

Октябрь — празднование сезона урожая, начало осени, яркие осенние листья, грибы, орехи, «семь трав осени», мелкий осенний дождь.

Ноябрь — горы, красные осенние клёны, хурма, белые хризантемы, первый снег.

Декабрь — снег, засохшие ветви деревьев, прощание со старым годом, колокол в последнюю ночь года, цветы камелии. [8, с. 138–139]

Поэтическое имя — «гомэй»

Еще одним значимым признаком особо ценного объекта стал факт наличия у предмета чайной утвари «поэтического имени» (яп. 御銘 — «гомэй»). Практика даровать вещи «поэтическое имя» зародилась в Китае и позднее была перенята в Японии. В период Хэйан (794–1185) имена присваивались таким объектам искусства, как лютни, флейты, цитры, воинские доспехи, мечи. «Поэтические имена» могли даваться даже морским судам и лошадям особо ценных пород, уже изначально имеющим имена «от рождения». [6, с. 229]

В Японии в XIII–XVII веках сложилась практика утверждения для утвари «поэтических имен» высшими иерархами из экспертного совета сёгуната «добосю», мастерами мира искусства — известными художниками, каллиграфами; позднее дзэнскими наставниками и чайными патриархами. Сам чайный патриарх XVI века Сэн-но Рикю, равно как и его предшественники, а затем и ученики, практиковал присвоение специальных «поэтических имен» произведениям искусства из мира Чаю. Таким образом, к XVI веку под понятием «мэйбуцу» могли скрываться вещи, являющиеся объектами высокого искусства, которыми любовались люди прошлого (то есть, вещи, имеющие историю). И в то же время это могли быть сравнительно новые, не имеющие долгой и славной истории предметы чайной утвари, которым было даровано «поэтическое имя» чайными экспертами или дзэнскими наставниками высшего ранга.

Среди «поэтических имен», можно назвать классические, ставшие каноническими, выражения или

слова, которые представляют собой цитаты из китайских или японских дзэнских сочинений, алогичные вопросы-загадки «коан», сезонные образы и мотивы. Среди наиболее часто цитируемых классических китайских трактатов — «Лао-цзы. Дао дэ цзин», «Лунъюй», «Мэнцзы», «Чжуанцзы». Часто встречаются фразы или образы из дзэнских сборников «Хэкиганроку» («Записки у Бирюзовой скалы»), «Мумонкан» («Застава без ворот»), цитаты из буддийских сутр Махаяны: «Сутра Лотоса», «Алмазная сутра», «Сутра Сердца». Не менее часто можно видеть цитаты речений известных патриархов и наставников: «Риндзайроку» («Записки Линьцзи»), «Сёбогэндзо» (сочинение Догэна «Драгоценная зеница истинной дхармы»), «Дзэнринкусю» («Лес дзэнских речений»).

Однако наряду с серьёзными «философскими» образами из китайской и японской дзэнской классики, в качестве «поэтических имен» могли использоваться цитаты из древней и современной японской поэзии, сезонные слова и выражения, бытовавшие в обществе в то время. Известны «поэтические имена», взятые как цитаты из «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари» и других произведений японской литературы. «Поэтические имена» могли представлять собой топонимы и географические названия, так или иначе связанные с историей вещи, а также имена бывших владельцев. Имена многих вещей могли определяться формой, рисунком или узором; они могли быть даны по цветовой ассоциации. Встречаются даже шуточные «поэтические имена», как например, известная чайная чаша «Гантори» («Добывшая гуся»), подаренная Сэн-но Рикю своему ученику чайному мастеру Сибаяма Кэммоцу. В ответ Рикю получил в подарок гуся, после чего сложил комическое пятистишие («кёка»).

<i>Омоики я</i>	Я мог ли думать,
<i>Оотака ери мо</i>	Что она проворней,
<i>уз нарэ я</i>	Чем крупный сокол,
<i>яки тяван-мэ га</i>	И что эта глиняная чашка
<i>ган торан то ва</i>	Мне гуся принесет. [9, с. 155]

По традиции «поэтические имена» чаще всего присваивали вырезанным из бамбука чайным ложечкам «тясяку», керамическим чайницам «тяирэ», чайным чашам «тяван», кувшинам для чайного листа «тяцубо». Лакированные изделия обычно не обладали «поэтическим именем», так как орнамент или иные художественные мотивы напрямую указывали на связь предмета с основной семантической составляющей (сезонный образ, поздравительный мотив, цитата из произведения). Поэтому «поэтические имена» для чайниц «нацумэ» или шкатулок для хранения благовоний «кого» практически отсутствуют. Керамические же чаши и вырезанные из бамбука ложечки не имели столь явного выражения семантики наименования, поэтому наличие «поэтического имени» помогало раскрыть внутренний образ предмета, воплотить в слово художественный облик и ощущения, рождающиеся в процессе его созерцания.

Литература:

1. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный. М., 1993. — 464 с.
2. Игнатович, А.Н. Чайное действо. М.: Стилсервис, 2011 — 493 с.
3. Кадзуэ, К. «Яманоуэ Содзи ки» («Записки Яманоуэ Содзи»). — Тядо сюкин (Сборник материалов о Пути Чая). Т. 3, Токио, 1983. — 189 с.
4. Керамика Раку. Вселенная в чайной чаше. Каталог выставки ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ABCdesign, 2015. — 415 с.
5. Кудряшова, А.В. Династии традиционных японских мастеров «околочайного» социума («Сэнкэ-дзюссёку»). Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения-2006. Востоковедение». М.: Гуманитарий, 2006. с. 32–36.
6. Кудряшова, А.В. Ценность и цена в традиции «Пути Чая» — историческая перспектива. Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения-2013. Востоковедение». М.: ИД «Ключ-С», 2013. с. 228–231.
7. Кудряшова, А.В. Керамика в традиции японской чайной церемонии». Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Образование, Наука, Культура» секция «Декоративное искусство и дизайн», Гжель, 2012. с. 102–110.
8. Кудряшова, А.В. Язык и система образов японских чайных свитков «итигё-моно» // Япония. Слово и образ. М.: ИД «Ключ-С», 2010, с. 195.
9. Мазурик, В.П. Чайная чашка и ее функции в японском чайном действе (тяною) // Вещь в японской культуре. М.: Восточная литература, 2003. с. 137–168.
10. 茶道美術鑑賞辞典、池田巖監修、京都、淡交社、1991/ Chado bijutsu kansho jiten», Ikeda Gan, Kyoto, Tankosha Publishing, 1991 (Толковый словарь экспертной оценки предметов чайного искусства», ответственный редактор Икэда Ган, Киото, Изд-во Танкося, 1991. — 800 с.

О воспитании «японского» духа в колониальной Корее (вторая половина 30-х — начало 40-х гг. XXв.)

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Тема колониальной истории Японии и Кореи продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Одним из важных источников изучения данного периода можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Эти материалы, изданные в Сеуле на японском языке в 20-х — 30-х — начале 40-х гг., раскрывают как положение в Японии и Корее в довоенный период, так и методы управления и контроля властей. Отраженные в служебных изданиях методы политико-идеологической обработки корейского населения японской администрацией, воспитания «японского» духа представляет для исследователей самостоятельный интерес.

При рассмотрении этих вопросов архивы тайной полиции, другие издания генерал-губернаторства правомерно рассматривать как ценные первоисточники. Они раскрывают многообразие мер, направленных на поддержание «общественного спокойствия», их продуманность, изощренность, маневренность. Учитывалась меняющаяся ситуация в стране, в зоне корейского освободительного движения, общая ситуация в мире.

Так, после народного движения 1919 г. японские власти были вынуждены пойти на реформы. Уже они показали маневренность и гибкость японской колониальной политики. Хотя это время реформации было названо периодом «культурного управления», японские источники свидетельствуют, что аппарат подавления в конце 10-х и 20-х гг. еще более был укреплен и в полной мере продолжал функционировать. Японские издания позволяют проследить методы управления и контроля колониальной администрации и в первой половине 30-х гг., которые, как и ранее, были гибкими, учитывая меняющуюся ситуацию, многоплановыми.

Меры управления и контроля, предпринимаемые колониальной администрацией во 2-ой половине 30-х гг., достаточно полно отражены в служебных изданиях японского генерал-губернаторства. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Усиление милитаризации Японии, захват ею Маньчжурии, подготовка к большой войне, превращение Кореи в военно-стратегический плацдарм для продвижения на материк привели к необходимости введения дополнительных мер по «успокоению»

тыла. Ограничиваться репрессиями становилось все труднее, и изыскивались новые пути поддержания «общественного порядка».

Материалы японского генерал-губернаторства показывают, во 2-ой половине 30-х гг. методы управления и контроля японской администрации стали приобретать новые черты. Колониальная администрация разработала целую систему идеологического воздействия на народные массы, воспитания «японского» духа. Японское издание «30 лет управления Кореей» пишет, к примеру, что «основа политики управления Кореей заключается в том, чтобы корейский народ проникся идеей государственного строя нашей Империи, чтобы он твёрдо осознавал, что он является подданным нашего императора и через полное слияние Японии и Кореи прославил «путь императора» [5, с. 827]. В июле 1937 г. началась война в Китае, и Япония, как указано в этом издании, «стремительно пошла по пути строительства нового порядка в Восточной Азии» [5, с. 827]. Для этого необходимо было мобилизовать все духовные и материальные силы государства.

Положение Кореи как «передовой базы», как части японской империи на материке приобрело еще большую важность. Необходимо, как указывалось в японских изданиях, чтобы «23 млн. чел. соотечественников на материке оказали полное содействие осуществлению континентальной политики. Для быстрейшего превращения корейцев в подданных императора и слияния с Японией самым лучшим является усиление «Движения за мобилизацию национального духа» («Кокумин сэйсин со: до: ин ундо:») [5, с. 827; 2, с. 272]. Задачами движения издание генерал-губернаторства «Положение в Корее» («Тё: сэн дзидзё:») называет единение цели, воспитание стойкости и выносливости, а также воспитание подлинного патриотизма.

Колониальная администрация хотела придать «Движению за мобилизацию национального духа» форму народных организаций. Служебные японские издания приводят их структуру: во главе — как центральная организация — стоял Корейский союз; затем шли провинциальные союзы и являющиеся их составной частью патриотические группы; далее шли производственные союзы.

Издания генерал-губернаторства неоднократно указывают, что с началом китайских событий велась активная работа по подъёму «японского духа», осознания происходящих событий и мобилизации «народного духа». Как пишут авторы книги «30 лет управления Кореей», для усиления единства тыла и контроля над народным движением нужно было создать эффективную «народную» организацию под руководством правительства. Так, в июле 1938 г. был создан «Кокумин сэйсин со: до: ин тё: сэн рэмэй» («Союз всеобщей мобилизации национального духа»). (В 1940 г. эта организация была переименована в «Кокумин со: рёку рэмэй» («Союз общенациональных сил»). Кроме того, были созданы производственные союзы при муниципальных учреждениях, школах, банках, компаниях и т. п. Самой активной и эффективной минимальной единицей

были «айкокухан» — «патриотические группы», объединяющие 10 дворов или 30 человек (создавались и производственные патриотические группы). На июнь 1939 г. количество «патриотических групп» по данным японских изданий генерал-губернаторства достигало 350 тыс., а членов — 4 млн. 600 тыс. чел. В 1940 г. число этих групп и их членов возросло до 438 тыс. и 7 млн. 80 тыс. чел. соответственно [3, с. 121; 2]. Нужно иметь в виду, что в этих цифрах учтены только главы семей, что значит, что практически все население входило в патриотические группы. Они были призваны воспитывать в массах верноподданнические чувства к Японии, обеспечивать поддержку её политики, всех мероприятий военного времени. Базировалась деятельность групп на принципе круговой поруки.

Авторы изданий генерал-губернаторства пишут, что основой 5 принципов политики генерал-губернатора Минами были люди: необходимо воспитать, поднять дух народа, объединить его, направить на выполнение поставленных задач, поднять его готовность преодолевать трудности. Для этого нужно было провести реформу образования, смысл которой заключается в том, чтобы проводить в жизнь «кокутай мэйтё:» («разъяснение государственного строя»), вести пропаганду идеи единства Кореи и Японии, тренировать перенесение трудностей. Считалось, что существование этих принципов выражено в присяге императору, установленной в октябре 1937 г., а также в принятом тогда же курсе на проведение физической подготовки подданных императора. Все это было нацелено на то, чтобы уничтожить все национальные различия и обычаи, слить воедино японцев и корейцев и направить их на священное дело — «строительство нового порядка в Восточной Азии». Причем подчеркивалось, что изучение её не ограничивается только школьным обучением, а является основой, определяющей все стороны повседневной жизни народа. Чтение присяги было отнесено к общественному воспитанию. Необходимо было при всех удобных случаях зачитывать присягу, а именно в школах, правительственных учреждениях, банках, заводах, магазинах и пр., а также распространять ее через газеты, радио, кино:

Присяга подданных императора.

1-ый вариант.

«Мы являемся подданными императора.

Мы, объединив сердца, посвящаем себя служению императора!

Мы, закаляясь в трудностях, станем прекрасным, сильным народом!»

2-ой вариант.

«Мы, подданные Империи, верою служим монарху.

Мы, подданные императора, взаимной любовью и сотрудничеством, укрепим единение!

Мы, подданные императора, воспитаем выносливость в трудностях и прославим путь императора!» [5, с. 815].

Одной из мер, направленных на воспитание «японского духа», можно считать и введение патриотического дня. Корейцев призывали терпеть трудности войны, распространять «путь императора», показать всему миру

мощь империи. Кроме того, была введена система добровольчества для корейцев (Мужчины — подданные императора в возрасте от 17 лет, желающие поступить на военную службу, могли быть зачислены на действительную службу или в резерв 1-ой очереди) [5, с. 807; 4, с. 250]. Было разработано и положение о создании «кунрэнсё» — школ («военных площадок») для обучения и тренировки добровольцев. «Кунрэнсё» находились в ведении генерал-губернаторства, в них добровольцы получали соответствующую физическую закалку и другие виды обучения. Количество проходящих тренировку в «кунрэнсё» к концу 30-х годов возросло: от 400 чел. (1938 г.) и 600 чел. (1939 г.) увеличилось до 3000 чел. (1940 г.)

Важными для общественного воспитания считались и библиотеки. Их стали открывать на государственные деньги с 1923 г., их число к 1937 г. возросло до 28.

Целью создаваемых во второй половине 30-х гг. «трудопатриотических отрядов» было, как написано в японских изданиях, укрепление обороны страны, воспитание духа самопожертвования, привитие любви к труду, закалка в трудностях и объединение корейцев и японцев, хотя основной их задачей, конечно, были разработка целины, посадка леса, починка дорог и пр.

В рассматриваемый период большое внимание уделялось и физической подготовке подданных императора. Издание генерал-губернаторства «30 лет управления в Корее» так объясняет широкое внедрение физической подготовки подданных императора: «Веря в то, что основой древнего японского духа является бусидо, воспитанное военным искусством, и, следуя этому духу, все, кто умеет обращаться с мечом и кто не умеет, должны повседневно заниматься военным искусством, закалять свое сердце и тело и тем самым воспитать в себе мораль верных подданных императора» [5, с. 817]. Для координации всех этих мероприятий по политико-идеологической обработке корейского населения в каждой провинции была создана «Кё: кадантай рэнго: кай» («Ассоциация просветительских организаций»), которая финансировалась полностью из государственных средств.

В этот период власти еще больше уделяли внимание воспитанию молодежи, студентов, учитывая их высокую активность в борьбе за освобождение, в антивоенных, антиимпериалистических и демократических организациях. Значительную роль в этом сыграла молодёжная организация полувоенного типа «Сэйэндан» («Молодёжный корпус»). К концу 30-х гг. практически все школьники считались членами молодёжных групп, входящих в эту организацию. (В 1940 г. этих организаций насчитывалось около 4 тыс., а членов их — около 170 тыс.) В 1939 г. была организована «Тё: сэн рэнго: сэйэндан» — «Корей-

ская лига молодёжных организаций». С 1929 г. существовали и молодёжные школы «Сэйэн кунрэнсё» («Молодёжные площадки»); на январь 1940 г. их насчитывалось 140 (126 общественных и 14 частных организаций), а к концу года — уже 785 [5, с. 827]. На них была возложена задача стать одним из звеньев в «великом деле строительства Восточной Азии».

С 1938 г. для работы в деревне создавались такие организации, как «Союз деревни по мобилизации национального духа» («Кокуминсэйсин со: до: ин бураку») и «Общество возрождения деревни» («Но: сон фукко: кай»). Учитывая особое положение Кореи, в отношении юношей и девушек, которые должны занять руководящее положение, проводилась особая политика, для того, чтобы прочно внедрить в их сознание идеи государства, качества подданных империи и поручить им руководство во всех общественных просветительских мероприятиях.

В рассматриваемый период создавались и другие японские общества и организации. Так, в 1937 г. появилась «Лига патриотических идей», задачей которой было содействие властям в борьбе с «идеологическими преступлениями», с антивоенными настроениями и акциями, а также пропаганда идей сотрудничества корейского и японского народов. Другой пример — основанное в том же году «Общество прогресса Корея», широко пропагандировавшее идею единства Кореи и Японии и девиз «Все углы мира под одной крышей».

Важно отметить, что в рассматриваемый период в деятельности разного рода объединений, союзов, групп, насждавшихся колониальной администрацией, а также в деятельности полицейских органов стала заметнее проявляться осторожность, особенно в сферах, связанных с национальными традициями, укладом жизни, а также учёт национальных чувств, уязвленного самолюбия народа и национального характера. Разжигая шовинистический угар, власти подчёркнуто изображали уважительное отношение к корейцам как к «собратьям». Внедрялась концепция единства, содружества метрополии и колонии, пропагандировалась идея «Япония и Корея — одна семья» [4, с. 21–22]. Всячески подчеркивалась мысль, что Корея — передовая база на материке, что почётна и ответственна сама миссия корейцев укрепить её.

Целью этой политики было поднятие патриотизма, воспитания «японского» духа, внедрение в общественное сознание идей величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе и т. п. Усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде.

Литература:

1. История Кореи. — М.: «Наука», 1974.
2. Личный архив Шабшиной Ф. И.
3. Ко: то: кэйсацу ё: годзитэн (Словарь тайной полиции). — Сеул, 1935.

4. Сайкин-ни окэру тё: сэндиан дзё: кё: (Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время). — Сеул, 1939.
5. Сисэй сандзюэнси (30 лет управления Кореей). Сеул, 1940.
6. Тё: сэн дзидзё: (Обстановка в Корее). — Сеул, 1941.
7. Тё: сэн кэйсацу (Корейская полиция) — Сеул, 1938.

Дорожное сообщение и способы путешествий в древней Японии

Садокова Александра Евгеньевна, магистрант

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Истории и культуре Японии VIII–X вв. занимают особое место. Это было время формирования японского раннефеодального государства, укрепления центральной власти, а затем и время расцвета высокой аристократической культуры. Для реализации государственных целей в VII–VIII вв. правительство провело ряд важных политических, экономических и социальных мероприятий. При этом особое значение тогдашнее правительство придавало формированию системы дорожного сообщения и передвижения по стране. Это чрезвычайно важный аспект развития не только японской государственности и экономики, но и культур и литературы. Более того, изучение сложившейся в те времена самой системы путешествий и передвижений помогает интерпретировать классические поэтические тексты, дает ключ к разгадке многих художественных и поэтических образов, созданных в японской поэзии древности и раннего средневековья.

С давних пор в Японии задача обеспечения продвижения по столь «вытянутой» и гористой территории имела стратегическое значение и решалась на государственном уровне, при этом долгое время вопрос удобства для путешествия не рассматривался. Однако развитие дорог и первые попытки создания инфраструктуры привели к возможности больше передвигаться по стране с разными целями и по разным случаям. А это, в свою очередь, привело к созданию целого комплекса «литературы о путешествии», начало формирования которой относится к VIII в.

При этом надо учитывать, что современное понимание «путешествия» не имеет ничего общего с путешествиями по древней Японии. Не было возможности не только быстро и комфортно передвигаться, но и права на это передвижения были строго регламентированы. Путешествия совершались в основном по необходимости и по делу, а не ради созерцания красот. Конечно, как показывает анализ японских литературных памятников древности и раннего средневековья, даже отправляясь в такое регламентированное путешествие, люди чувствовали определенную свободу, радовались перемене мест, получали возможность посмотреть другие края и, восхищаясь их красотой, воспевали их. Поэтому, говоря о путешествии в период Нара, надо четко понимать, что это не путешествие ради

путешествия. Это своего рода «рождение» образа путешественника-созерцателя в человеке (например, в чиновнике), который зачастую *вынужден* отправиться в путь (когда-то приятный, а когда-то — и нет). Именно одухотворенными глазами этих людей, среди которых были и профессиональные поэты, потомки видят и чувствуют радость или тяготы пути, ощущают красоту Японии в разные времена года.

Если обратиться к первым законодательным актам Японии, то сразу становится ясно, что дорогам и всему, что было связано с путешествием, действительно уделялось большое внимание. Источниками для сведений подобного рода могут служить законодательные акты древней Японии, в которых детально был прописан весь регламент жизни древнего японского общества. Конечно, напрямую о путешествиях там не говорилось, но подробно рассматривались такие понятия как «заставы», «переправы», а также правила пользования лошадьми и принципы создания почтовых станций. Все это вместе дает ясную картину того, как в период Нара японцы путешествовали по своей стране.

Если исходить из сведений, помещенных в «Тайхорё» — Свод законов гражданского права, который вступил в силу в 702 г. [4], а также в его дополнение, составленное в 718 г. под названием «Ёроциурё», то внимание его составителей привлекали такие положения, как состояние дорог, строительство мостов. Но особое внимание уделялось деятельности почтовых станций, которая была расписана максимально подробно.

Дорогам и их содержанию придавалось большое значение. Известно, что дорожное строительство началось в Японии в VII в. во времена правления императрицы Суйко. В мифологическом памятнике «Нихон сёки» («Нихонги») сохранилось упоминание о высочайшем указе, произнесенном сразу после новогодней церемонии: «Впервые построить столицу. В провинциях учредить управителей провинций, управителей уездов, заставы, дозорные посты, пограничную стражу, конюшенные дворы и станции с лошадьми, изготовить колокольчики, привести в порядок горы и реки» [2, с. 148]. Именно тогда, вероятно, и началось строительство нескольких прямых и более-менее благоустроенных дорог.

Уже к VIII в. таких дорог стало семь, и они приняли статус «государственных». Это дороги Токайдо, Тосандо, Хокурукудо, Сангиндо, Сангёдо, Нанкайдо, Сайкайдо. Они соединяли столицу — город Нара со всеми основными провинциями страны, как на острове Хонсю, так и на двух других островах — Сикоку и Кюсю. То есть в той части Японии, которая была наиболее обжита в те времена. Все эти дороги сыграли важную роль в культуре Японии, однако только одна из них — дорога Токайдо, пролегающая тогда вдоль побережья Тихого океана до провинции Муцу, имела важное стратегическое значение и много веков спустя. Более того, эта дорога оказала колоссальное влияние на развитие японской культуры вообще, на всю систему путешествий в Японии, а также и на японскую литературу, поскольку стала со временем неизменным местом действия известных ее произведений.

Хорошее содержание дорог считалось необходимым условием. Ведь дороги обеспечивали связь столицы с провинциями, по ним ехали к местам службы чиновники, по ним везли налоги. Дороги были необходимым звеном в системе управления и военного обеспечения. Именно поэтому в древних правовых сводах так подробно рассматривались случаи непредвиденных природных катаклизмов на дороге, например, обвала или размыва. Тогда следовало немедленно найти и мобилизовать работников. Если же сил и средств не хватало, предписывалось немедленно обращаться к более высоким начальникам. То есть дорога должна была максимально быстро быть приведена в надлежащий вид, а передвижение не должно было прерываться надолго.

Дороги считались делом государственным, как и переправы, встречающиеся на пути путешественников. На государственных, а значит, на оживленных дорогах, где невозможно было построить мосты, устраивали переправы — морские и речные. Людей сажали в лодки в порядке очередности. При этом такие переправы, а, главное, порядок на них, находился под наблюдением провинциальных и уездных управлений, которые выделяли от 2 до 10 перевозчиков — по два человека на лодку. Перевозчики также работали в порядке очередности, и эта работа считалась их местной трудовой повинностью [1, с. 114].

Однако кроме естественных преград на пути путешественников, по каким бы важным делам они не отправлялись, возникали и иные, рукотворные преграды. Речь идет о заставах, которые в древней Японии выполняли функции пропускных пунктов.

Интересно, что заставы были открыты для прохождения весь световой день, но на ночь закрывались. При этом пропускная способность их была высока, а проезжающим рекомендовали не мешкать и не задерживаться напрасно, что свидетельствует о достаточно активном постоянном движении внутри страны. И это несмотря на то, что требования к прохождению заставы были серьезными. Чтобы миновать заставу, надо было оформить пропуск. Мастеровых, идущих на казенные работы, носильщиков, переносящих собранные налоги и подати, пропускали по

общим спискам, копии которых хранились на заставе. Те, кто следовал по казенной надобности на почтовых или перекладных лошадях предъявляли служебные пропуска, а также курьерские колокольчики и постовые бирки, что упрощало регистрацию таких проезжающих. Регламентирован был проход через заставы всех категорий населения [4, закон 28, ст. 1—10].

При этом прохождение заставы было обременительным, но не единственным препятствием. Главное было получить пропуск. Именно поэтому все передвижения чиновников по стране были четко определены. Санкцию на каждую поездку давал сам государь, а в его отсутствие — наместник. Но и количество этих разрешений тоже было строго регламентировано. В качестве разрешений выступали колокольчики и почтовые бирки. Именно по ним на почтовых станциях определяли ранг проезжающего, в связи с чем ему выдавали лошадей.

Надо сказать, что при всей строгости и продуманности правил передвижения, очевидно, что бытовые условия были очень скромными. Конечно, никаких гостиниц или постоянных дворов не было, но зато уже к этому времени была создана система почтовых станций — *умая* (驛家), располагаемых на расстоянии примерно 30 ри (около 120 км — А. С.) друг от друга. Расстояние между станциями во многом зависело от особенностей рельефа местности, и потому варьировалось. При этом существовали и водные почтовые станции — *суйэки* (水驛), на которых держали лодки. Характеризуя эти станции, К.А. Попов так пишет о них: «Экидэн — почтовые станции — находились на правительственных дорогах (трактах), ведущих из столицы в провинции и обратно. На них содержались лошади (или лодки на переправах) для обслуживания лиц. Проезжающих по служебным делам [4, с. 197].

Следует также отметить, что особый отбор проходили начальники станций; они отвечали за лошадей и упряжь. Начальников станций — *экидэ* (駅長) — выбирали из числа самых ответственных и зажиточных людей. Чаще всего это была семейная работа. В ведении станции было от пяти до двадцати лошадей, которые содержались за счет находящихся рядом крестьянских дворов. При нехватке почтовых лошадей разрешалось их покупать у местного населения за казенный рис.

Правом на первоочередное обслуживание пользовались императорские посланцы. Их снабжали лошадьми, которых меняли через одну или три станции, если дорога была ровная. Была выработана целая система обслуживания лошадьми на почтовых станциях, предусматривались случаи усталости и гибели животных, системы их осмотра и выбраковки.

Чтобы избежать скопления на одной станции множества народа, существовали предписания о скорости езды. Следующие по делам чиновники должны быть в день проезжать 10 почтовых станций, если дело было срочным. В случае не очень срочного дела разрешалось проезжать 8 станций. А на обратном пути чиновники могли ехать медленнее и проезжать за день 6 станций. Если казенный

курьер заболел в пути, функции курьера брал на себя начальник станции, который доставлял депеши до следующей станции [4, закон 21, ст. 42–47].

Однако еще не наступило время, когда простой комфорт и отдых проезжающих был бы также тщательно продуман. Известно, что в доме начальника станции, то есть на «станционном дворе» — *экико* мог остановиться только государственный служащий. «Даже гонцам, выполняющим частные поручения, — отмечает в своей статье А. С. Оськина, — было сложно получить ночлег в доме смотрителя» [3, с. 93].

Согласно закону «Ёроицурё», который реально вступил в силу в 757 г., право останавливаться на «станционном дворе» давалось только чиновникам выше 5-го ранга. Людям же, путешествующим по частным делам и желающим остановиться на станции, такое право в принципе давалось, а также позволялось останавливаться на ночлег служащим самых низких рангов, но только при одном условии — если поблизости не было других дворов или же невозможно было найти другого места для ночлега.

Однако даже в ситуации, когда человек получал ночлег, он не мог рассчитывать на пропитание. Об этом он должен был заботиться сам. Ссылаясь на японского исследователя Исида Ёсисада, А. С. Оськина отмечает, что такая система касалась даже гонцов. О простых людях речь даже не шла, «поэтому для простых крестьян дальние путеше-

ствия были весьма затруднительны и практически невозможны вплоть до эпохи Камакура (XII в. — А. С.). Иногда простые жители были вынуждены совершать путешествия по 4–5 дней, в таких случаях им приходилось брать всю еду и спальные принадлежности с собой» [3, с. 99].

Однако, несмотря на явные тяготы пути, японцев с древних пор тянуло в путешествия. Конечно, это были в основном поездки чиновников по своим служебным делам или в составе императорской свиты. Но даже в этих поездках чувствовалась страсть японцев к дороге, к познанию нового и неведомого. Вероятно, именно поэтому уже в литературе древней Японии начинает зарождаться и складываться явление, которое потом пройдет через историю всей японской литературы — «литература путешествий». У нее будут разные формы — от дневников до романа, но начало будет положено в литературе эпохи Нара. Отправляясь в описанные выше непростые путешествия, японские чиновники разных рангов слагали в пути свои замечательные стихотворения, описывая как быт дороги, так и красоту проезжаемых мест.

Позднее, уже в эпоху Хэйан (IX–XII вв.), тема путешествий постепенно перейдет к прозаическим произведениям, а именно, к дневниковой литературе, часть из которой может рассматриваться как «дневники путешествий», однако верность поэтическому творчеству в освещении этой темы будет сохраняться, хотя уже и не столь ярко и не в столь многочисленных произведениях.

Литература:

1. Воробьев, М. В. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. — М.: Наука, 1990.
2. Нихон сёки — Анналы Японии: В 2-х т. / Пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1997.
3. Оськина, А. С. Путешествие по восточным землям (на материале письменных источников эпохи Нара и Хэйан) // История и культура традиционной Японии / Науч. ред.: И. Смирнов, А. Н. Мещеряков. Вып. XLIX. М.: Гиперион, 2012. с. 90–107.
4. Свод законов Тайхорё. 702–718. В 2-х книгах. / Вст. статья, пер. и коммент. К. А. Попова. — М.: Наука, 1985.

РАЗДЕЛ 4. ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Вопросы улучшения работы памяти в процессе обучения японскому языку

Грунина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Институт стран Востока (г. Москва)

Память играет важнейшую роль в учебном процессе вообще и в изучении иностранных языков в частности. При изучении же японского языка значение работы памяти еще более возрастает, в связи с особенностями языка. Достаточно упомянуть количественные подсчеты лексики, произведенные еще А. А. Пашковским со ссылкой на японских исследователей: 15 тыс. слов необходимо знать для понимания 93 % стандартного японского текста и 22 тыс. слов — для понимания 96 % текста, и это при том, что для понимания 93 % английского и 96 % французского текста достаточно знать 5 тыс. слов. Если же к этим цифрам добавить множественность чтений иероглифов в японском языке, то становится ясно, что значение памяти для овладения японским языком, особенно при постоянно сокращаемых сроках обучения, трудно переоценить.

Часто приходится слышать как от преподавателей, так и от самих обучаемых, что именно плохая память мешает достичь сколько-нибудь значимых результатов, несмотря на старание. А между тем, по мнению многих специалистов-психологов, плохой памяти у людей не бывает, бывает лишь плохо тренированная. А это значит, что скорость запоминания и воспроизведения информации, т. е. собственно память, может подвергаться корректировке, в том числе и у взрослых.

В зависимости от преобладающего в процессе функционирования памяти анализатора различают зрительную, слуховую, осязательную и другие виды памяти. Принято считать, что у 80 человек из 100 преобладает зрительная память, то есть, большинство людей чаще пользуются зрительным анализатором (визуалы). Такой человек лучше запоминает зрительные объекты. Однако следует иметь в виду, что помимо визуалов существуют аудиалы и кинестетики, запоминающие: первые — звуковые, а вторые — осязательные образы. Аудиалу для лучшего запоминания необходимо проговорить информацию, а кинестетику — записать ее лично. Таким образом, широко распространенный способ запоминания иероглифов и других

лексических единиц с помощью карточек для аудиала и кинестетика оказывается бесполезным, о чем преподаватель должен предупредить и предложить другие способы запоминания.

По длительности хранения материала выделяют генетическую, мгновенную, кратковременную, оперативную и долговременную память. Из них важными при обучении иностранным языкам являются кратковременная, оперативная и долговременная память.

Кратковременная память — подсистема, обеспечивающая удержание и преобразование данных, поступающих от органов чувств или из долговременной памяти. Она хранит информацию в среднем около 20 секунд, если нет установки на запоминание. Временные границы кратковременной памяти могут быть расширены, например, возможностью несколько раз повторить только что прослушанную информацию. Поэтому при введении новой лексики следует дать возможность проговорить ее всей группе обучаемых — хором и индивидуально, одновременно контролируя правильность произнесения.

В кратковременной памяти может храниться ограниченное количество информации, в среднем 7–9 единиц. При этом важно, что единицей может быть как одно слово, так и единица осмысленного материала: словосочетание, микродиалог, клишированное выражение, короткое предложение. На целесообразность усвоения фразы вместо набора отдельных слов неоднократно указывали и преподаватели-практики. В частности, Е. А. Сосновская отмечает: «Необходимо отметить, что единицей информации считается не одно слово, а единица осмысленного материала, это может быть словосочетание, короткое предложение, пейзаж, лица и т. п. Исходя именно из этого свойства кратковременной памяти, осваивая новую лексику, проводя лексические разминки, необходимо предлагать для запоминания/воспроизведения не отдельные слова, а словосочетания либо небольшие смысловые группы, что позволит значительно расширить объем кратковременной памяти. При самостоятельной работе обучающимся также

необходимо рекомендовать заучивать не отдельные слова, а словосочетания» [6, с. 9]. Очевидно, что, расширяя таким образом объем кратковременной памяти, можно до некоторой степени снизить трудность усвоения чрезвычайно большого количества японской лексики за ограниченное время.

Например, вводя такой многозначный глагол, как 掛ける, полезно дать сразу несколько устойчивых словосочетаний: 塩を掛ける、アイロンを掛ける、眼鏡を掛ける и др.

При этом особенности японской лексики диктуют необходимость, так сказать, двухуровневого понимания принципа синтетичности усвоения: не только усвоение слова в составе фразы, но и иероглифа в составе слова. Практика показывает, что обучаемые легче и прочнее запоминают те иероглифы, которые вводятся в актив в составе слов с различными вариантами прочтения. Например, иероглиф 岸 «берег» имеет два варианта прочтения: かん «ган» и きし «киси». Первый из них используется в слове 海岸 «кайган» — «морской берег», а второй — в слове 川岸 «кавагиси» — «речной берег». Для лучшего запоминания двух вариантов прочтения целесообразно вводить оба указанных слова в одном уроке.

Правда, на начальном этапе обучения это не всегда возможно, так как часто одни варианты прочтения являются более частотными и встречаются в словах, относящихся к ближайшему окружению обучаемого и его повседневной жизни, а другие встречаются в словах общественно-политического слоя лексики, вводимой лишь на среднем этапе обучения, или в специальной терминологии, устаревших словах и т. п., знакомство с которыми обучаемому предстоит не ранее продвинутого этапа обучения.

Тем не менее, по возможности такой подход целесообразно соблюдать. Совершенно же необходимым он представляется при повторении иероглифического минимума, начиная со среднего этапа обучения, когда обучаемым уже освоен значительный объем тематической лексики.

При переполнении объема кратковременной памяти вновь поступающая информация частично вытесняет полученную ранее. Кратковременная память выступает в роли фильтра, осуществляя отбор той информации, которая будет переведена в долговременную память. Одним из возможных механизмов расширения объема кратковременной памяти является кодирование, то есть отражение запоминаемого материала в виде определенных последовательно расположенных символов. Приемы структурирования информации включают в себя:

- а) Смысловое расчленение.
- б) Выделение смысловых опорных пунктов.
- в) Использование наглядных образов.
- г) Соотнесение с уже известными знаниями.

Чем больше сенсорных каналов будет задействовано (зрительный, слуховой, двигательный), тем больше вероятность перехода информации в долговременную память. Поэтому, особенно на начальном этапе, важно не пренебрегать ни наглядностью (схемы, таблицы, карты и т. п.),

ни использованием аудиокурса, ни прописыванием новой информации на доске или в тетради.

Оперативной называют память, рассчитанную на хранение информации в течение определенного, заранее заданного срока (до нескольких дней). Этот вид памяти занимает промежуточное положение между кратковременной и долговременной памятью, а ряд исследователей вообще склонен относить ее к подвиду кратковременной памяти. Очень часто в процессе обучения задействуется именно оперативная память. Каждый преподаватель сталкивался с примерами, когда обучаемый, хорошо написав лексический диктант или пересказав текст, на следующий день не узнает те же слова и не помнит содержания. Ничего удивительного в этом нет, просто информация была усвоена в рамках оперативной памяти и не переведена в долговременную. Такое часто случается, если обучаемый злоупотребляет механическим запоминанием без понимания. Если такое запоминание становится системой, что особенно часто происходит при интенсивном обучении за неимением достаточного времени для закрепления и глубокого усвоения материала, то складывается ситуация, когда обучаемый, а иногда и целая группа при хорошей текущей успеваемости показывает низкий уровень на экзамене. Для борьбы с такой ситуацией нужно сменить тип заданий, сделав упор на творческие, когда одного запоминания недостаточно (пересказ текста, перевод прямой речи в косвенную, описание картинки, написание сочинения и т. п.).

Интересно, что запоминание сравнительно большого объема информации на родном языке (например, заучивание стихов), что часто рекомендуют психологи и врачи в качестве упражнения по развитию (сохранению) памяти, как показывает опыт, на иностранном языке оказывается недостаточным для перевода информации в **долговременную** память. Вероятно, это происходит потому, что в долговременной памяти хранятся не сенсорные образы, а смысловая или событийная составляющая информации. Ее закрепление в долговременной памяти основано на мышлении, сознательном придании запоминаемому материалу определенного смыслового значения, а иностранные слова осмыслить труднее.

Многие исследователи отмечают, что текст на иностранном языке запоминается лучше, если вопросы к нему предлагаются *до*, а не *после* прочтения. Чем больше умственных усилий прилагается к организации и структурированию информации, тем легче она потом вспоминается.

Часто случается, что память человека характеризуется как «слабая» из-за плохой работы не механизма запоминания, а механизма извлечения информации из долговременной памяти. Воспроизведение, то есть процесс извлечения из памяти сохраненного материала может происходить на уровне узнавания (устанавливается идентичность воспринимаемого и сохраненного в памяти), на уровне воспроизведения в узком смысле слова (материал припоминается без зрительной опоры и без особых усилий) и на уровне припоминания (с приложением усилий для воссоздания запомненного).

В процессе воспроизведения, как и в процессе запоминания, важнейшую роль играет организация действий с материалом (структурирование, соотнесение с тем или иным признаком), и необходимым условием для этого становится повторение. Известно, что повторение заученного материала подряд и в том же порядке менее продуктивно, чем распределение таких повторений в течение определенного периода времени и в произвольном порядке. Для этого целесообразно проводить повторение, например, курса нормативной грамматики, используя незнакомое обучаемым пособие или грамматический справочник, в котором пройденный материал располагается в ином, непривычном порядке, или структурирован в виде таблиц.

Структурно процесс изучения иностранного языка можно выразить классической схемой: знакомство с новым материалом — понимание — усвоение — применение — закрепление. Но на практике эта схема часто упрощается: понимание сводится к механическому запоминанию, а закрепление — к механическому повторению. При этом обучаемый не видит необходимости перевода усвоенной информации в долговременную память, ограничиваясь оперативной памятью, ограниченной во времени и объеме, что и позволяет характеризовать его память как «слабую». Чтобы этого не случилось, необходимо уделять особое внимание осмыслению материала.

Литература:

1. Аткинсон, Р., Шифрин Р. Человеческая память: система памяти и процессы управления // Психология памяти. Хрестоматия. — М.: ЧеРо, 2000. — с. 517–546
2. Блонский, П. П. Память и мышление. = СПб.: Питер, 2001. — 288стр.
3. Любимов, А. Визуалы, аудиалы, кинестетики... http://sbiblio.com/biblio/archive/lubimov_masterstvo/05.aspx
4. Пашковский, А. А. Особенности японской лексики // Слово в японском языке. — М.: КомКнига, 2006. — с. 182–195
5. Сарвартинова, О. А. Мнемотехнические приемы при изучении иностранного языка. Теория и практика // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» <http://festival.1september.ru/articles/644530/>
6. Сосновская, Е. А. Память в процессе обучения // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в лингвистических вузах. Материалы конференции Новосибирск 2–3 декабря 2009 г. — Новосибирск, 2010. — с. 7–17

Коллаж в методике преподавания корейского языка как иностранного

Лим Эльвира Хаммоковна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой
Институт филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета

Современная методика обучения иностранному языку предлагает разнообразные методы, приемы, формы работы над учебным материалом, направленные на формирование коммуникативной компетенции. Использование технологии коллажа в качестве средства обучения корейскому языку как иностранному значительно расширяет возможности как преподавателя в выборе материалов и форм учебной деятельности, так и студента, предоставляя возможность проявить творчество, активность и самостоятельность в языке.

Наиболее значимыми работами в практике использования коллажа на занятиях иностранного языка считаются труды немецких методистов таких как, Б.-Д. Мюллер, М. Зикманн и др. Б.-Д. Мюллер видит использование коллажа на занятиях иностранного языка в предоставлении возможности самостоятельного поиска продуктивных лингвистических решений, проникновения в иную культуру, передачи информации об иной культуре наглядным, контролируемым и управляемым со стороны преподавателя способом. М. Зикманн трактует

коллаж как прием изменения установленных значений (стереотипов) в процессе их субъективного комбинирования учащимися в разные темы. М. Зикманн впервые разграничивает понятие «коллажирование» как процесс, деятельность и «коллаж» как ее результат [4, с. 39–43].

В отечественной методике изучением вопроса использования коллажа стали с 1990-х гг. такие методисты как Н.Д. Гальскова, Н.П. Грачева, В.С. Красильникова, М.А. Чайникова и др. В работах отечественных авторов коллаж трактуется как средство зрительной наглядности, предоставляющее собой образное, схематически фиксированное с помощью языковых и экстралингвистических средств (картинок) отображение некоторой части предметного содержания, объединенного ключевым понятием — реалией [2, с. 6]. Коллаж как культурный феномен выступает одним из факторов практической реализации теории «диалога культур»; является культурным текстом, главное качество которого — «продуктивность»; является лингво-визуальной матрицей, используемой для

организации и передачи информации; обладает огромным дидактическим потенциалом [4, с. 75].

В обучении иностранным языкам используются различные виды коллажей (классификация Б.-Д. Мюллера):

1. Коллаж типа А — простая солнечная система, в центре которого находится ключевое понятие/ядро и от него расходятся лучи сателлитной информации.

2. Коллаж типа В — слепое пятно, где в коллаже имеются незанятые места — пятна, а учащимся предстоит определить, каким именно сведениям отводится свободное место в этом коллаже.

3. Коллаж типа С — слепое ядро соответствует типу А, но только студенты определяют ядерное понятие коллажа после знакомства со всем фоном коллажа.

4. Коллаж типа D — вспышка составляется на основе одного текста, из которого учащимся предлагается выбрать актуальную страноведческую информацию.

5. Коллаж типа E — чередующееся ядро направлено на манипуляции сателлитной информацией в зависимости от того, какое понятие является ключевым [53].

Кроме того, существуют комбинированные коллажи с применением звукового, изобразительного, схематического, а также текстового ряда информации.

Одной из основных тем, которая изучается студентами по направлению: Востоковедение и африканистика (Корея) в Сахалинском государственном университете является «Традиционные праздники Кореи». Данная тема включает такие праздники как Новый год по лунному календарю (Соллаль), Праздник первой луны (Тэборым), День холодной еды (Хансик), Праздник встречи лета (Тано), Праздник урожая (Чхусок), День зимнего солнцестояния (Тонджи). Изучение каждого из праздников сопровождается множеством текстов, которые включают национально-культурные реалии, аудио- и видеоматериалов, фразеологизмов и др. В целях систематизации, обобщения и комплексного восприятия материала коллаж может стать эффективным полифункциональным методи-

ческим средством решения целого ряда образовательных задач:

— средством формирования действий и операций зрительного восприятия, творческого воображения, словесно-логического мышления; средством вызова необходимых эмоций и мотивов (развивающий аспект);

— средством овладения фактами иной культуры и формирования познавательных интересов (познавательный аспект);

— средством формирования ценностей (воспитательный аспект);

— средством управления выработки речевых механизмов и овладением навыками и речевыми умениями разных видов речевой деятельности (в частности, чтения); средством создания ситуаций речевого общения (учебный аспект).

Рассмотрим такие понятия, как блок-ассоциограмма, ассоциограмма и блок-коллаж в рамках темы: «Традиционные праздники Кореи». Блок-ассоциограмма — план изучения темы, составляемый как преподавателем, так и студентом. Преподаватель предлагает для изучения, отобранные им тексты, раскрывающие культурные особенности каждого из отдельных праздников, из имеющегося фонда отбирает соответствующие аудио- и видеозаписи. Ассоциограмма раскрывает все значения культурно-страноведческого понятия. Отличие блок-ассоциограммы состоит в том, что предназначение ассоциограммы определяется раскрытием значений одного культурно-страноведческого понятия. Блок-ассоциограмма характеризуется наличием нескольких культурно-страноведческих понятий, каждое из которых требует дополнительного составления ассоциограммы. Блок-коллаж — блок-ассоциограмма, в которой каждое культурно-страноведческое понятие представлено либо в виде языковой, либо неязыковой наглядности. Блок-коллаж составляется в конце изучения темы. Далее предложены примеры блок-ассоциограммы и ассоциограмм по теме: «Традиционные праздники Кореи».

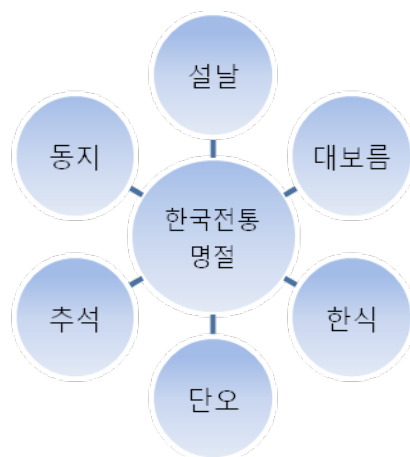

Рис 1. Блок-ассоциограмма: Ядро — Традиционные праздники Кореи, сателлиты — Соллаль, Тэборым, Хансик, Тано, Чхусок, Тонджи

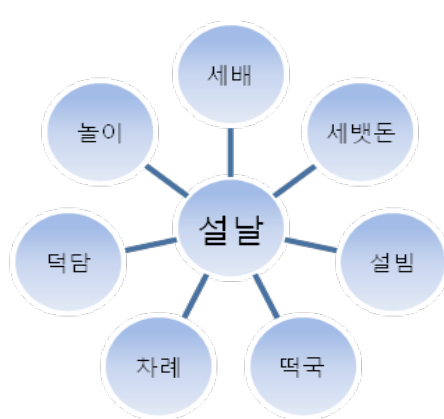

Рис 2. Ассоциограмма: Соллаль

Рис 3. Ассоциограмма Тэборым

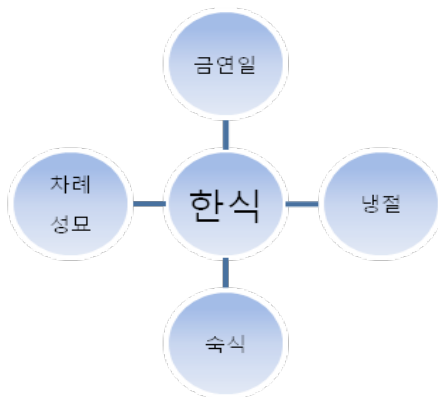

Рис 4. Ассоциограмма: Хансик

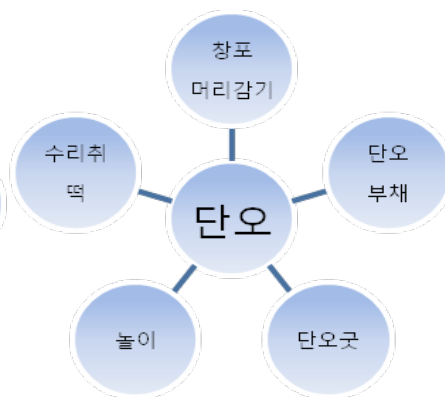

Рис 5. Ассоциограмма: Тано

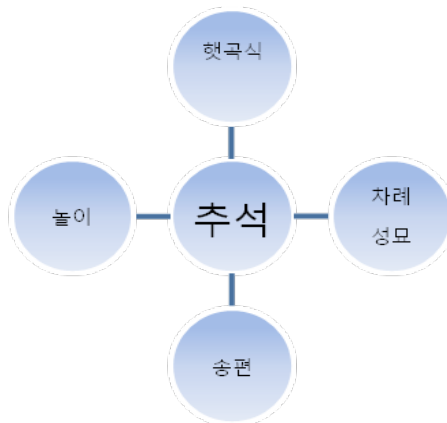

Рис 6. Ассоциограмма: Чхусок

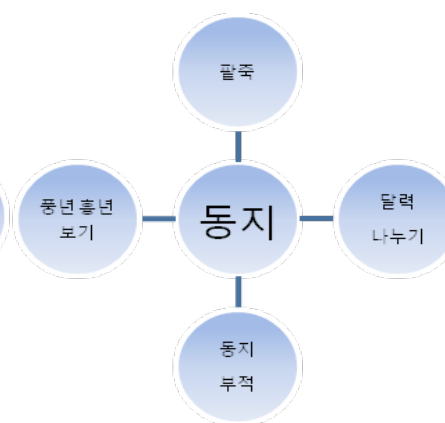

Рис 7. Ассоциограмма: Тонджи

После изучения каждой отдельной ассоциограммы составляется завершающий блок-коллаж на тему: «Традиционные праздники Кореи», который включает все изученные ассоциограммы по шести праздникам вокруг одного ядра — Традиционные праздники Кореи. В действительности предложенная тема настолько широка, что каждая из ассоциограмм может выступить самостоятельно в качестве блок-ассоциограммы, а ее сателлиты — в виде ассоциограммы, которые могут включать лексико-грам-

матические формы, пословицы, мини-тексты, визуальные средства и многое другое.

Функциональные возможности коллажа в качестве средства обучения иностранному языку доказывают универсальность и продуктивность, использование предлагаемого приема в учебной деятельности способствует созданию на занятии атмосферы творчества, развитию способностей аналитического мышления.

Литература:

1. Кривохижа, Ю. А., Павлова Е. С., Степанова О. А. Эффективные методы и приемы работы с учащимися начальной школы на уроках русского и английского языка (из опыта работы) [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — с. 138–141.
2. Нефедова, М. А. Коллаж и коллажирование в учебном процессе // Иностранные языки в школе. 1993. № 2. — с. 3–8.
3. Рыжкина, И. Б. Коллаж как средство формирования субъекта двух культур // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 6 (12). Режим доступа: https://rpojurnal.files.wordpress.com/2014/07/pdf_140614.pdf. (Дата обращения: 1.05.2017)
4. Семенюченко, Н. В., Рыжкина И. Б. Коллаж на уроках иностранного языка: теория и практика / Н. В. Семенюченко, И. Б. Рыжкина — М.: Логос, 2015. — 232 с.
5. Яковлева, Л. Н. О некоторых приемах работы с лексическим материалом на уроках немецкого языка (по материалам международного семинара, Гёте-Институт, 1990) // Иностранные языки в школе. 1992. № 2. — С59–61.

Падежные показатели は «ва» и が «га» в контексте практики аудиторного перевода

Лихачева Татьяна Николаевна, старший преподаватель
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Как показывает практика, студенты, изучающие японский язык, знакомятся с «ва», как правило, на первом уроке грамматики японского языка. В учебнике они читают: 私は学生です。Ватакуси ва гакусэй дэс. *Я студент.* Эта фраза ложится краеугольным камнем в освоение «здания» под названием «Грамматика японского языка», которое отныне студенты будут строить совместно с преподавателем. Студенты читают предложения: あの方は先生です。Аноката ва сэнсэй дэс. *Тот человек учитель.* これはいすです。Корэ ва ису дэс. *Это стул.* あの人はいだれですか。Анохито ва дарэ дэс ка. *Он кто?* И т. д.

Начав знакомство с падежным показателем «ва» с подобных предложений, студенты делают вывод, что слово с «ва» это и есть подлежащее в предложении. И мало кто обращает внимание на пояснения в учебнике и слова преподавателя о том, что «ва» «выделяет подлежащее как тему высказывания», что «подлежащее с «ва» содержит уже известную старую информацию, а новая информация в таких предложениях содержится в сказуемом» и т. д. На этом этапе студенты склонны ставить знак равенства между словом с «ва» и подлежащим в предложении. Поэтому понятны чувства удивления и растерянности, возникающие у студентов, когда уже на следующем занятии появляется тема «показатель именительного падежа «га»».

«Зачем нужен еще один именительный падеж, если уже есть «ва»?» — недоумевают студенты. И это недоумение понятно. Ведь преподаватель, объясняя ту или иную тему японской грамматики, проводит параллели с родным, т. е. русским языком. (Как показывает практика, такой подход упрощает для студентов понимание и запоминание материала.) В родном русском языке именительный падеж

только один. И, если в японском языке именительный падеж — это «га», то что же такое «ва»? Какова его роль и функции в предложении? Действительно, в русском языке нет падежа, аналогичного японскому «ва». И это обстоятельство создает определенные трудности при обучении.

Обратимся вначале к терминологии. В японской лингвистической литературе «ва» и «га» называются 助詞 (дзэси) или 格助詞 (какудзэси), что на русский язык переводят как «служебные слова», а также «частицы» или «падежные частицы». В отечественной лингвистической литературе каждый исследователь предлагает свое название, как например, «падежные послелого», «словоморфемы» и т. д. Русские преподаватели же в работе со студентами часто пользуются словом «падежные показатели». Падежных показателей в японском языке много. Здесь мы рассматриваем лишь два из них: «га» и «ва». По-русски が «га» называется «именительный падеж». А у は «ва» есть несколько названий: «тематический именительный падеж», «выделительный падеж», «выделительная частица» и др. Ничего подобного, как мы знаем, нет в родном русском языке.

Рассмотрим разные случаи употребления «ва». А затем обратимся к употреблению именительного падежа «га».

Наличие у «ва» множества названий объясняется различными функциями, которые «ва» выполняет в предложении.

Во-первых, «ва» это падеж подлежащего. 田中さんは技師です。Танака сан ва гиси дэс. *Танака-инженер.* В этой функции он совпадает с «га» как с именительным падежом. Однако механическая замена его на «га» в приве-

дённом выше примере повлечёт за собой необходимость при переводе на русский язык сместить акценты, изменив логическое ударение. Подробно мы скажем об этом ниже.

Во-вторых, «ва» это так называемое «тематическое» или «логическое» подлежащее в предложении, где есть «грамматическое» подлежащее. Например: 東京は人口が多い。То: кё: ва дзинко: га оои. *В Токио население велико. 象は鼻が長い。Дзо: ва хана га нагаи. У слона длинный хобот (досл. нос).*

В-третьих, «ва» это выделительная частица, которая может стоять при второстепенных членах предложения, таких как дополнение, обстоятельства и др. Например: 本は読みません。Хон ва ёмимасэн. *Книг не читает. 日曜日には行きます。Нитиё: би ни ва икimas. В воскресенье поеду.*

И в-четвёртых, «ва» это морфема в составе глагольных и адъективных форм. —ではありません。дэ ва аримасэн. *нет, — не является (кем-то, чем-то); してはなりません。-ситэ ва наримасэн. нельзя (делать что-либо); しはします。-си ва симас. делать-то делаю. И т. д.*

Рассмотрим разные случаи употребления «ва».

В ранее приведенном примере: 私は学生です (Ватакуси ва гакусэй дэс. *Я студент.*) частица «ва» выполняет функции именительного падежа, и член предложения, после которого стоит «ва», в переводе на русский язык также является подлежащим. Однако так бывает далеко не всегда.

Возьмем, например, такие предложения как: 今は日本語の授業です。Има ва нихонго но дзюгё: дэс. *Сейчас урок японского языка. ここは教室です。Коко ва кё: сицу дэс. Здесь аудитория.* В этих предложениях слова 今 има *сейчас* и ここ *здесь*, после которых стоит «ва», переводятся на русский язык обстоятельствами времени и места соответственно.

Обратимся теперь к роли «ва» как тематической частицы или по-другому, тематического падежа. В этой роли «ва» следует за обособленным тематическим подлежащим, которое, в свою очередь, называется так потому, что связано не с конкретным сказуемым, а со всем предложением в целом. Например: 教科書はネチャエワ先生の教科書を使います。Кё: касё ва Нэтяэва сэнсей но кё: касё о цукаимас. *Используем учебник Нечаевой Л. Т. (Что касается учебника, то используем учебник Нечаевой Л. Т.)*

Изучающие японский язык склонны переводить подобные предложения с обособленным тематическим подлежащим, начиная словами «что касается» или «если говорить о том-то и том-то» и т. д. Сами того не подозревая, что восходят к этимологии частицы は «ва», происхождение которой сами японские грамматисты связывают с условной формой ば «ба» — *если*. Как видно, обе пишутся одной и той же буквой японской азбуки.

Студенты узнают, что в японском предложении помимо грамматического подлежащего бывает так называемое «логическое» подлежащее. Это особо выделенное слово, представляющее из себя тему высказывания. Когда мы

переводим такое предложение на русский язык, то логическое или тематическое подлежащее, обозначенное словом с «ва», превращается в другие члены предложения: обстоятельства места, времени и т. д. (См. примеры предложений выше и ниже.)

По мере изучения языка в дальнейшем студенты часто сталкиваются с предложениями с тематическим подлежащим с «ва». Приведём несколько самых простых примеров.

この野菜は葉を食べます。Коно ясай ва ха о табэмас. *У этих овощей в пищу употребляют листья. (Что касается этих овощей, то едят листья.)*

会場は裏の地図をご覧ください。Кайдзё: ва ура но тидзу о горан кудасай. *Место проведения мероприятия указано на карте на обороте. (Что касается места, то смотрите карту на обороте.)*

私はコーヒーだ。Ватаси ва ко: хи: да. *Мне кофе. (Дословно: Я — кофе.)*

彼は今度もコーヒーだけであった。Карэ ва кондо мо ко: хи: дакэ дэ атта. *И в этот раз он пил только кофе. (И в этот раз он только кофе.)*

Вспоминается случай с русскими студентами во время прохождения ими стажировки в японском университете. В поезде токкийского метро на плакате была реклама известного универмага «Исэтан» с надписью: 贈り物は伊勢丹へ。Окуримоно ва исэтан э. Одна из студенток выразила восхищение «ёмкостью» японского языка, который позволяет в таком сжатом виде, как она выразилась, передать мысль, звучащую по-русски довольно длинно. А именно: «Если Вам нужно выбрать подарок, то советуем посетить магазин Исэтан». На что её коллега, быстро сориентировавшись, предложила такой же «компактный», как и оригинал, вариант на русском языке: «За подарком — в Исэтан!»

Но вернёмся на первый курс, когда студент, знакомясь с распространёнными предложениями японского языка, включающими второстепенные члены, такие как дополнения и обстоятельства, сталкивается с ещё одной функцией «ва» — выделительной. 今度の日曜日には上野へ行きます。Кондо но нитиё: би ни ва уэно э икimas. *В следующее воскресенье поеду в Уэно.* Выделительная частица «ва» следует за дополнениями и обстоятельствами (в данном конкретном примере за обстоятельством времени), выделяя и усиливая их, что явствует из её названия. В некоторых случаях она стоит после падежного показателя, а в некоторых случаях по воле автора может вытеснять падежный показатель существительного. Показатель винительного падежа を «о» всегда вытесняется частицей «ва». Надо сказать, что студенты, стремясь подражать такому употреблению «ва», которое они видят в изучаемых текстах, на первых порах испытывают замешательство, а потом начинают ставить «ва» там, где надо и не надо. Особенно это касается обстоятельств места и времени には、では. *ни ва, дэ ва когда? где?* Сам студент при этом не может объяснить, зачем он поставил «ва». Чтобы дать почувствовать смысл

«ва» как выделительной частицы, необходимо приводить много примеров предложений, в том числе пар предложений, которые отличаются только наличием или отсутствием «ва».

東京にありません。 — 東京にはありません。 То: кё: ни аримасэн. *В Токио нет. (Нейтрально).* То: кё: ни ва аримасэн. *А в Токио нет. (Имея в виду, что где-то в других городах, например: в Осака или Нагоя, может, и есть. Но вот конкретно в Токио нет.)*

昼ご飯を食べます。 — 昼ご飯は食べます。 Хиру гохан о табэмас. *Ем обед. (Нейтрально).* Хиру гохан ва табэмас. *Обед ем. (Имея в виду, что завтрак (может быть) пропускаю, про ужин не могу сказать. Но вот конкретно, что касается обеда, то обед ем.)*

あなたには言いません。 Аната ни ва иимасэн. *Вам не скажу. (Кому-то, может быть, и скажу, но только не Вам.)*

東京からは遠い。 То: кё: кара ва тоой. От Токио далеко. *(Про другие города не говорю. А вот конкретно от Токио далеко.)*

君とはけんかしない。 Кими то ва кэнка синай. *С тобой (конкретно, с тобой) ссориться не буду.*

東京には住みたくない。 То: кё: ни ва сумитакунай. *Где-где, а вот уж в Токио жить не хочу.*

京都へはいつお出かけですか。 Кё: то э ва ицу одэкакэ дэс ка. *А в Киото когда поедете? (Знаю, что Вы ездите в разные города. Но меня сейчас интересует только Киото.)*

Подобных примеров сам преподаватель может приводить много, пока студентам не станет ясен смысл «ва» как выделительной частицы.

Для проверки усвоения материала можно попросить студентов самостоятельно объяснить, в чём разница между несколькими предложениями с одним и тем же смыслом и с частицей «ва» при разных второстепенных членах. Например, предложение: «Вчера я не ездил в Кобэ.»

1. 私は昨日神戸へ行かなかった。 2. 私は昨日は神戸へ行かなかった。 3. 私は昨日神戸へは行かなかった。 Первое: Ватаси ва кино: ко: бэ э иканакатта. *Вчера я не ездил в Кобэ. (Нейтральное).* Второе: Ватаси ва кино: ва ко: бэ э иканакатта. *Отрицает «вчера». Т. е. в другие дни ездил, а именно вчера нет.* Третье: Ватаси ва кино: ко: бэ э ва иканакатта. *Отрицает «Кобэ». Т. е. вчера ездил в другие города, а вот до Кобэ не доехал.*

И, наконец, функция «ва» в составе различных глагольных и адъективных форм, начиная с простого отрицания — *ではありません*, обычно не представляет трудности, а требует простого запоминания. *学生ではありません*. Гакусэй дэ ва аримасэн. *Не студент.*

В дальнейшем в курсе грамматики студенты знакомятся с различными грамматическими конструкциями, в составе которых есть «ва», например: *読みは読んだ*. Ёми ва ёнда. *Читать-то читал*. И многими другими.

Подобные грамматические конструкции студентам рекомендуется запоминать целиком, после того, как преподаватель объяснит, из каких частей они состоят.

Обратимся теперь к именительному падежу が га. С ним начинающий изучать японский язык знакомится, как правило, после «ва». Преподаватель объясняет, что подлежащее в предложении стоит в именительном падеже «га», когда на него падает логическое ударение, и информация, передаваемая подлежащим, является новой. Фраза: *«アンナさんが学生です*. Анна сан га гакусэй дэс. *Анна студентка*». — является ответом на вопрос: *«だれが学生ですか*. Дарэ га гакусэй дэс ка. *Кто студент?»*

Предложения с «га» отвечают на вопросы: Кто или что является кем-то или чем-то? Кто что-то делает? Что имеет такие-то свойства? И т. д.

Вопросительные слова в роли подлежащего стоят в именительном падеже «га». *だれがしますか*. Дарэ га симас ка. *Кто сделает? 何がありますか*. Нани га аримас ка. *Что есть (имеется)? どの本があなたのですか*. Доно хон га аната но дэс ка. *Которая книга Ваша?*

Соответственно и в ответах на такие вопросы подлежащее оформляется тоже падежом «га». При условии, что сохраняется тот же порядок слов, что был в вопросе, т. е. подлежащее и сказуемое не меняются местами. Например: *どなたが山田さんですか*. — *私が山田です*. Доната га Ямада сан дэс ка. *Кто Ямада?* — *ワタシが Ямада дэс*. *Я Ямада*.

どれが教科書ですか. — *それが教科書です*. Дорэ га кё: касё дэс ка. *Где (который из предметов) учебник?* — *Сорэ га кё: касё дэс*. *Вот учебник*.

Студенты запоминают некоторые типичные предложения и грамматические конструкции с тематическим словом с «ва» и грамматическим подлежащим с «га». Как, например: *冬は夜がながい*. Фую ва ёру га нагаи. *Зимой ночи длинные*. *私のねこは目が青いです*. Ватаси но нэко ва мэ га аой дэс. *У моей кошки глаза голубые*. *日本語の教室は天井が高いです*. Нихонго но кё: сицу ва тэндзё: га такай дэс. *В аудитории японского языка высокие потолки*.

Такие предложения начинаются словом с «ва», которое принято называть тематическим подлежащим, потому что оно «заявляет» тему предложения, где есть собственное подлежащее в именительном падеже с «га».

Чтобы перевод предложения *冬は夜がながい*. Фую ва ёру га нагаи — отличался от перевода предложения *冬の夜がながい*. Фую но ёру га нагаи, — рекомендуется первое предложение (с тематическим подлежащим с «ва») переводить, начиная со слова с «ва», выделяя его, как того хочет японский автор, а именно: *«Зимой ночи длинные»*. А не *«Зимние ночи длинные»*. И далее: *«У моей кошки глаза голубые»*, а не *«Глаза моей кошки голубые»* и т. д.

Приведём пример, когда в рамках одного предложения перемещение «ва» и «га» меняет логический смысл высказывания. 1. *太郎は頭が悪い*. Таро: ва атама га варуй. *Таро плохо соображает*. (Предложение характеризует качества человека по имени Таро.) 2. *太郎が頭が悪い*. Таро: га атама га варуй. *Плохо соображает Таро*. (Предложение отвечает на вопрос: Кто плохо сообра-

жает?) 3.頭は太郎が悪い。Атама ва Таро: га варуй. *А сообщает плохо Таро.* (Темой предложения являются умственные способности. *Что касается умственных способностей, то можно привести в пример Таро, у которого не всё благополучно.*)

Студенты должны запомнить, что некоторые слова японского языка, такие как *好き*, *きらい*, *上手*, *下手*, *ほしい*, *分かる*, *できる* и другие, которые изучают студенты, управляют словом в именительном падеже «га». *私は果物が好きです。Ватаси ва кудамоно га ски дэс. Я люблю фрукты. 友達は料理が上手です。Томодати ва рё: ри га дзё: дзу дэс го. Подруга хорошо готовит. 車がほしい。Курума га хосий. Хочу машину. 日本語が分かる。Нихонго га вакару. Понимать по-японски. スケートができる。Суке: то га дэкиру. Уметь кататься на коньках.*

В дальнейшем студенты будут учить грамматические конструкции, в составе которых есть «га». Например: *する事ができる。-суру кото га дэкиру.-мочь сделать. したことがある。-сита кото га ару。— случилось сделать. И т. д.*

Обратимся к вопросу выбора «ва» или «га» при подлежащем. Оговоримся вначале, что сами японцы не видят в этом проблемы, и внутреннее чутьё подсказывает им, когда ставить «ва», а когда «га». Однако японские учёные-лингвисты, описывая явления японской грамматики, ещё в начале 20-го века начали исследовать тему «*「は」と「が」の使い分け*」. Ва то га но цукаивакэ. *Когда употребляют «ва», а когда «га».* Исследования в этой области продолжаются и поныне. Каждый японский грамматист предлагает своё видение проблемы, а также свои подходы и критерии выбора «ва» или «га». Тем не менее, можно выделить несколько общих бесспорных положений, касающихся того, когда поставить «ва», а когда «га» при подлежащем.

Во-первых, это принцип «нового и старого». Когда новая информация содержится в подлежащем, то после него ставится «га». Если подлежащее — это то, о чём нам было известно раньше, то — «ва». Здесь уместно сравнить падежи «га» и «ва» с артиклями английского языка «a (an)» и «the» соответственно. Характерным примером являются сказки, когда в самом первом предложении подлежащее с «га», а в следующем предложении то же подлежащее с «ва». *昔々あるところに、おじいさんとおばあさんが住んでいました。おじいさんはいつもやまへしばかりに行きました。おばあさんは川へせんたくに行きました。Мукаси мукаси ару тогоро ни одзи: сан то оба: сан га сундэ имасита. Одзи: сан ва ицу мо яма э сибакари ни икimasита. Оба: сан ва кава э сэнтаку ни икimasита. Жили-были старик со старухой. Старик ходил в лес дрова рубить, а старуха — на реку бельё стирать.*

Предложения с подлежащим с «ва» содержат суждение, выводы говорящего по поводу события или ситуации. Тогда как предложение с подлежащим с «га» описывают происходящее, фиксируют событие или ситуацию.

Например: *バスが来た。Басу га кита. Пришёл автобус. 雨が止んだ。Амэ га янда. Дождь кончился. 風が吹いている。Кадзэ га фуйтэ иру. Дует ветер.*

Перечисленные предложения с подлежащим с «га» отражают конкретное событие. Сравним ещё несколько предложений: *雨が降っている。Амэ га футтэ иру. Идёт дождь. 雨は水滴だ。Амэ ва суйтэки да. Дождь это капли воды.* В первой фразе с «га» говорящий сообщает то, что увидел. Вторая фраза с «ва» несёт в себе умозаключение. Однако, возможно и такое предложение: *雨は降っている。Амэ ва футтэ иру. Дождь идёт.* Эта фраза родилась в результате того, что говорящий задался вопросом: *«Что там с дождём? Может, его не было? Или он был, но закончился? Но нет, оказывается, идёт. Дождь идёт.* Таким образом, здесь содержится вывод, который говорящий делает, оценив ситуацию.

После «ва» всегда можно сделать паузу в речи. А после «га» нельзя. Некоторые высказывания, особенно вопросительные, обрываются на «ва». Например: *これは梅の木です。Корэ ва умэ но ки дэс. Это (дерево) слива.—じゃ、それは? Дзя, сорэ ва? А это? —それは桃の木です。Сорэ ва момо но ки дэс. Это персик—じゃ、あれは? Дзя, арэ ва? А то? —あれは桜の木です。Арэ ва сакура но ки дэс. А то сакура.*

Именно потому, что предложение с «ва» воспринимается как вывод, сделанный после обдумывания, как результат размышления, в японских пословицах и в идиоматических выражениях подлежащее как правило стоит с «ва». *花は桜、人は武士。Хана ва сакура, хито ва буси. Настоящие цветы-сакура; настоящий мужчина-самурай. 男は度胸、女は愛嬌。Отоко ва докё:, онна ва айкё: . В мужчине главное смелость, в женщине — обаяние.*

Теперь становится понятно, почему в отрицательных предложениях подлежащее с «ва». Ведь прежде, чем что-то отрицать, мы должны подумать и вынести суждение. *私は学生ではありません。Ватаси ва гакусэй дэ ва аримасэн. Я не студент. — Заменить «ва» на «га» в данном случае невозможно. Фраза *私が学生ではありません* Ватаси га гакусэй дэ ва аримасэн — не существует в японском языке.*

И наконец, следует отметить, что «сила действия» «ва» распространяется на всё предложение до конца. Тогда как «силы» «га» хватает лишь до ближайшего глагола или сказуемого. Поэтому существует правило, что в сложно-подчинённых предложениях подлежащее главного предложения идёт с «ва», а подлежащее придаточного с «га». Например: *私たちは彼が買った本を読んだ。Ватаситати ва карэ га катта хон о ёнда. Мы читали книгу, которую он купил. 私はアンナさんが来ないと思う。Ватаси ва Анна сан га конай то омоу. Я думаю, что Анна не придёт.*

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих, как далеко распространяется в предложении влияние «ва» и «га».

鳥が飛ぶときには空気が動く。Тори га тобу токи ни ва ку: ки га угоку. Когда летят птицы, воздух дрожит.

鳥は飛ぶときに羽根をこんな風にする。Тори ва тобу токи ни ханэ о конна фу: ни суру. *Птицы делают крыльями вот такие движения, когда летят.*

Следующие две пары предложений отличаются только «ва» и «га». 彼はコート脱ぐとハンガーにかけた。Карэ ва ко: то о нугу то ханга: ни какэта. 彼がコート脱ぐとハンガーにかけた。В первом предложении «человек, сняв пальто, сам повесил его на вешалку», что следует из «ва» при подлежащем. Что касается второго предложения, то «снял пальто он», а вот, кто на вешалку повесил пальто, сказать трудно. Поскольку подлежащее «он» оформлено падежом «га».

花が咲く時にはいい匂いがする。Хана га саку токи ни ва ии ниой га суру. *Когда цветут цветы, стоит аромат.* 花は咲く時にはいい匂いがする。Хана ва саку

токи ни ва ии ниой га суру. *Цветы издают аромат, когда цветут.*

В заключение можно сказать, что, обращая каждый раз внимание студентов на «ва» и «га» в предложении, преподаватель учит их понимать более глубокий смысл текста, а не просто механически переводить слова. Учит улавливать интонации и акценты, которые делает автор за счёт «ва» и «га». В противном случае, игнорирование студентом различия между «ва» и «га» может привести к серьёзным переводческим перекосам, когда теряется логическая связь повествования. Особенно заметно это бывает на старших курсах, когда студенты имеют дело со сложными текстами и, правильно переводя слова и разбираясь в грамматике, тем не менее не могут передать мысль автора, ключ к разгадке которой часто скрывается за «ва» и «га».

Литература:

1. Конрад, Н. И. Синтаксис японского языка. Л., 1937.
2. Лаврентьев, Б. П. Практическая грамматика японского языка. М., 1998.
3. Масуити Киэда. Грамматика японского языка. М., 1958.
4. Нечаева, Л. Т. Японский язык для начинающих. М., 2006.
5. 松下大三郎. 「改撰標準日本語文法」 紀元社, 1974.
6. 野田尚史. (「日本語文法 セルフ・マスターシリーズ 1 はとが」 くろしお出版, 1985.
7. 野田尚史. 「新日本語文法選書 1 はとが」 くろしお出版, 1996.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 23.1 (157.1) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаянниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешнев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаянниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга О. А.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297